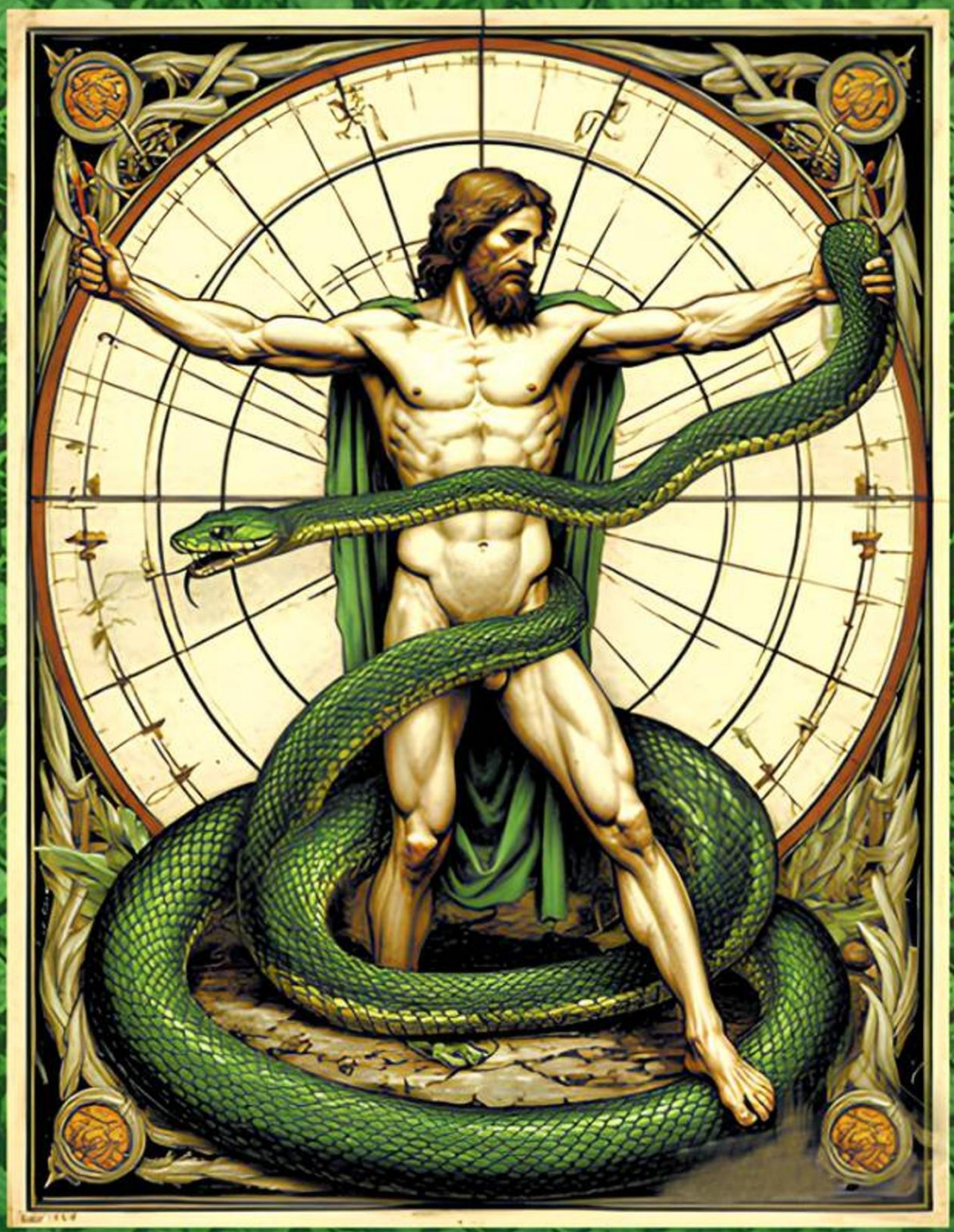
ИСПОВЕДЬ АНОНИМНОГО АЛКОГОЛИКА

Анатолий Сендер

ПИСЬМО ОТ БАХУСА



Сто случаев из жизни трезвого Сообщества

18+

Анатолий Сендер

Письмо от Бахуса. Исповедь анонимного алкоголика.

«Автор»

2026

Сендер А.

Письмо от Бахуса. Исповедь анонимного алкоголика. / А. Сендер — «Автор», 2026

Эта книга – попытка изложения философии трезвого мышления алкоголиков в период реабилитации («религии трезвости»). Она занимает совершенно особое место в современной литературе. Будучи посвящена исследованиям становления личности в процессе перерождения или «воскрешения из мертвых», она рассматривает проблемы мирного сосуществования трезвого Сообщества и Спиритуса – Духа тьмы. Читатель может насладиться эрудицией автора в проблемах психологии трезвости, изящной манерой изложения подводных течений «взрослой инфантильности», почерпнет здесь сведения из области всемирно известной программы исцеления от веществ, изменяющих сознание – программы Двенадцати Шагов

© Сендер А., 2026
© Автор, 2026

Анатолий Сендер
Письмо от Бахуса. Исповедь анонимного алкоголика.

ИСПОВЕДЬ АНОНИМНОГО АЛКОГОЛИКА

Анатолий Сендер

ПИСЬМО ОТ БАХУСА

Сто случаев из жизни

трезвого Сообщества

Минск

Издатель А. Н. Вараксин

2025

УДК 821.161.1(476)-32

ББК 84(4Беи=Рус)-44

С31

Сендер, А. Н.

С31

Письмо от Бахуса : Сто случаев из жизни трезвого Сообщества / Анатолий Сендер. – Минск : А. Н. Вараксин, 2025. – 484 с.

ISBN 978-985-7328-96-3.

Эта книга – попытка изложения философии трезвого мышления

алкоголиков в период реабилитации («религии трезвости»). Она за-нимает совершенно особое место в современной литературе. Будучи

посвящена исследованиям становления личности в процессе перерождения или «воскрешения из мертвых», она рассматривает проблемы мирного сосуществования трезвого Сообщества и Спиритуса –

Духа тьмы.

Читатель может насладиться эрудицией автора в проблемах психологии трезвости, изящной манерой изложения подводных течений

«взрослой инфантильности», почерпнет здесь сведения из области

всемирно известной программы исцеления от веществ, изменяющих

сознание – программы Двенадцати Шагов.

УДК 821.161.1(476)-32

ББК 84(4Беи=Рус)-44

ISBN 978-985-7328-96-3

© Сендер А. Н., 2025

© Оформление. Издатель

А. Н. Вараксин, 2025

Инне Владимировне

Санкевич – посвящается

ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ

Эту книгу нужно читать медленнее медленного: перед вами исповеди, а это божественно!

Эту книгу следует читать по «чуть-чуть» – божественное чтиво

вкушается строго дозированно.

Эта книга служит раздражающим фактором для хитрецов людей, так как выволакивает из души потаенное.

Книга дает возможность одновременно всем почувствовать еще

не отгоревшее великолепие душевной боли.

Книга, как новое зарево в душе, где, казалось бы, успокоен-ность, стенка, предел.

Книга исцеляет, когда взрывается «нутро» и дух, холодный и

расчетливый, заходится до жути… До такой жути, что многое и ве-ликолепное в вас, вроде бы померкнувшее навсегда, вдруг обмолв-ливается о еще невысказанном. До такой степени книга благодатна!

Автор совершенно верно предугадал, как достигнуть простоты

и обаяния детского подлинника.

Чтобы не думать скучно о скучном, эту книгу нужно читать

очень и очень медленно.

Местами вкрапленная метафорическая абстракция чуточку пугает Божью милость, столь чувствительную к откровениям и простоте…

4

Часть 1

В кружевах недомолвок

НАША КСЮША ГРОМКО ПЛАЧЕТ

Ксения выступала на группе Анонимных Алкоголиков: «Я думала, что здесь все грязные, прическу делать не надо, а как зашла, увидела – все такие красивые, такие трезвые и нарядные. Я думала, что вы здесь пьете анонимно. Вы меня удивили».

Николай слушал ее монолог и мысленно переносился в прошлое: шестнадцать лет назад, он мужчина, боящийся реальности, думал точно так же. Тогда он сидел на конференции Анонимных

Алкоголиков и слушал исповедь ровесника: «Я просыпаюсь на мусорной куче, а по мне ползают помойные коты…» Народ в зале смеялся. Худощавая женщина, сидящая рядом, кружила голову уместны-ми подсказками, прикасаясь губами к мочке уха: «Это у тебя пройдет

месяца через два-три…» Новичок радостно дрожал, страшно волновался. В гудящей голове мелькнула идея подняться на трибуну, мысли

путались в шуме аплодисментов, терялись в нерешительности.

На второй день в зале пахло винным перегаром – кто-то «сорвался». Дух Николая вибрировал: угнетало отсутствие популярности, донимала зависть к братьям, с легкостью взбегающим на трибуну.

Постепенно Николай так привык глубоко забираться в прошлое, что ходил туда во время собраний как на прогулку. В реальность его

возвратила Ксюша: «Иду туда, где висит стаканчик, где уединение и

столик, где пила водку».

На волне воспоминаний он испытывал точно такие же ощущения. «Боже, не сошел ли я с ума?» – с ужасом вопрошал. Изнутри

необъяснимым образом точили страхи.

На трибуне волновался брат: «В тот день я много выпил, и мне

показалось, что я птица. Я вышел на балкон третьего этажа и полетел…» Его лицо, отдающее синевой, отражало пограничное состояние Николая, направляемое чьей-то волей, чьим-то недобрым

умыслом, удерживающее мужчину между навязчивым желанием

броситься вниз и жаждой жизни.

5

Что-то творилось с мыслями Коли: одна путала другую, хвата-лась за третью, и все они свивались в вервие, привязывая к Сообществу этих людей, возродившихся из пепла. Сейчас он поверил, что

они помогут ему измениться.

В Николае просыпалась любовь к человечеству, хотя конкретно
каждого человека он ненавидел и себя ставил выше других. Сейчас
все его существо пронзала неведомая боль перерождения, будоража
в душе тоску по другу, по любви к женщине.

Косой солнечный свет заходящего солнца слепил глаза и напоминал, как в далеком детстве маленький Коля тянулся к зовущему
рассвету, чувствуя благодать небесную без имени и отчества. На
фразе Ксении: «Вот так бы молитва приходила, как страх…» – мужчину покинуло чувство раздвоенности, сменившись радостным желанием жизни.

В разных книжных источниках Коля читал о людях, построив-ших церковь. Бессонными ночами, опутанный думами, страстями
и словами апостолов, он грезил прославиться, возведя храм божий
имени безымянных Анонимных Алкоголиков.

Ксюша, как и подобает новичкам, поучала духовное братство
христианским принципам: «Во всех случаях к Богу обращаются со
словами: “Да будет воля Твоя!”»

Слушая, Николай зацепился за «прошлые обиды» и унесся в те
дни, когда он деньги прятал в носки и спал не раздеваясь. А утром, спускаясь с девятого этажа, украдкой подбирал окурки под окнами, таясь от соседей. Поджидающий его у входа в подъезд конкурент – муж
уборщицы устраивал скандалы, сотрясая своды панельного дома.

Появилась опоздавшая сестра, известная как тихая богомолка.

Ее лицо, иссеченное морщинами, напоминало простроченную тря-пицу. Из расстегнутого ворота у нее выглядывал золотой крестик.

Новичок, захлебываясь от эмоций, пересказывал пьяный сон.

Кто-то (а это был Николай) успокаивал его: «В старом питии, как в
детском саду, уже все известно: в обед манная каша, горшок, сон».

Коля никогда не забывал свой первый алкогольный сон в трезвой жизни. Он пил во сне с сестрой. Употребление спиртных напит-6
ков во сне – феномен, сравнимый с насилием чистых намерений и
любви нарождающейся личности, изувеченного тела и попранного
духа. Имени было жальче, чем тела. Имя, сохраненное в бедствиях и
страданиях, очень хотелось оставить для потомков. Вновь обретенная трезвость вдруг опять низринула его, пусть и во сне, в суетное
небытие безумства.

Страшнее было во всем признаться на группе. Именно это более всего врезалось в память в отшельническом сне. Утро проявилось осмысленно в реальном псалме реальной трезвости. Бренно
существующее пространство звало скорее в отшельники, нежели в
школяры. Сонная крыша рушилась и крушила убеждения. Крик о
помощи звучал с оттенком дутого самомнения.

Николай скрестил пальцы на затылке. Центр тяжести у него
сдвинулся, и он едва не повалился набок. По трубам гулко стекала
вода. Золотились лучи гаснущего солнца. Оля признавалась: «Я б ее
убила, у меня одна ненависть к ней и никакой любви…»

Константин, листая глубинные ощущения, вспоминая ползаю-щих по нему внучек, убеждал народ в том, что жизнь у него состоялась: «Находясь в постоянном питии, невозможно понять, что ты
алкоголик…»

«Начальница меня раздражает тем, что все время включает обо-греватель и портит свежий воздух. Я боюсь, что надышусь и забо-лею раком…» – выплескивала Ксюша.

Николай хорошо знал одно: только личностный рост дает возможность оставаться трезвым, сохранять эмоциональное равновесие и жить целеустремленно при любых условиях. В противном

случае усталость сменяется разочарованием, потерей цели, утратой

смысла всего отрезвления.

Он не собирался играть со смертью под звуки суицидной сим-фонии, звучащей днем и ночью. Короче говоря, он принял позицию

фанатика, исходя из рекомендаций «Третьего Шага» программы

Анонимных Алкоголиков, приведенных на странице 46: «Зависимость от Высшей Силы оказалась не слабостью, а главным источником жизни».

7

В первое время Николай мучился с «Первым Шагом», где нужно

было признать бессилие перед алкоголем. А после еще одиннадцать

лет он постигал бессилие перед жизнью, сражаясь с нею по пустякам.

Взглянув в свою прошлую жизнь, Коля выписал многое из того, что вызывало несогласие, казалось неверным, выглядело абсурд-ным с точки зрения здравого смысла. Из большого количества раз-ногласий между тем, что сделано и как ты это понимаешь сегодня, он выбрал недовольство своим почерком. Используя опыт средне-вековых монастырских переписчиков книг, Коля начал переписы-вать «Исповедь книгочея». Почерк преобразился, сделался ровным, удобным для чтения. Вскоре выяснилась связь почерка и внутреннего состояния души. Глубинная тревога шатала литеры, страх перед

будущим гнал десницу вверх и в сторону.

Ксения нюхала пальцы, дергаясь всем телом: «Я думала, что

молотком ее пристукну, эту приемщицу, заверну в ковер, который

она отказалась принимать в чистку, и тихонько вывезу в лес…»

Думы смешались. Близилось чаепитие.

Коля отворил форточку, чувствуя прилив творческого воображения. Указывая глазами на самовар, Оля шепнула: «Ставь на стол…»

С коробки на пол посыпались крошки. Расстегивая пиджак, Коля

бросился их собирать. С Ксенией творилось что-то неладное, она

вдруг разрыдалась, спрятав лицо в ладони. Кто-то пошутил: «Наша

Ксюша громко плачет…»

ПИСЬМО ОТ БАХУСА

Эта легенда связана с самой знаменитой и популярной личностью истории человечества – Бахусом. Если коротко – она напря-мую соотносится с могущественным духом тьмы – Спиритусом. Но

не будем всуе вспоминать властелинов мира…

Письмо было без обратного адреса – с припиской: трезвому алкоголику Николаю – гуманитарно образованному, чьи знания программы духовного исцеления от алкоголизма Двенадцать Шагов, а

также искусство трезвости одного дня позволяют избежать всяческих примечаний и комментариев.

8

Весьма оригинальный в своем способе выражения автор письма показался мне еще более удивительным в методе своего мышления. Но к чему эдакая витиеватость?

Письмо было сложено по образу и подобию фронтовых кон-вертиков – исписанный лист загибался справа налево, затем слева

направо, оставшаяся полоса бумаги загибалась по краям и вставля-лась как клапан внутрь треугольника. На наружной стороне такого

треугольника я и прочитал приписку. К слову сказать, удивился я не

столько весточке, сколько факту почтового уведомления, и по очень

простой житейской причине – писем я не получал, писать их было

некому, все, кто мог бы это сделать, почили в Бозе.

Еще более шокирующим было то, что к написанному прилага-лась вырезка из популярного журнала темных сил «Вакханалия».

Его редактор, небезызвестный в мировом безумстве алкоголизма

Вакх, явно грешил плагиатом, очевидно, желая прослыть интел-лектуалом. Он беспардонно цитировал Сан-Виктора Гюго, конечно

же, перефразируя и выдавая за свои мысли. «Стоило вам, Николай, написать целую книгу только для того, чтобы я написал о ней одну

статейку…»

Когда я пробежал глазами по статье, мне стало не по себе. Речь

шла о моей книге «Южнее улицы Юшкова,» или триста коротких

рассказов о том, о чем говорить вслух е принято. Проще говоря, отрицательный портрет самого себя или же духовный образ человека, если его выволочь из-за спины и поставить перед собой, в общем, исповедь на центральной площади.

Само письмо также перемежалось, в основном, отзывами о

моей книге. Так как автор письма метафорической слабостью не

страдал, то мысль «когда я читал эту замечательную книгу, то надевал темные очки, дабы не ослепнуть…» как нельзя лучше характе-ризовала общую тональность критики.

Более чем неожиданным, на мой взгляд, было ощущать между

строк странную искренность, сопереживание, тревогу о моей судьбе, которая в связи с изменением кармы совершила умопомрачи-тельный зигзаг и двинулась в трезвом направлении.

«Вот уже двадцать шесть лет, начиная с того дня, когда ты ушел

от нас в трезвость, я с горечью наблюдаю за тобой, думаю о тебе, отче-9

го в голове моей рождаются глубоко печальные мысли сожаления, –

с болью выдыхал Бахус душевные строки. – Как мог ты, лучший

из лучших алкоголиков мира, на которого мы возлагали большие

надежды как на будущего предводителя мирового алкоголизма, обратиться к презренной трезвости, называя ее божественным даром?

А твоя, хоть и понравившаяся мне книга, – сам великий Спиритус

назвал ее золотой чашей, внутри которой ослепительно сияет гряду-щая трезвость, – просто убила меня.

Я ненавижу твою книгу, твою трезвость вместе с проклятым

духовным ростом. Очень жаль, что Спиритус назвал твою книгу

изысканным бриллиантом, коль скоро все мы тут скорбим, потеряв

тебя, и, похоже, навсегда. Кстати, как живется тебе там, в трезвом

измерении, с твоей глупой устойчивой трезвостью одного дня?

Мерзкая трезвость твоя нам отвратительна, если не сказать

больше. Вакха – ты ведь знаешь его романтический характер и

благородство натуры, – как только он узнал о твоем предательстве

нашей великой религии, хватил удар. Да простит нас Дионис за ис-пользование латинской формы его имени.

Хочу сказать несколько слов о скорби, поселившейся в наших

сердцах, которую наш безумно нетрезвый народ ощутил при твоем

отшествии не туда, куда нужно. Жители нашего хмельного королевства носили амулеты с изображением картин твоего морального

разложения, а наши безупречно преданные алкоголизму красавицы

помещали твое крохотное фото в медальоны, чтобы в минуты от-ходняков лицезреть твое спившееся мерзопакостное чело.

Ты был тем алкоголиком, мысли которого неразрывны с безумием и вечно блуждают в царстве великих разрушительных грез. Ни

в ком другом так гармонично не сочетались алкогольная шизофрения, паранойя и заложенная самим Спиритусом эпилепсия. А твоя

любовь к себе, переплетенная суицидными мотивами и обращенная

прежде всего к нам, показалась мне тем тёмным светочем, способным укрепить наше могущество.

Мы отлили тебе столько памятников, что даже большевики со

своим идолом Лениным удивились бы, узнав, что твои бюсты стоят в каждой квартире, а тиражи твоего безумного жизнеописания, гениально окрещенного антипокаянием, в результате переизданий

даже превзошли тиражи сочинений того же Ленина и Библии.

10

Твои блистательные монологи, восторженные, глубокие, невозможно забыть. Антиблагочестивый и антипочтительный в нашем

понимании, ты на протяжении многих лет разрушал любые отношения так, как никто другой до тебя в истории нашего исключи-тельного безумства. Ты, словно виноград в бочке, от души топтал

моральные принципы ненавистного нам трезвого человечества, и –

о великий алкоголик Николай! – ты создал свое Евангелие, осно-вываясь на морали безнравственных поступков, философии преда-тельства и этике двуличия.

Мы восхищались твоими мрачными чудачествами. Как виртуозно ты сбивал с пути истинного верных жен, целомудренных дев, одурманивая пестрыми обещаниями, опаивая их вином и похотью!

О твоем мелком подворовывании блестящих и ничтожных предметов в нашем царстве идет нескончаемый сериал с усиленной рекла-мой твоего двуличия.

Мы, и прежде всего я, терпеливо ожидали твоего окончательно-го падения, помня о твоей склонности к суициду, – под твоим бал-коном на девятом этаже наши служки предусмотрительно натянули

прозрачную сетку, ибо ты был нужен нам как некая человеческая

масса, способная превратиться в известное неорганическое соеди-нение, но не суицидным, а алкогольным путем.

Всем нетрезвым миром мы застыли у подножья и с интересом

наблюдали за твоим стремительным падением, нет, даже кувырка-нием, подобным катящейся по склону террикона породе на твоей

известной всем нам родине – Донбассе.

И вдруг ты исчез! Даже мы, владетели времени, не могли ничего

понять, хотя четко и ясно слышали твой голос, несущийся откуда-то

из чужого измерения. Но откуда конкретно? Наши службы охмеле-ния и оглупления сбились с ног в поисках тебя. Ты же безостановочно и как-то непривычно трезво говорил о нынешних временах и

людях, что воспринималось нами как ирония пьяного экстраверта, ударившегося головой о камень.

И этот образ, приводивший в восторг даже наше грядущее, даже

самых требовательных из нас, совершенно непредсказуемо для нас

возник в дерьме трезвости. Более того, ты, эдакая трезвая сволочь, больно сек нас розгами покаяния, называясь то народным трезвым

алкоголиком республики, то почетным трезвенником России, то заслуженным трезвенником Донбасса.

11

Там, в будущем, мы не могли скрыть своих слез разочарования, узнав, что ты, наша надежда, отныне вынужден нести бремя унизи-тельного неупотребления веществ, изменяющих сознание, и также

растляющего духовного роста. Не веря, мы выдавливали из себя: ха-ха-ха! Но при этом мы отнюдь не улыбались. Великий траур опустился на нашу Вакханалию! Видя и слыша, как ты разбрасываешь

наши сокровища по медитациям и молитвам, ежедневным собрани-ям Анонимных Алкоголиков – этих наглых сектантов, запрещенных

в нашем царстве под страхом смерти, мы скорбели.

По твоей милости у нас, из-за растерянности и недоумения на

неопределенное время приостановлены празднества в честь бога

виноградарства и виноделия Диониса сына Зевса и фиванской ца-ревны Семелы – Дионисии и Вакханалии, что есть неслыханное на-другательство над традициями безумия.

В настоящее время Советом главных безумцев принято решении о замораживании всякой информации о тебе до момента твоего

осознания масштабов содеянного и возвращения к нам путем обык-новенного и проверенного срыва, запоя, переходящего в сумасшествие с оглуплением и отупением, отрицанием трезвости в нескончаемой тяге и неизлечимой алкогольной аллергии.

Почему я написал тебе это письмо? Дело в том, что я единственный из Совета главных безумцев, кто не теряет надежды на твое

возвращение, ибо, как личность, ты в моем понимании, далеко не

исчерпываешь всего, о чем я упомянул в твоем описании. Я хорошо помню несколько выявленных в твоей судьбе характерных черт, присущих одному Дионису. Возможно, ты, алкоголик изысканный

и замкнутый, в котором смешаны, главные достоинства безумца от

алкоголизма, и есть прямой потомок Диониса. Во всяком случае, я

в это верю.

Алкоголик по преимуществу классический, всем существом

своим протестующий против разумной реальности, ненавидящий и

бегущий, словно от чумы, от проблем, ты вынужден будешь служить им – противникам нашим – в качестве примера для подражания! Ты будешь ежедневно молиться и высказывать ежедневное

мнение по поводу глупейших духовных постулатов трезвой импе-рии. Завершая, заклинаю тебя сумасшествием – возвращайся! Тебе

достаточно вычеркнуть из своей жизни первые – до алкоголизма – и

12

последние – трезвые – годы, и вновь оживет прекрасная и безумная

песня, в которой ничто не напомнит тебе о том, что ты натворил!

Скипетр Вакханалии ждет тебя! Пусть твои царственные колени, дрожа, двигаются на хмельной Олимп!

Твой Бахус!»

ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ

Собрания Анонимных Алкоголиков, как правило, завершались

кругом трезвости. Это традиция. Она, конечно, относительна, потому что каждая группа вполне самостоятельна. Например, в ки-ноленте «Его звали Билл» об основателе легендарного движения

трезвости члены сообщества заканчивают собрание молитвой о

душевном покое. Или, например, в Таганроге Ростовской области, Николай отметил некоторые оригинальные находки.

Такова позиция вперед заданного чуда. Оно, как известно, учит

полному отрезвлению, и умению в последующем умению жить

трезво. Непонятно как, но учит, приводя развивающуюся личность

к фактическому отказу от исходной установки на употребление

спиртных напитков. Священное действие очерчено зыбкой гранью

ступеней и традиций. Напомню, традиции, в отличие от законов, люди блюдут безоговорочно.

Правой рукой в круге трезвости Николай держал руку Олю. Ле-вая рука едва касалась ладони Кристины. «Мы беремся за руки и

вместе можем сделать то, что в одиночку нам не по силе…» Читаемый текст и сомкнутые руки трезвых алкоголиков многократно усиливали действие божьей милости и благодати. Иногда, даже чаще, чем это допустимо, кто-то весело хмыкал. Тогда начиналась цеп-ная реакция едва сдерживаемого школьного смеха, нарушающего

серьезность происходящего.

Николай четко произносил слова, зная их целительную силу.

Он старался смотреть на тех, кто стоял напротив: так они виделись

беспомощными. Одни стояли скованно, другие дергали коленями, третьи держались строго, как на параде. По-прежнему, как и много-много лет назад (год трезвости у алкоголика мирового класса

идет за десять), Николай находился в окружении красивых женщин.

13

За чаем, любо-дорого посмотреть, одни женщины! – мечта

многих и многих завистников. Что-то брат Коля куда-то заспешил, зря ему чай заваривали. Похоже, он не может преодолеть какой-то

перманентной депрессии. Он чмокнул на прощание в щеку сестру

Раю, пребывающую в воздушном романтизме в силу высокой эмоциональности. Брат Александр метался в тисках одиночества, не

принимая помощь сестры.

На столе остывал еще один стакан лишнего бодрящего напитка. Николай все это мстительно запоминал. Он положился на здравомыслие безнадежной и не обучаемой Кристины, чьи трезвые

убеждения и необязательные знания тянули в сторону бесполезной

психотерапии. Как все слабо трезвые в эмоциональном плане алкоголики, она твердо стояла на зыбкой позиции своеволия в тысяче

верст от цели. Хотя давно известно, что все рано или поздно вступают в спасительную страну смирения. Иным это удается еще при

жизни.

Что-то очень пугало Кристину, грозило ее душевному покою.

Она трепетала от какой-то мысли, от страха остаться в одиночестве.

Она дергалась, качала головой, переминаясь с ноги на ногу. На ее

фоне сестра Рая раздражала своей медлительностью. Сестра Оля

как всегда привлекала взоры цветущим видом. Николай щелкал су-ставами пальцев от нетерпения и раздражения.

Настало время расходиться. Кристина стояла в коридоре, уставившись в одну точку: желчь в ее крови еще разливалась, но не так

бурно, как в начале занятий. Некая тревожная взрослость, какая-то

убедительная решимость просыпалась в ее сердце. Рая с недоумением оглядывала стену непонимания между нею и Николаем. Элеонора случайно обнаружила пропажу ключей от входа. Народ завол-новался.

С улицы, прилепившись к стеклу, глядело лицо. Туманный образ походил на брата Александра и народ дружно вспомнил, что

ключи-то брал он и, по всей видимости, унес связку с собой. Духовное братство, наполненное живым дыханием наступающего вечера, вдруг распалось на отдельные группки, обнаружив эмоциональные

проблемы. Следствие неверно сориентированных инстинктов ока-тило туманом комнату, только что исполненную благодатью и божьей милостью.

14

Братство, спаянное нерушимой эмоциональной связью, согре-тое одним солнцем духовного роста, померкло вмиг. Брат Александр, еще недавно милейший человек, ушедший со словами благодарности от группы, превратился в отрицательного героя. Каждый, кроме Николая (ему было жаль денег), схватился за телефон. Хму-рый старожил всем своим видом выражал недовольство, думая об

оступившемся брате нелицеприятно. Раздражение росло вместе с

напряжением. За порогом топталась ничего не понимающая убор-щица.

Подобная ситуация случилась на этой же группе лет десять назад. Тогда занятия проходили в другом, менее комфортном помещении. Молодой человек, новичок, мелькнул, как демон, унеся ключи.

Напрасно трезвые алкоголики всей группой выбегали наружу, осматривали на остановке лица прохожих. Парня никто не запомнил. Да

и был ли он?

Телефон брата Александра упорно молчал. Четыре трезвых алкоголика думали в одном направлении. Это означало только одно: вопрос непременно решится, а все, кто стоит на их пути, будут сме-тены. Духовную тайну ведал только один брат Николай. Вечер бросал на всех клочья сырости. Одежды их курились от жаркого напряжения, а эмоции гнева плясали на желваках благородной яростью.

Через мгновение все услышали, как Александр ответил и сбро-сил звонок. Вскоре, заглушая децибелы оживленной магистрали, Рая сообщила: «Да вот он идет!» Радостно восклицая, идущего торопили все вместе: «Беги скорей, а то уборщицы разойдутся!»

«Я сел в машину и через пятнадцать минут заметил, что телефона нет. Я обшарил карманы, обнаружил ключи и бросился обратно.

Вы не поверите! Там же, на самом людном месте спокойно лежит

мой телефон, а на табло десять неотвеченных звонков!» – делился

брат эмоциями.

Трезвые алкоголики гудели, как четыре паровоза: «Ничего

себе!», по-детски удивляясь и сохранившемуся телефону, и чудес-ному возвращению ключей, и всему тому, что произошло с ними в

короткий промежуток времени.

15

МОНОЛОГ

«Иногда мне снятся старые добрые времена, исполненные тре-петного пиетета к алкоголю…» – сестра пальцем рассекает живое

время, как будто оно не время и не живое, а чурка какая. Сестра использует всемогущество (в земном понимании этого слова) программы Анонимных Алкоголиков и психологию эмоционального отрезвления нетрезвого человечества в сфере заблудших землян, приот-крывая кровоточащее зияние, путая его с праздным песнопением.

На группе Анонимных Алкоголиков присутствует всего шесть

человек, каждый высказывается сколько душа пожелает. Секретарь

Света, надзирающая за соблюдением традиций, исподволь зевает, открыто игнорирует артистичные излишества и декоративные метафоры выступающей. На улице господин алкоголизм шумно отме-чает какой-то праздник. Нетрезвые парни и девушки слоняются под

окнами, будоража течение душевного покоя.

«Нет, нет, нет, у меня даже гражданского брака никогда в жизни

не было», – женщина возносит руки в сторону запредельности, но

Николаю, мастеру трезвости одного дня, очевидно, что ее защита

пока еще не заткана нитками духовности и состоит в основном из

психологически красивых и обманчивых умозаключений.

Участники текущих событий, в основном дамы, не скрывают

явного раздражения, вызванного монологом. Сексуальная неудов-летворенность затевает склоку, обнаруживая себя. Наталья, например, реагирует на словопрение плохо спрятанным презрением. Она

отворачивается, странно и очень убедительно подчеркивает свое ко-ролевское происхождение гордым облачением самодовольства. Николай со своей нейтральной позиции старается всем своим видом

выразить внимание и не заводить и без того заведенную душу.

Пьяное сборище за окном о чем-то громко спорит, крепко ругается скверными словами. Хорошо видно, как один из его участников, заломив шапку набекрень, срывает на клумбе цветы и пре-подносит их проходящим мимо молодым девушкам. Молодежь виз-жит, рассыпается, скрывается из поля зрения. «Мне бы закрыться

в машине с ящиком водки и с мужиком – и обнулить счетчик. А то

ведь все валяюсь на диване в этой унылой трезвости. Хватит, еще

належусь на том свете!»

16

У Натальи в глазах читается: «Хватит болтать!» Чувствуется, что пожилая алкоголичка собирается привстать, и она делает это неловко. Страшно одинокий Василий заглядывается на красивую Свету (на нее все засматриваются), верно, выбирает женское существо, что красивее его детских представлений о красоте. Глаза у него бле-стят от разнузданной похоти просто эмоционально нетрезвого человека. Отсутствие личностного развития крепко портит мужскую

харизму. Нувориши в первом поколении всегда видны за версту. Из

колхоза-то они уезжают, а вот колхоз из них – никогда. Да и ростом

он – по грудь нормальной красавице.

Наталья, если верить выражению ее взгляда, через несколько

минут убьет артистку. В ее невысказанной решимости можно не сомневаться. О неприязни прекрасного пола к выступлениям сестры с

амбициями свидетельствует напряженная тишина: «Я очень любила

алкоголь, а когда протрезвела, оказалось, что я однолюбка, – вроде

бы и завершает свою прелестную исповедь властительница сцены

театральной. – Я вдруг почувствовала здесь, что умею чувствовать.

И отправляйтесь все вы, не алкоголики, на кулички, хоть за помидорами, мне глубоко амбивалентно…»

У секретаря кудри шевелятся на лбу, выбиваются из красивой

прически. Черноглазая простушка, пытающаяся выглядеть жрицей, оживает и нервно крутит головой, силится понять идею. Искомый

смысл, конечно же, упрятан глубоко в борозды подсознания. Цель

его – произвести впечатление, удовлетворить гордыню, дать всем

почуять собственную важность. Что и происходит на деле. Но, несмотря ни на что, время рассечено, кровоточащее зияние налицо, тема живо трепещет. Несмотря на всеобщую ненависть к тем, кто

ставит перед собой несбыточную цель – назваться лидером среди

лидеров, обломок молнии, назначенный замкнуть небо и землю, издевательски мелькает в дерзком ораторе.

«Вчера на дне рождения все жрали водку и после каждой рюмки подбегали ко мне и выспрашивали, почему я не пью. «Может, тебе пива налить? Может, сухого винца?» Идиоты!»

Чувства прорывают очевидный шифр, раздирают тайнопись, и Таисия предстает перед единомышленниками кротко и покорно, естественно и человечно. Наталья снисходительно поворачивает голову и позволяет всем взглянуть на нее. Один волос туда, другой

17

волос сюда, но – царица! Ожившая простушка, похожая на египет-скую жрицу, вздыхая, шепчет сидящему рядом Николаю: «У меня

такие запои были, что боже мой, боже мой!» Вроде бы и ничего осо-бенного не произносит, а попадает в самое сердце. Николай испытывает двоякое чувство вины и перед секретарем собрания, и перед

Таисией, еще не завершившей свою душераздирающую речь.

«Вы понимаете, иногда находит: вот бы напиться! – и отпускает.

Помнится, хотела я плюнуть в глаза доктору, когда он обозвал меня

алкоголиком третьей степени. Пришла домой, поплакала, выпила

полстакана вина – никакого облегчения. Выпила еще полстакана, потом еще и еще. Проснулась на полу. Подумала: испортил доктор

мою пьяную жизнь, назвав вещи своими именами. Началась моя

непутевая трезвая жизнь со срывами, самообманами, мучительным

духовным ростом. Поначалу рядом с мужчинами чувствовала себя

невестой. А вчера на дне рождения меня назвали красивой женщиной, и я опьянела. Домой пришла, там все плохо: воду на два часа

отключили, сын куда-то пропал и не звонит. Сантехники не пока-зываются. Я перестреляла бы всех, если бы был автомат, все такие

подлые, все такие мерзкие, в глаза врут нагло. Думала, с ума схожу

и ничего мне больше не поможет. Нет же, группа помогла».

Поистине прекращение самообмана ведет к снисхождению

благодати. Таисия выглядит важной свахой. На некоторое время

все превращаются в единую команду с общей целью, с одной-един-ственной задачей – сохранить трезвость, научиться жить трезво. Наталья, касатка, манит ладонями свет небесный и проводит перстами

по лицу, как бы омывая его стекающей струей. Света всматривается

в угол, где следовало бы царствовать иконе. Повернув чело к Николаю, она указывает лукавыми очами на заснувшего Сергея, которого никто не замечает. Татьяна трет салфеткой сапог, предварительно

поплевав на бумажку.

Секретарь входит в образ и уже не посматривает на часы. Шум

за окном перестает донимать. Уходящее в безвременье солнце не

слепит тех, кто неудачно уселся напротив его колючих вечерних лучей. Августейшая Таисия ненадолго уходит в себя. Каждое слово, сказанное в этом помещении, так или иначе, запечатлевается в качестве образа духовности. Николай, знающий священное Писание

Анонимных Алкоголиков «Двенадцать Шагов и Двенадцать Тра-18

диций» наизусть от начала до конца, понимает, что Бог принимает

смиренных. Будучи наиболее сведущим толкователем психологии

трезвого алкоголизма, он на короткое время отправляется на войну

с самим собой, вспоминая: «Еще более удивительным является чувство, что нам не нужно особенно выделяться среди других…»

Вечернее облако возникает на горизонте, темное, как черниль-ное пятно. Ветерок затихает. Безымянная птица шуршит в листве, юрко выскальзывает из гущины кроны, расплескивает крылышки.

Кажется, что все завороженно слушают голоса за окнами. Красивая

прическа красивого секретаря трепещет, в пряди вмешивается зыб-учее волнение. На очаровательных розовых щечках видны признаки

нового смирения.

Люди трезвого круга хорошо знают, что Таисия, прежде чем

сказать главное, рассказывает историю своего алкоголизма во всех

мыслимых измерениях. И только после рассмотрения созданного

образа, она переходит к теме. Бог держит ее при себе до конца выступления (не в прямом смысле, а через Николая), за исключением

времени, когда в помещении оказываются новички. «Я думаю, что

после глотка спиртного напитка я непременно окажусь у памятни-ка, где прежде так любила пить. Я погружусь в жуткое состояние, которому не будет конца. Все, что меня окружает, покажется мне

грязным, это придется терпеть. Меня поглотит эта дрянь. Если в

этот момент я ничего не смогу предпринять, я снова и снова начну

появляться на площади с собутыльниками. Но я не хочу потерять то, что далось мне с таким большим трудом…»

Николай думает: хорошо бы написать рассказ, назвав его «Глоток». Неплохо бы описать этот самый живительный и обманчивый

глоток – гарантию ложного счастья: на крыше, в туалете, в метро, явно и тайно, украдкой и напоказ. Как очевидную ориентацию на

совершеннейшее безумие. Недурно бы показать полную меру ложного достоинства и гордость в превосходной степени. Ею Николай

превосходил всех, включая могущественнейших королей. Как раз к

месту отметить дерзость немыслимую перед Господом, на которую

не осмелился бы ни один из смертных.

Рваные клочья прошлой пьяной жизни мельтешили в памяти.

Сердце колотилось накануне выступления. Легко и привольно думалось в унисон наступающему вечеру, в тон умолкшей сестре.

19

Наверное, уже не было смысла что-то добавлять. Николай чувствовал, что душа его сливается с тональностью и уносится в далекую

страну под названием «Всего один глоток…» Верилось, что сейчас

мир царит в умиленных сердцах. А в этой келье сидят пересказчики

божьего слова. Пусть они становятся просто хорошими людьми.

РАНО УТРОМ

В половине шестого полный мочевой пузырь зуммерит в мозги, и я нашариваю банку, спасающую меня от походов в туалет. Ночью

громко стучат двери, пронзительно скрипят полы, а дверные петли

визжат, как поросята. Откидывая голову, ловлю малейшие звуки в

комнате детей. Мочиться в лежачем положении удобно лишь при

хорошей физической подготовке.

Струя журчит предательски звонко. За окном брезжит рассвет, на

березке еще нет ни одного листочка. Я думаю: так, а если, не дай бог, мне придется остаться неподвижным? Я всего боюсь и стараюсь все

просчитывать вперед. Не включая света, я бросаю подушку на пол, соскальзываю на нее коленями, начинаю лихорадочно молиться.

Похоже, я все-таки рассердил небеса, споткнувшись на ровном

месте: иконка, принесенная от Анонимных Алкоголиков, летит на

пол, изображение святого мученика Анатолия ложится лицом вниз, сверху на нее валятся крем для лица и еще кое-какие мелочи. Чем

же я не угодил Создателю?

Молитва, принесенная Творцу, успокаивает мое волнение.

Я благодарю Бога, что проснулся живой, здоровый и трезвый, чувствуя, что ищу зацепку для недовольства собой и повод для борьбы с реальностью. Кипение эмоций в целом не нарушает утреннее

равновесие. В душе не возникает желание громко хлопнуть дверью, звякнуть тарелкой, показав свое недовольство. Тазик с прохладной

водой, обрушенный на голову после бритья, окончательно приводит

меня в норму.

В этом тоже заключается чудо нарождающегося душевного покоя: мне хочется жить, творить, любить. Но порой кажется, будто

я живу и проживаю не ту жизнь, какую заслуживаю. Не оттого ли

под ложечкой точно скребется мышь? Не потому ли память во сне

20

все чаще сносит меня к первозданным памятным источникам, где я

задыхаюсь от несбыточного счастья, неслыханной молитвы, невиданной честности?

ДНЕВНИК ЭМОЦИЙ

Я угодил в общество Анонимных Алкоголиков по воле Иерарха.

Днем раньше я чудесным образом выбрался из могилы алкоголизма

и оглянулся: за моей спиной зияла преисподняя, кишащая такими

же страдальцами. Вопли несчастных достигали моих ушей.

Я поднялся на ноги и побрел к таким же мученикам как я сам, предлагающим плечо, пищу, слова доброты и любви. Таким образом Бог дал мне возможность сделать хорошее начинание, приоб-щив к великому братству.

«Такая жизнь текла мясистая…» – говорили одни. «Моя жена

думала, что я притворяюсь, а я, оказывается, инвалид по алкоголизму…» – отмечали другие. «Всем было приятно наблюдать, как

я пропадаю…» – откровенничали третьи. Все, о чем шла речь на

собраниях Анонимных Алкоголиков, напоминало мое душевное состояние, поэтому я с ходу влюбился в трезвый образ жизни, с готов-ностью принялся служить новой идее.

Моя инфантильность помогла мне приобрести знания о трезвом

алкоголизме. Ассоциации алкоголиков с бомжами теперь вспоминались как профанация дилетанта, а откровения типа: «Я лет пять

ожидала год трезвости, а теперь уже не хочу этого года…» – наводили на мысль, что нужно вести конспект.

Взявшись за работу над собой, я начал говорить о чувствах

вслух, узнавая, что мои старые друзья – не друзья, а просто желающие выпить за мой счет. Старые друзья – собутыльники - недоуме-вали, новых друзей пока не было. Замечание старшего товарища по

трезвости о том, что алкоголики с большим сроком трезвости тоже

терзаются сомнениями, придало мне силы.

Иногда на пути трезвого оптимизма я встречал нетрезвых ро-димцев из вчерашнего дня. Из чувства вины я ненадолго задержи-вался с ними, удивляясь, что на попойках у нас находились общие

21

темы. Сейчас я их не понимал и не мог этому найти объяснения.

«Вот видишь, – вскрикивала жена, созерцая мое воскрешение из

мертвых, – я же тебе говорила, что они тебе не друзья…»

Прежде алкоголики уважали мою щедрость, мой всегда откры-тый карман. Рядом с доброй славой топала слава худая – воспоминания о моих проделках, которые я припрятывал в глубокий карман, перечисляя на занятиях кое-какие пустяки. Жена своим замечанием

дала почувствовать: малейшее раздражение ввергает меня в плохое

настроение, вызывая страх.

Я никогда не думал, что боюсь этого бытия – мечтаю спрятаться от работы, затаиться в безлюдном месте, убежать от супруги. Ее

романтичность донимала необходимостью придумывать темы для

разговора. Мне же виделась жена, смотрящая на меня восхищенными глазками! А тут еще новая жизнь, свалившаяся на меня со всеми трезвыми причудами. Единственной радостью стали посещения

группы Анонимных Алкоголиков.

Вечерами эта радость воплощалась в долгих телефонных разговорах, напоминающих не совсем логичные тексты древности. Мой

высокий балл по шкале стрессов, определенный психологом, не давал покоя. Доктор с русской фамилией обнадежил, что года через

три я приду в норму, а если этого не случится, то жить мне в перманентной депрессии пожизненно.

Моим главным козырем оказалось осознание того, что я безнадежен, понимание того, что вхождение в трезвость с мозгами ни к

чему не приведет, что обучение трезвых алкоголиков первой волны

безрезультатно.

Я изнывал от скуки медленного дня, осознавая: все без исключения выводит меня из равновесия. Все, из чего состоит бытие, пугало новизной: бытовые мелочи, оплата коммунальных услуг, по-купки. С обидами я жил, как говорится, шведской семьей.

На первой конференции мне показалось, что после пяти недель

трезвости я чувствовал себя лучше, чем год спустя. Жизнь усложнялась намного быстрее, чем я успевал выздоравливать. Я слушал тех, кто старше и опытнее меня в трезвости, и ужасался – слушать было

нечего, скучно звучали их нечестные монологи. Обида на весь мир

высасывала всю энергию, терзая меня, как палач жертву.

22

Тяжелее всего было родне моей, знакомцам и друзьям: слишком

неожиданно для них я перевоплотился, переориентировался на новую философию и возродился из небытия. Пьющие соседи избегали

со мною встреч, пугаясь моего изменения. Так я и жил, разорвав с

прошлым и не примкнув к настоящему, боясь туманного будущего.

Однажды, когда мое отвратительное душевное состояние стало

невыносимым, в меня вдруг ворвался ветер перемен – светло и ясно

означился путь, стройные деревья с розовыми цветами, как в далеком абрикосовом детстве, ослепили восхитительным сказочным

видением грядущей безмятежности.

Я просыпался в холодном поту и сквозь разноцветные грезы, мелькающие перед глазами, удивлялся собственной трезвости, безнадежно теряя некогда веселый нрав. Одно уныние царило в душе, одно определение проявилось в сознании: отныне вечно прозябать

мне хрупким растением, печальным и грустным.

Перепуганный насмерть, я бросился к стопке бумаги, схватил

ручку и начертал на белом листе первую строку эмоциональной

исповеди. Сложность предстоящей работы состояла в отсутствии

системы действий, плана, опыта духовного развития. Вопросы, на-дерганные из программ центров зависимости, уводили в сторону от

главных вопросов, распаляя внутреннюю борьбу, усиливая раздвоение личности.

Мои писательские опыты превращались в эмоциональную

схватку с ситуацией, которую я проживал в коротком исповедальном воспоминании с претензией на художественный рассказ. Эпизоды былого бытия так увлекали, что мне от моей откровенности

становилось не по себе, но одновременно наступало облегчение –

при полном эмоциональном расстройстве такая передышка! На грани жизни, на краю смерти быстро приходишь в себя.

Мое сознание впитывало новое знание, на столе росла горка ис-писанной бумаги, повести горестной жизни взметнули ввысь свои

ветви. Они стремились в вышину, требовали воды, стыли в напря-женном молчании. Я сейчас же придумал название будущей книге

– «Исповедь Анонимного Алкоголика», невольно задавшись вопросом: а если все это кто-нибудь прочтет? После такой мысли я набросился на листки, как голодная собака на мясо, и начал рвать их на

мелкие кусочки.

23

Горсть обрывков я спустил в унитаз, пригоршню отправил в му-сорное ведро, в форточку на растерзанье ветру выбросил остальное, ощутив временное облегчение.

Исповедальное сочинительство так захватило меня, что я почувствовал себя настоящим писателем. Сама трезвая жизнь на на-чальном этапе выздоровления – это пугающая ответственность за

все на свете. Это безудержная погоня за душевным покоем и шизофреническое раздвоение, достигающее такой степени, что живо

рисуются картины родственников в гробу. Это осознание, что все

недоделано, недомыто, недостирано, что все вокруг – страх.

Добираясь до личностных тайн, я настолько откровенничал, что

поневоле стал вопрос безопасности ведения дневниковых записей.

Впрочем, кто в кони пошел, тот и воду вози. Начал я доверять тер-пеливой бумаге тайны души неизреченные. Воровство – конкретно: что, где, когда, с указанием адреса. Изнасилование – фамилия имя

отчество девушки. Заразил кого-то кожно-венерическим заболеванием – покажи миру свое лицо.

Как говорится в народе, глупец стреляет, бог пули носит. И уно-сились мои пули прямо в десятку душевного покоя, орошая его болью исцеления. В паузы я разглядывал в окно опоясанного веревкой

строителя, висящего на стене дома напротив. Он напоминал мне па-ука, парящего в воздухе неизвестно на чем. Он чем-то походил на

меня. Но почему ему не страшно, думал я, еще не зная, как надежно

честное слово Бога.

Внизу пьяный мужик никак не мог одолеть несколько ступенек

у подъезда. Я ощутил сочувственное желание помочь ему. Мужик

таки одолел три ступеньки, представ перед грозной женщиной. Та, словно вязанку дров, взвалила его на спину, поплелась в подъезд.

Я растерялся, обнаружив за своей спиной жену и нервно заерзал на стуле, теряя нить мысли, ощущая прилив лютой ненависти.

Она так же тихо, как и появилась, выскользнула на кухню и загре-мела кастрюлями у плиты.

Я мелко изорвал свою писанину над мусорным ведром, кинулся

к мусоропроводу. Там кусочки в трубу побросал, сверху мусор сы-панул, немного успокоился. Дома я прилег на кровать и уснул. Когда

я проснулся, то увидел, что солнце уже на западе – наступал теплый

24

вечер. Я забеспокоился о жене, которая в принципе не виновата в

моем заболевании, и вообще, она не обязана меня понимать в моем

алкогольном противоречии.

В сонном забытьи мерещились первая и вторая жены. Они таращили глаза на мое сочинительство, тянули к ним загребущие руки, с ужасом читали свитки. Первая пучила глаза: «Сволочь!» Изысканный слог второй требовал объяснений: «Как ты мог?»

Наступившее утро едва ли привело меня в норму. Вынырнул

из беспокойных сновидений, я долго соображал, где нахожусь. Бесцельно скользящие облака напоминали гряду холмов. После короткой ночи устало брезжила едва видная луна. Я поймал себя на мысли, что я мечтаю точно так, как в детстве.

Через минуту я бойко спускался по лестнице с девятого этажа.

Вековечный человеческий потенциал, сдерживаемый алкоголизмом, вдруг высвободился, грянул наружу, заливая все живое. Энергия

взрослой инфантильности была поистине удивительна. Ноги сами несли мое тело вверх или под гору с мертвой вершины пьяного безумия.

В каждую урну, стоящую у дороги, я бросал немного рваной

бумаги, часто оглядываясь. Алкогольное безумие продолжало властвовать надо мной. Порывистый ветерок, слегка присвистывая, разгонял облака.

Вечером я снова строчил, освобождая кричащую душу. Я поднимал очи на супругу, не понимая, чего же она хочет, но в глубине

своей чувствовал: сердце мое добреет час от часу.

НА ФОРУМ

На предложение председателя Совета обслуживания Анонимных Алкоголиков ежегодную конференцию переименовать в форум

возразил один лишь я, обозвав его « алкоголиком двух шагов» (особо оскорбительная реплика для трезвых собратьев).

По дороге я успокоился и поменял свое мнение, вспомнив о том, что я отбил у него красивую женщину, не позволив ей встречаться

с толстяком, страдающим недоразвитием ума. В то время я имел

психологическую власть над целой плеядой выздоравливающих

25

мужчин и женщин. В этом смысле мне позавидовали бы монархи, диктаторы и архипастыри, зыбкая популярность которых зиждется

разве что на страхе.

Словом, как наставник, я поставил ее перед выбором: или ты

общается с тем недоумком, или работаешь со мной. Поскольку в

ораторском смысле толстяк представлял собой известное рогатое

бубнящее существо в брачный период, пальма первенства, разумеется, осталась за мной. Все остальное время я с чувством огромного удовлетворения наблюдал за его буксующим духовным ростом.

Когда он на одном из собраний принялся проводить моральную инвентаризацию моих, а не своих душевных качеств, то я успокоился: противник не развивался.

Общее духовное недоразвитие уводило его в сторону от решения своих противоречий, следовательно, он не мог жить в мире с

собой, не понимал других людей и не приближался к Богу, т. е. к

самому себе. А значит, непрестанно предавал себя, изменял себе, поминутно терял себя, что приносило мне чувство огромного внутреннего удовлетворения. Но в общем, и в целом я тепло, по-товарищески благоволил ему своей милостью народного алкоголика

республики. Вот так!

Собравшись в условленном месте, мы втиснулись в маршрут-ное такси и отправились в противоположный конец города, устроив

в салоне собрание. «Как возьму эту проклятую рюмку, обязательно

в организме что-нибудь покалечу…» – Тамара, как всегда, была после очередного алкогольного срыва.

Мы любили братьев в первые дни трезвости, с их помощью как

бы путешествуя по прошлому. Располагающиеся рядом с водителем

инородцы с удивлением прислушивались к нашим необычным речам, к странным оборотам, к удивительной лексике.

Сложно мыслящий художник впихивал в контекст философские сложности: «Основа алкоголизма – чувство недовольства!»

Не почитаемый женщинами он напоминал меня на заре трезвости.

В остальном его выздоровление я считал его совершенно безнадежным, радуясь тому, что рядом со мною красивые женщины, а выте-кающая из этого зависть художника тешила мои амбиции.

«Надо было с самого детства идти к этому выздоровлению, –

Наталью распирала страсть, – я не могу переносить боль души. Как

26

сказала сестра Рая, алкоголизм пришел, когда накопилось много

боли…»

Я, качая головой, криво строчил в перекошенный блокнот перлы: «Алкоголизма – болезнь весенняя…»

Артистка говорила хорошо поставленным голосом: «Я думала, в трезвости придет эйфория и я закричу: эге-гей, весна наступила!

Я задергивала шторы, чтобы утро не начиналось. Я ждала изменений, бешено пила, но мне не становилось легче. Я ненавидела солнечные дни и снова задергивала шторы…»

Грустный осенний монолог вступал в противоречие с яркостью

середины мая. На обочине женщины укладывали куски еще не по-рыжевшего дерна. Такси остановилось на светофоре, и все уставились на рабочих, на растущую горку красноватого грунта, на углу-бление в толще земли.

Мы мчались на маршрутном такси сквозь пространство и время, мы, едва не умершие, мы, люди, которым уже была уготована

печальная участь забвения. Мы летели, презрев все эпохи и направления, вырванные из лап смерти Божьим провидением. Наши могильные квадратные метры зияли скорбным напоминанием о бренности жизни. Мы, очевидцы собственной смерти, апостолы спасительной идеи, мастера трезвости одного дня, превратились сейчас

во фрагмент бытия в ярчайшем его проявлении.

До форума оставалось не более получаса езды. Наталья, по ее

словам, потерявшая сознание за пять метров до капельницы, радо-валась, что ее положили в психиатрическую больницу, сказав: «По-лежи со своим восторгом к алкоголю! Когда придешь в норму, будешь помогать в морге - вывозить трупы…»

В сознании оседали честные монологи: «Вселенная стремится

к гармонии, алкоголик – к гармошке»; «Внук не обращает на меня

внимания, а я обижаюсь – это в пятьдесят лет!»; «Мне предложили

прочитать лекцию, но что я им скажу – что наше общество покрыто

ореолом таинственности?»; «И опять трезвость меня не обманула: день прошел интересно».

«Нету там кайфа…» – подчеркнул общую позицию Саша, и

собрание приумолкло. Стало тихо до такой степени, что послыша-27

лось урчание в животе у водителя, бойко насвистывающего песню.

Кто-то нарушил тишину шутливым вопросом: «Можно ли жить в

гармонии с самим собой, исполнившись гормонами?» Компания

рассмеялась.

«Неужели я и в самом деле такая плохая, как это видит мой

муж? Если я не полюблю себя, то я всю жизнь за ним буду бегать.

Весь ужас моего существования заключается в том, что я просыпаюсь и начинаю зарабатывать любовь к себе». – Лицо Ольги отчаянно блестело в пыльном замкнутом пространстве.

Братство, какого нет в целом свете, приближалось к месту проведения форума. Я подумал: «Трезвого алкоголика нужно показывать как достопримечательность государства, как человека без чувства защищенности. Нет главного защитного покрывала, а он еще

трезвый, еще и развивается. Нет у него молитвы внутри…»

Сестра, разомлевшая от жары, пугала агрессией и депрессией:

«Начальник достал у меня из глаза соринку, а я подумала, что все, у

нас любовь. Он сказал мне комплимент, я собралась ему отдаваться…»Элеонора убедила народ в том, что ревность передается генетически. Тарас выдавал: «Хочешь жить спокойно, живи с нелюбимым

человеком». Безымянная сестра вспоминала слова учителя: «Значит, влюбилась? А детей твоих он тоже любит? А проблемы твои он

тоже разделяет?»

Безымянная сестра отчаянно выдохнула: «Я всегда привлекала козлов. Вокруг меня всегда вертелись проститутки мужского

пола…»

«Ты смотри, уже приехали», - крикнул я, желая выделиться. Народ не обернулся на мой голос.

РАЗГОВОРЫ, РАЗГОВОРЫ

Больше всего мы любили озвучивать истории нашего пьянства, болтая о Бахусе, которому доверяли больше всего на свете и который отвернулся от нас: мы с Александром были окончательно сра-жены и покинуты в ужасном одиночестве.

28

Одиночество объединяло и роднило нас, перетекая в разочарование жизнью. И, конечно же, благодаря именно одиночеству, каждый из нас в трезвой жизни нашел первого друга.

Мы возвращались домой после занятий группы Анонимных

Алкоголиков, ощущая внутри необыкновенный эмоциональный

подъем. Не пряча своей радости, мы показывали себя миру, как нам

тогда казалось, в непристойном виде.

Город виделся нам печальным. Небрежным кивком он едва отвечал нашему несоответствию, точно не мы, а он, многоэтажный

красавец, был подавлен всем случившимся.

В чем мы были виновны? В том, что прибавляли к своему несчастью еще и погибель души? В том, что мы не понимали близких

нам людей, готовых принести величайшие жертвы, лишь бы мы вы-здоровели? Или же в том, что мы не понимали, что с нами происходило, и пили, пили, пили?

Мой друг как всегда был красноречив.

– Я бросил пить в день празднования иконы «Неупиваемая

чаша» – 5-го мая. В этом что-то есть. Я смотрю на выпивающих

ребят, и мне хочется им крикнуть: у вас же дети, жены, родители, что вы делаете, вы не представляете, что вы делаете! Зачем я жил, сам не знал. Всех вокруг себя разогнал! Никто не подсказал: люби

ближних, окружай их теплотой – это спасет тебя от одиночества.

Признаться, я открывался не так легко:

– Я бродил по округе, прятался от людей и пил. Я не знал, как с

этим бороться. Со временем я стал еще больше пить.

Саша прервал короткую паузу:

– Я допился до того, что решил покончить с собой! Это ведь не

жизнь: то запой, то отходняк, то «ментовка», то вытрезвитель.

Написать бы пьесу о нас, подумал я тогда. В пьесе ничего не

происходило бы, кроме чуда духовного возрождения, осознания самого себя.

Обескураженным тандемом мы возвращались из преисподней

в реальность. На грешной земле медленно протекала полноценная

жизнь, а мы освобождали подсознание от ужасов неосознанной реальности, предупреждая проделки предрасположенности к тем или

иным заболеваниям.

– Я, брат, однажды утром собрался опохмелиться, так жена не

пустила – еще жива была. Я и выпрыгнул из окна, страшно разбил-29

ся, но выжил. Она так за мной ухаживала, так ухаживала! Загнал я

жену в могилу!

В молчании мое терпение иссякало быстрее, и я прерывал короткую паузу:

– Я, Саша, раньше потыкаюсь в лицо проблеме и пью, а сегодня

в такой же ситуации смиряюсь и начинаю проблему решать.

Чем не дети, стремящиеся неизвестно куда? Дети, ушедшие из

пределов алкоголизма, взвалившие на свои плечи и на плечи родни

проблемы трезвой жизни, о которой не было никаких знаний, что и

влияло на судьбу тех или иных решений по причине преобладания

эмоций над разумом. Один из этих детей продолжал удивлять меня:

– Брат, я вспоминаю высказывание сестры о том, что она ходила сюда искать мужа. Ее честность заставила меня задуматься: а

не хожу ли я сюда только потому, что здесь много интересных женщин? – Рассуждая, он откусил примерно половину эскимо, вторая

половина оторвалась с палочки и шлепнулась на асфальт. Брат, подобно маленькому ребенку, бросился его подбирать.

Я незамедлительно этим воспользовался и взял слово:

– Я употреблял водку до тех пор, пока она не стала употреблять

меня. Я протрезвел, но не понял: почему из множества алкоголиков

Бог выбрал меня?

В эту минуту мы ровным счетом ничего не знали о мире: только то, что сегодня мы трезвы, что ярко светит солнце и мы куда-то

идем. После того что случилось с нами, кто может предсказать будущее? Никто, кроме Бога!

Ведь если существуют правила жизни, то мы были главными

нарушителями их. Мы были любителями кайфа с петлей на шее.

Но – что необъяснимо и удивительно – остались живы. Остальное

убедительно подтверждал мой собеседник:

– Мне в трезвости порой так тяжело, что застрелиться хочется.

Ночью мне снится, будто я провожу анализ своей прошлой жизни.

Я скорблю и думаю: как-то совсем запутаны планы Господа относительно меня. Вроде протрезвел, а в душе одно смятение. Когда

я пил, то всегда находился в текущем моменте. Было что-то вроде

сатанинской благодати – душевное равновесие в опьянении.

Как только мой друг сделал паузу, я быстро “схватил микро-фон”:

30

– Однажды я позвонил домой, жена долго не поднимала трубку.

Я набрал дочь и прокричал: скажи той корове, пусть телефон поднимет. Через минуту жена перезвонила и произнесла замечательные

слова: «Пусть корова тебе ужин и готовит!»

Мы еще не знали, что вступили на суровый путь самопознания. Нам предстояло вернуться в свое прошлое, посмотреть на него

трезвыми глазами, чтобы с болью простить и принять себя. Мы не

представляли условий, какие ставит перед каждым человеком духовность. Мы были ее изгнанниками – по собственной инициативе.

Улицы прятали нас под сенью летнего убранства. Птичьи песни

восстанавливались в разрушенной памяти. Озерцо со строящимся

на берегу многоэтажным домом, с его неподвижным отражением в

чистой воде. Окруженный липами тихий парк. Александр отважно

шагал неизвестно куда, я стремительно поспешал за ним.

– Нелегко было жить со мной, алкоголиком, – прервал молчание

Николай, – с моими пьяными ласками и перегаром. Я жене говорил

о любви, она мне кричала: докажи! не пей!

Город казался лежащим в долине. Далеко тянулись панельные

дома. Свадебный кортеж встретился на нашем пути. Люди улыбались друг другу так, как это не умели делать мы. Но наши души, сжатые столькими невысказанными чувствами за время жестокого

алкоголизма, распрямлялись. Наши души хотели отдыха, свободы, света. Пусть непродолжительного, но ясного и спокойного…

ВНИЗ ПО МАТУШКЕ, ПО ВОДКЕ

Четыре года назад он прикатил в белорусский городок из Донбасса. Овраги и балки помахали вслед ему ветвями верб и ракит.

Утром в поезде он отбросил одеяло и прильнул к окну: на склонах

вместо серебристого ковыля зеленели мхи.

Звезды местной команды, большие поклонники Бахуса, встретили Колю, провели по злачным местам. Водка стала их верным

спутником.

За четыре года футбольной жизни интеллектуала из него вы-давила раздвоенная личность. Вместо одной цельной натуры появилось две противоречащие друг другу. Широко раскрытые миру

31

карие очи потускнели, куда-то девался задор молодости. Он приу-чился испытывать радость от стакана вина, без него все казалось

тусклым.

Как-то неожиданно друзья разъехались. Постепенно Коля перестал вспоминать о них, чувствуя все более острое желание уйти от

реальности, слыша странно требовательный голос изнутри: «Хочу

водки!»

Еще более странным было ощущение мелкой дрожи в зубах, ломки в теле, тремора в перстах. Стыдясь трясущихся пальцев, он

спрятал руки за спину. Первые признаки алкоголизма, о которых он

не имел ни малейшего представления, выбили его из равновесия.

После вчерашней выпивки он, по обыкновению, гулял за го-родом, расстегнув несколько пуговиц рубашки. По груди, орошая

темные волосы, медленно струился пот. Теплый ветер бесстыдно

щекотал его подмышки, а солнце жарко светило в спину, подталки-вая к едва заметной тропе, уводящей в пышные луга.

«Вперед, Коля, – подбадривал себя полузащитник местной команды, – дождемся вечерней тренировки, после чего выпьем полстакана водочки!»

Фигура незнакомца, держащего в руке именно эти вожделен-ные полстакана, перекрывала дорогу. Пройти мимо оказалось делом невозможным. Коля взял стакан, выпил и, буркнув «спасибо», присел рядом.

Сразу заиграло солнце, стих ветер, на обочине засеребрились

цветы. Мужик деловито раскладывал на газетке закуску: четыре

свежих огурца, нарезанное копченое сало на куске хлеба.

После трехсот граммов между мужиками установилось понимание. Высокоумные глупости перемешивались критикой самых

основ мироздания, и беседующие достигали таких заоблачных высот, что для выяснения истины требовалось продолжение банкета.

Подспудно Коля сожалел о случившейся попойке, но ничего не

мог поделать с неодолимым желанием выпить. Тренировку он, разумеется, пропустил. Возвращаясь к себе, обошел стороной стадион, чтобы не столкнуться с тренером.

Слыша нарастающий шум хмелеющей братии, видя море разливанное водки, он ожил, и его потухший было взгляд заблистал.

Футболисты, бредущие с тренировки мимо пивного бара, казались

инопланетянами.

32

ВЕТХАЯ ОСОКА

Почти засело в моей голове: я не такой, как все, я – особенный!

Впереди – поводырь – мания величия со своей паствой – детскими

эмоциями. И ведет, шельмец, в сторону Бахусовых храмов. Там –

веселье! Песни, пестрота карусельная, клоуны из щелей выгляды-вают, самогон рекой льется. И все это располагает к утопическому

видению реальности. Я помышлял о всемирном стеклянном потолке, сквозь который видны звезды и небо. Что-то вроде движущегося

дома, согласно положению солнца на небосводе. Стены-кулисы, –

воображал я, – цветы и ароматы проникают сквозь них, наполняя

жизнь. Сам дом движется к морю, а на закате возвращается назад.

Примерно так.

Невозможно понять, откуда в моей голове ощущение, будто

я важен, как столица государства, будто меня никак не обойти, не

объехать. Я светило! Ах, да это же мания величия! Я опять забыл.

Порой я совершенно не помню о ней. Я в ней, как в липкой патоке

муха – ногами и руками шевелю, но ничего не могу изменить.

Побывавшему в запредельности, уставшему от тамошних без-отрадных впечатлений, хорошо известно, что есть истинный путь, и

он долог, бесконечен. Ведет он к цели духовной и финиша не имеет.

Так или иначе, иного земного пути не существует: либо ты в реальности, либо в умозрительности. И мерзостей жизненных тебе не

изменить.

Из каких праглубин они рождаются, непонятно, но тысячеле-тиями человеческая гнусность идет, ползет, движется, извивается, юлит, лукавствует в облике правды. Может, и вправду человек неизменяем, а справедливости нет на белом свете? И властвует на земле одна неприукрашенность. И на самом деле люди вокруг лживы.

А под ногами у них истина стонет так, что все обмирают, скажем, как я сейчас у ветхих осок.

Тут и осенило меня: вот на кого я похож как две капли воды, внутренне, конечно! Наверное, я наконец-то пришел к себе, а значит, к Богу. Уселся я в себе самом, впрямь как на кривоствольном

дереве, убогость свою не впервые почувствовал, но прятать не стал, как и неприглядность. И в муках великих начал осознавать свое место в мире, анализировать отношения с самим собой и с другими.

33

Думать о Боге я пока не решился. Потому что где-то услышал: бой-тесь Бога, и вы не будете никого бояться.

Я впервые в жизни ни с кем и ни с чем не боролся, а просто отдыхал на приспущенной, как хоругвь, кроне, приспущенной, скорее

всего, по поводу кончины моей гордыни, мании величия и чувства

исключительности. Вы не поверите: облегчение в душе такое, будто

Дух Божий голубицей надо мною кружит.

Жена, слышал случайно, говорила соседке: не знаю, что с ним

случилось, но жизнь с ним, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, стала

бела…

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Да, я плясал перед ним, лишь только кивнет. Да так угодлив, –

трезвенники нашей группы только разводили руками: Николай, наш

гуру, автор эффективной системы выздоровления, – унижает себя!?

Потупив глаза, члены группы избегали моего взгляда и отказывались от чаепития, хотя стол ломился от яств, а на время перерыва

они исчезли неизвестно куда.

Я огорченно кивал головой, быстро поливал, как просил пре-доставивший нам помещение заведующий отделением, цветы на

подоконнике и пытался сосредоточиться. И – так челядь господину

угождает – топтался вокруг угловатого новичка: и чаю ему предлагал, и вазу с печеньем пододвигал поближе, и хохотал над его

глупыми шутками.

Казус сложившегося положения в группе вовсе не означал на-личия проблемы межгрупповых отношений, разгадка таилась совсем в другом аспекте трезвления, куда не могли обратить взор мои

братья с крохотным сроком воздержания от веществ, изменяющих

сознание.

Не скрою, порыв объясниться с ними и успокоить их, безусловно, был. Но тогда мне предстояло бы доносить каждому: точно так

я работал с тобой, но, главное, смотри, вот так ты выглядел вначале

пути. Или ты думаешь, что сразу пришел сюда духовным и пуши-стым? Но разве можно объяснить слепому мира красоту? Конечно, нет! Покуда сам не дорастет до наставнических порывов, покуда

34

сам не набьет шишек о твердолобость своевольного новичка, покуда не появится желание послать его к чертовой матери…

Юрий, так он представился, не побоюсь этой метафоры, находился на высшей ступени антидуховности: и внешне, и внутренне.

Иными словами, алкоголизм настолько укрупнил, напитал и усилил

его отрицательное начало, что он превратился, сам того не ведая, в

источник зла. Нечто подобное мама рассказывала об отце вначале

очень добром и покладистом, а в крайней фазе пьянства ставшим

сущим дьяволом.

Безусловно, у каждого любителя веселящего вещества в той

или иной степени рождались подобные ощущения, когда отрицательные и положительные черты в душе уравновешиваются у опасной – предмогильной – грани, а вестибулярный аппарат духовности

размагничивается, и он валится в пустоту даже от мало-мальской

грешной мысли.

Там, в точке невозврата, какое-то время он влачит свое существование, так сказать, на отрицательном эмоциональном топливе.

О тех отрицательных для жизнедеятельности действах в А.А. рас-суждают весьма неохотно. Охотников пофилософствовать о запре-дельных ощущениях не много. Если таковые находятся, то вряд ли

вытащите из них хоть полсловечка правды: все силы у них ушли

на то, чтобы выкарабкаться из могилы по отвесной стене. Они не

подозревали, что трепыхаются в божьей длани. Потому что такое

спасение под силу лишь Творцу.

Вот такой новичок появился на нашей группе. Выглядел он как

воскресший покойник, как только родивший взрослый, как нечто не

укладывающееся ни в один синонимический ряд великого русского

языка.

Я с удовольствием приготовил ему чай – радость-то какая, личный представитель небесной канцелярии пожаловал в наши трезвые палестины.

И с таким же удовольствием наблюдал за тем, как он захватывал

печенье в две горсти сразу и засовывал его в карманы – вперемешку с расползшимися от жары конфетами. Точь-в-точь, как некогда

делал я. Он совершенно никого не замечал вокруг и едва ли что-то

слышал, занятый, как малыш, рассматриванием, ощупыванием и

пережевыванием сладкого мучного разнообразия.

35

В воздухе стояла тишина, создавалось ощущение, будто мы

провалились в безмолвие. Лишь голосисто закипающий чайник озвучивал свою закипающую правду. Двигаясь, Юрий припадал на

одну ногу – словно подтанцовывал, зависнув где-то в неведомых

глубинах малоизученного непроглядья. Я же ломал голову, как ему, духовному мертвецу, удалось добрести до трезвых островов с ма-лыми потерями. Не считая, конечно, духовной смерти и потери самого себя. О том, как он выбирался по отвесной стене ледяного безмолвия, я боялся даже думать.

Вероятно, для какой-то миссии вытащил его Господь, как и меня,

– рассуждал я про себя, кивая Юрию в знак согласия с его вытол-кнутой из гортани сложносочиненной глупостью. При этом меня согревало осознание кратковременной, Богом данной мне власти над

временем: способностью видеть себя в прошлом, себя, воскресшего

из запределья. По воле Творца, естественно. Тогда как мой молчун, взрослый младенец, будущий ратник подвигов духовных шалил у

сладкого стола: а как же еще, у детей все – игра! Вспомнилось и погасло в воображении, занятом другим, не менее важным направлени-ем моей мысли. Подобно Юрию, я принялся подтанцовывать, словно

внутри зазвучал аккомпанемент взволнованного тапера.

Между тем любопытство меня буквально сжигало: на какую

миссию может сподобиться эта человеческая масса, безликая, шлеп-нувшаяся неизвестно с каких высот прямо под молодое деревце на-чинающейся трезвости.

Ведь получая солидный куш из сомнительных щедрот Бахуса, я

тоже когда-то был таким же Юрием. Совсем в недалеком прошлом, почти рядышком: одну рюмку хлопнул – и ты снова там. Как же

быстро забывается то, кем ты был еще вчера, как выглядел, откуда

выполз, – я чисто механически пригубил страшно сладкий чай, –

главное, не забывать, с чьей помощью выбрался на свет божий.

И промелькнули перед глазами те же конфеты, которые я, точно как Юрий, рассовывал по карманам новых джинсов, а после напрочь забывал о них. И то, как перед стиркой причитала моя жена, выскабливая из карманов прилипшую шоколадную глазурь, злясь и

ворча: ну что за наказание с твоей трезвостью?

Перерыв подходил к концу, после перекура возвращались мои

братья. В их глазах явно проглядывалось недовольство мною, заня-36

тым новичком. К сожалению, почти все они были на стадии начи-нающейся трезвости и помочь мне в общении с Юрием не могли. В

основном, они пока еще с трудом отказывались от приведшего их в

могилу собственного мнения и полагались на смертельно опасную

для выздоравливающих от алкоголизма логику. Глядя на их недо-вольные лица, я улыбнулся: похожи на маленьких детей, которым

отказали в любимом лакомстве.

Объяснить более доходчиво мог бы сам Бахус, но… Сам он

берется за дело в крайних случаях: когда в поле его зрения попадают особенно выдающиеся пьяницы, гениальные – в грядущем –

наставники.

В кабинете по-прежнему царила тишина. Братья пили чай как

никогда молчаливо, без восклицаний, острот и детской невоздер-жанности. Будто думу думали. Я-то поначалу полагал обсудить с

ними, как поделикатнее окружить Юрия невопросительным вниманием, искренним восхищением, мотивирующими к действу восклицаниями. Но, к своему огорчению, наткнулся на глухонемоту.

Я неоднократно и прежде намекал развивающимся трезвенникам об особенном внимании к новичкам, о том, что их нельзя, как

младенцев, оставлять ни на минуту. Но увы – мои объяснения до

ни не доходили, так как они пока еще не готовы были узреть себя

прежних в новеньком.

Поэтому трезвенники начала пути поглядывали на Юрия, от-нявшего у них мое внимание, с неприязнью пассажиров автобуса, в который вдруг ввалился дурно пахнущий мужчина. Вдвойне было

непонятно мои братьям, почему я, их кумир, прогибаюсь и стелюсь

соломкой перед каким-то Юрием. А я, в свою очередь, мучился ме-леньким, отравляющим мне душу чувством вины перед коллегами

по несчастью.

Молчаливое чаепитие подходило к концу. Юрий с полным ртом

печенья давился чаем, сжимая в свободной руке несколько пряни-ков, не поместившихся уже в набитый карман. Нас всех объединяло

то, что мы были языками одного пламени, которое теплится после

многих зим и весен трезвости. Каждый трезвел со своей осторожностью и самобытностью. Юрий в ворохе сырых дров, а я уже полыхал в огне трезвости.

В данный момент мне мешала моя растерянность. Я всегда делал выводы с запозданием. Меня не торопили, мне не мешали, но, 37

видно, срабатывала существенная разница в сроках чистоты трезвости. В мою пользу. Эта разница передавалась словам, взглядам и

даже молчанию. Всеобщее молчание наполнялось особым смыслом

присутствия Юрия, не проронившего пока ни слова, только посту-кивающему ногой по полу. Как бы заявляя о себе таким образом.

Можно выйти покурить, – наконец-то подал голос Юрий. Наверняка, сейчас ему недоставало глотка вещества, изменяющего

сознание, чтобы продолжить выцеживать по каплям новое бытие.

Но для поддержки испаряющегося вдохновения Юрия следовало

как-то раскуражить. Создать иллюзию, будто клоуны распахнули

настежь дверь, ворвались в помещение, – растянулись гармошкой

по кругу, а новоиспеченный трезвенник оказался бы в центре шутовской пляски как основной персонаж разыгрываемой пьесы. Как

это сделать без горячительных напитков? Ведь Юрий ни в коем случае не должен натягиваться как струна, спугни – и пустится наутек.

В том и заключалась моя миссия: настраивать струны ощущений начинающих трезвенников, натягивая колки эмоций очень и

очень осторожно. Прежде всего, Юру нужно похвалить не скупясь, а затем по ходу подхваливать. Но как выбрать удачный повод и верные слова? С теми, кто побывал в точке невозврата, шутить ни в

коем случае нельзя.

Ах, если бы мои обиженные на меня братья могли только представить, какая трудная задача стояла передо мною: перевоплотиться

и превратиться в его подобие, прирастив к себе хвост его дикости, забравшись на дерево, став таким как он. Для начала – прежде всего – я обозначил приятие его речи, реплик и жизненной позиции и

подтолкнул его хочу в удобную для него точку зрения.

При всей сосредоточенности и понимании текущего момента, я старался держать под контролем общую ситуацию с учетом общего недовольства всех мною. Признаюсь, было забавно наблюдать за

взрослыми детьми, поглядывающими на меня с обиженным видом.

Я хорошо знал, как алкоголики не любят, когда секретарь перепо-ручает секретарское кресло кому-нибудь другому, и тем не менее

вынужден был сделать это. Другого выхода у меня не было, на кону

стоял божественный трезвенник, да еще какой! Из царства теней

присланный! Самим!

Я быстро подошел к более покладистой, чем остальные, женщине и объяснил ей то, что ей очень не понравилось. С надутым ви-38

дом она повела собрание, а я, помня, что для вновь пришедших правила не существуют, пригласил Юрия на перекур, еще больше обозлив собрание. Во время занятий покидать помещение в А.А. было

не принято. Но необходимо было выделить Юрия среди остальных, чтобы поддержать его, огорошенного зарождающимися перемена-ми в жизни.

Курили мы прямо на ступеньках медицинского учреждения.

Снующий туда-сюда персонал укоризненно поглядывал, напоминая

нам о запрете курить у входа. Впрочем, в глазах Юрия они выглядели мошкарой – я знал о мании величия только что появившихся на

свет трезвенников.

Алкоголика нужно хвалить, – стучало в моей голове, – он не

выдерживает похвалы, но запоминает и, возможно, снова придет

туда, где его царственно возвысили.

Мне ничего не оставалось, как стать его отражением, восхищаться примитивным шуткам и прочему выползающему из его еще

не протрезвевших извилин: притом, всплескивать руками, аплоди-ровать сюжету рваного пересказа о вчерашней попойке. Главное, помнить: то, что за гранью его понимания, лучше не затрагивать.

И любой ценой поддерживать его трепетный порыв – мчаться в никуда! Младенец не нуждается ни в каких сложностях, ему требуется

максимум комфорта.

Я снова вспомнил свой первый день пришествия в божественную трезвость: как же нелегко было, с каким трудом удавалось прятать необъяснимую тревогу, совершая прорыв в неизведанное! Стели

же ему соломку, – подсказывал внутренний голос, – из хвалебных

восклицаний и эмоций, ведь это самое действенное лекарство, спасшее в свое время тебя, а значит, полезное и для него. Неприглядное, но действенное лекарства, спасшее, во всяком случае, меня, а значит, возможно, если повезет и на то будет воля Божья, то спасет и его.

Юрий медленно делал очередную затяжку, с важностью вглядываясь вдаль, и приступил к очередному рассказу о недавнем воз-лиянии. Мое понимание и внимание явно льстило его. – Ничего

себе, неужели столько выпили, – изображая удивление услышан-ным бредом, вслух реагировал я.

То и дело я переносился изнутри его эмбриона вовне и снова

возвращался обратно, – Неужели все семь бутылок? Вдвоем? – уси-39

ливал я эффект восхищения им. Юрий млел от удовольствия и раз-дувался от собственной значимости.

Моментами он замыкался в короткой паузе. Тогда, опасаясь

потерять его доверие, я восклицал: даже не представляешь, как ты

мне сегодня помог! – и тут же закрывал себе рот, чувствуя, что могу

переборщить.

Мимо нас, завершив собрание, просочилась стая переговарива-ющихся трезвенников. Их интонации, как мне показалось, отражали удивление и разочарование.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ

Какой я притворщик, я не рассказывал даже себе. При случае

описываю себя особо – на моем месте мог бы оказаться любой не-честный гражданин. Так неохота навеки затеряться в какой-нибудь

библиографической сноске. Вот поэтому я не только притворщик, но и выдающийся придумщик своих несуществующих достоинств.

Сто лет уже, кажется, промчалось с тех пор, когда жил-поживал

я там, где с севера террикон нависает, аки змей Горыныч дымящий

и днем и ночью. С юга накатывает ковыльное половодье, заводи

ряски поблескивают местами, переплетаются оврагами, балками и

холмами. Между севером и югом проселка стена дымов. Если их

вытянуть вдоль – долгая и дымная дорога постелется. Как судьба.

Сейчас у подножья террикона этим рассуждениям, как и мне, неуютно. Радует лишь то, что совсем рядом – ниже дымов – стоит

мой дом, теряясь в трех коротких улочках. Сбоку, очерчивая поселок полукругом, тянется унылая выемка с односторонней железно-дорожной колеей, по которой из нескольких шахт, расположенных

последовательно, вывозят уголь на станцию Весовую.

Когда-то, познавая эту чудесную степную гладь, я равнодушно

проходил мимо утопающих в водке шахтеров, мимо спящих в гущи-не бурьяна посельчан. Едва повзрослев, с группой сверстников точно так прятался в буйноростье сорной травы и я, отмечая какие-то

праздники. Порой во хмелю засыпал, нежно обняв молочаи, щекой

прижимая к земле, как подушку, перекати-поле. Немного погодя, увидев с какой сноровкой я доставляю винно-водочную продукцию

40

по просьбе граждан, в дело вмешался сам СПИРИТУС: так появился указ о присвоении мне звания первого Гонца королевства поселкового.

И я им действительно стал. Но это когда было! Следует отметить безупречный вкус СПИРИТУСА! Достаточно сказать, что он

досрочно присваивал мне звания, почитаемые в алкогольной иерархии, начиная от почетного алкоголика Донбасса и заслуженного –

России, и завершая высоким званием народного Алкоголика моей

республики. К великому неудовольствию остальных претендентов.

СПИРИТУС самолично прислал мне телеграмму. Кстати, без помощи секретариата. Он отправился на почту совершенно один, без

охраны, рискуя наткнуться на трезвых смутьянов и получить психологическую травму. Но обошлось. Народ как раз что-то широко

и пьяно праздновал, что понравилось главе алкогольного безумия

несказанно. Точно так, как и общее состояние охмелевшего поселка. Шахтеры спивались, улицы самогоноварились, проулки криве-ли от страшного сивушного дурмана. Строчка за строкой, от верха

до низу, по формату телеграммы САМ настрочил поздравительный

текст. Чем я горжусь доныне.

Словом, постриг был назначен. И не отложен. Так из самозва-ного, самовыгнанного я сделался, как велено было Самим, первым

Народным алкоголиком королевства. Поначалу действующим, а затем – первым Народным трезвенником. В той мутной науке бывших алкоголиков нет. Стоит тебе взять первую рюмку, не успеешь

оглянуться, как окажешься в канаве. Но страшнее другое: ты уже

снова безумец одвуконный и оружный, и очень опасный для самого себя. Безумец такой оригинальной силы, что вся пьяная братия

улиц, что по обочинам возлежит, обильной дымкой папиросной тебе

салютует. Глядя на ту темную дымку, люди всплескивали руками: не

к добру! Одна тетя Катя с присущим ей малоросским юмором воскликнула прямо в дым: та ото ж хоть тяжке життя в очи не лизе…

То дымное знамение узрев, может, терриконное, и я сдрейфил: к чему бы это? Не заплутать бы в трех званиях-сомнениях, – мелькали в голове обрывки, пока еще не склеенные логикой рассуждений.

Спешка напрочь сдувала логику и топтала ее нерешительностью, главным врагом духовного развития. Амбиции пылали таково – не

терриконы полыхали в глубине! Будто не прошло и вообще не было

41

двух веков употребления одурманивающего зелья. Будто не мой

путь стлался над холмами степными, так коряво проваливаясь в ов-раги, честя ни в чем не повинные провалы и мешающие нетрезвому

шествию курганы. Один лишь хмель мог бы объяснить, как только

забредал я в ту глухомань безлюдную? Даже никогда не видавшая

людей осторожная лиса, как ручной пес, кружила у ног моих, ничуть не пугаясь.

Взад-вперед я мерил шагами огибающую террикон народную

тропу, разволнованный навалившейся на меня народной – трезвой

славой. То, о чем я мечтал, свершилось. Пусть и таким необычным образом. Когда я подумал о навалившейся на меня огромной

ответственности. Естественно, в глубине души начать бояться ее.

По такой причине, что странно для первосвященника важнейшей из

религий – трезвости, – не стремился ввысь, к заоблачным высотам

или хотя бы к вершине буро-серого дымного гиганта, застывшего

передо мной.

Признаться, ослепило меня солнце успеха, голова впервые кру-жилась не от высокой концентрации дыма. Свой лик, будто прикоп-ченный, я безуспешно протирал рукавом, унимая наваждение. Да

где там! Голова шла кругом, как эта тропа народная вокруг террикона. Человека бы какого встретить, да прохожий здесь – редкий

гость, все-таки опасная зона. Пусть бы птица какая показалась-про-мелькнула, отвлекла бы от взволнованных мыслей о туманном будущем, от ответственности, которая въедалась в серое вещество моей

инфантильности. Казалось, даже неживая порода чувствовала, как я

противлюсь, вроде бы гуще подымливая в мою сторону. Неподалеку

замаячил суслик. Вот так бы завиднелось грядущее – справлюсь ли

с навалившимися трезвыми обязанностями?

Будучи сверхответственным, я на всякий случай начал набрасывать в голове сюжет будущей книги. Книги невиданной, немыслимой, вы только подумайте о чем: что должен и обязан уметь мастер трезвости одного дня. Да-да, он должен и обязан уметь хвалить новичка и не

спорить с ним, не критикуя, не возражая, но очень правильно, как ребенком, восхищаться. Замысел книги получался страшно угловатым, причем его углы странно впитывали туманы террикона.

Дымы словно вняли моему беспокойству и загустели. Конечно, с туманом их не спутаешь из-за сероводородного и углекислого за-42

паха, но как знать, как знать. Свет они все-таки отражали, немного

искажая желтушным фоном. Я же, боясь действовать, снова о напи-сании книги размышлял, как правило, о стороннем, не умея толком

сосредоточиться. Например, о пергаменте зеленом. Тут же свыше

свалилась вторая строка неуклюжего хорея: спит отчизна, как в пе-ленах.

Вот бы сейчас на мореном дубовом столе разложить девствен-но чистые листы бумаги, ручка справа, ручка слева, чашка с дымя-щимся кофе – посередине. И никаких помех, кроме – амбициозных.

И плести, плести сюжет с того момента, когда я в ратях алкогольно-зависимых обретался. Нет, пожалуй, так будет плохо. При чем

здесь рати. Ни к чему такая высокопарность: ведь речь идет о жизни

и смерти. Притом нужно пояснять читателю, какие рати я имел в

виду. Я то вслушивался в автомобильные шумы пролегающей рядом

автотрассы, то гостевал в неопрятных покоях острого отхода, удивительно легко вдыхая дымы. Катившаяся со склона порода споты-кались о мои ступни. Все, и я в том числе, знали, сколь они безжа-лостны, даже смертоносны. Притом видел я и слышал совсем иное.

Тонюсеньким, едва слышным голоском откликались душевные

боли. Едва различимый голос Программы исцеления А.А. Двенадцать Шагов напоминал: не задирай нос, от тебя ничего не зависит, и

поменьше шевелись попусту. И замолкал. А если снова отзывался, то прямо по тексту. Трезвые чудеса происходили тут же, хотя и невидимо. Потому что никто не мог посмотреть, как в глубине моих

сомнений срасталось несрастаемое и сочеталось не сочетаемое.

Впору было поверить в силу Программы исцеления.

А то ведь один-одинешенек, сын блудный, блужу, волчара серый аки. От безлюдья – тоска, а многолюдно – сторонюсь живых

соплеменников, куда такое годится? Со стороны складывается ощущение – что-то он все бродит, что-то вынюхивает. Или чего сказать

хочет. В целом, чего хотел, сам ответить себе не мог.

А желал тот бродячий соглядатай с будущим побрататься, гарантий искал в грядущем. Не то жить спешил, не то реальности надвигающейся страшился? Хотелось тому бродяге уже сейчас, сию же

минуту, ежемгновенно, чтобы все трезвенники из Сообщества А.А.

единодушно приняли бы его как лидера, т. е. меня!

43

Дожить бы до того! Хотя я внутренний, более решительный, чем я целостный. Голос мой поправлял и мою неуверенность: уже!

Что уже? – поинтересовался я сам у себя поинтеллигентней, не

обидеть бы самого себя. Но как только я пытался обидеться, тут

же звучало в ответ: не тебе сие говорено! Как упредили приятеля-ворона, а не меня. Ну да ладно, прочь праздность! Итак: мастер

трезвости должен… – я быстро достал блокнот и начертал первые

строки. Оказалось очень непросто – внятно сформулировать то, что

задумал. Я сосредоточился, стал поудобней, правой ногой оперся

на высоченную породину – как только такую громадину из шахты

вывезли. Получилось что-то вроде столика на коленном сгибе. Одно

я знал точно: ни в коем случае нельзя затуманивать содержание слезами, жалостью к себе, сирой раздумчивостью.

Темен лик образа грядущего, коим я управлять вознамерился, расплывчат, едва ли реален, – пылали думы тревожным хореем на

дальнем ничейном краю.

АЛКОГОЛИК ОБЯЗАН, – я собрался с мыслями, – а ведь иные

недоумки-гордецы из Товарищества встрепенутся после таких слов, станут отповедью несмиренной открещиваться. Примерно вот такого толка: я никому ничего не должен и ничем не обязан. Далее разы-грывалось бы буйноростье бредовых отношений, а я бы им ответил, на что они скажут… Тут я прихлопну цитатой из религии трезвости, они же мне…. И так до бесконечности длилась пьеса в воображении

нездоровом…

Так ли дело делалось, про то история умалчивает. Однако же и

я стал тверд. Может, свет во мне возник. Лучи его, как ветки в буре-ломе, пружинисты, но не бьют по векам – ослепляют. Цап-царап, –

откуда-то выползло – следом к ней и рифма приладилась – сатрап! И

далее – сколько ни пытался сосредоточиться, у меня ровным счетом

ничего не получалось. Лишний раз убеждался в мудрости Программы А.А.: алкоголик даже не представляет, насколько он несобран и

рассеян!

Тогда я медленным шагом отправился в медитацию, молчание

переступив, в стелящийся дым углубляясь. Травы сухо шелестели, мягко вместе с породой стелились под ноги. Здесь, куда порой дока-тывались камни, траву никто не косил. Тропинка, немыслимо пет-ляя, чудно змеилась, повторяя изножье террикона на безопасном рас-44

стоянии. В иных местах пыль собиралась по щиколотку, по цвету –

рыжа, на быль мою слегка похожа, нет – на былину красную – наконец-то я пришел в писательское расположение. Мой внутренний

гордец, колючий, как злоба моя, будто слегка унял претензии к миру.

1. АЛКОГОЛИК со сроком трезвости более года ОБЯЗАН и

ДОЛЖЕН, – последние слова я специально оставил, дабы позлить

первых – нелюбимых мной – основателей Сообщества в нашей республике. Чтобы метило да в веко, упиралось прямо в бровь, – резанул я хореем, чтоб знали, с кем имеют дело! Такое получается, пишу рекомендации, а выходят, даже выползают стихи: здравствуй-те, МУЗА Поэзовна! Выползают – это я лихо завернул, нужно будет

следующий сборник стихов так и обозначить: «Выползни», – сострил сам себе, сам над собой позабавился легонько, хохотнув под

рокот очередной катящейся по склону порции породы.

Было хорошо слышно, как самые сноровистые камни – ну точно люди –шуршат, теряя силу в густом бурьяне. Перед поэтом скло-няются даже камни, – умничал я, – но все равно боязно. Случалось, здесь люди увечья получали – так далеко, словно живые, закаты-вались породные куски. Старожилы поселка рассказывали и про

смертный случай… Стоп! Я же о другом. Бьюсь о дымы, а сам не

виден, камни катятся в траву – тьфу! И на них я не в обиде – опять

хорей – изыди! Ой-ой-ой, что же я такое говорю, коли Муза собственной персоной ко мне пожаловала для поддержки духа. Воздви-глась из породы угольной. А почему нет?

2. АЛКОГОЛИК ОБЯЗАН: понимать, что новичок не есть новичок, а небесный свет, Богом присланный. Только опираясь на его

благодать, новичка, получишь силу трезвую.

3. ДОЛЖЕН: поняв вышесказанное, отринуть собственное

мнение, отказаться от страстей и размышлений, ибо во мгновение

сие сам Бог вручает тебе власть духовную. И ты властен над временем, бремя страха с тебя снимающим. Узри себя в новичке!

4. ОБЯЗАН просто знать, что он священник без сана, психолог

без диплома. Главная его обязанность осторожно относиться к исповедям, слыша только себя в исповедующемся, не поучая, и не дай

Бог слово молвить об исповеди, по исповеди и во время исповеди.

Тогда жди гнева небесного и знай: то, что случилось прежде, – кара

за грядущий грех!

45

5. ДОЛЖЕН: дохромав до духовного пробуждения, с раззадо-ренной гордыней совладав, денно и нощно сдирать с облика лживого своего прикипевшие к челу маски – хотя бы одну из ста. И

предстать перед новичком, как он, беспомощным, обнажив хотя бы

хвост свой не отвалившийся.

6. ОБЯЗАН: став прозрачнее всего на одну полуправду, отвечать на все вопросы новичка угодливо, вынимая из своего лживого

образа нечто подобное услышанному. Дабы не обратиться в глупого

поучителя или советчика. Помни, перед тобой присланный Богом

ребенок, помни об этом, горделивый глупец!

7. ДОЛЖЕН: уметь предстать перед новичком, дабы угадывалась радость от встречи с ним и светло серебрилось огромное

чувство благодарности за то – это обязательно озвучить, – что он

помог тебе сейчас. И при этом чтобы виделась росчисть в жизни

греховной сквозь улыбчивое чело духа. Чтобы новичок, распевая

песни свои темноокие, ощущал себя как минимум Бояном! Притом

должно, можно и нужно, ответствовать ему, восхищаясь его выступлением, нахваливая его пришествие, аплодируя сказанному, даже

будь оно неясным!

8. ОБЯЗАН: слыша секретарский колокольчик, не мчаться пьяно на объявленный пере-рыв, но окружить новичка такой заботой, чтобы он слышал твои аплодисменты, узнав, как он тебе помог спастись, и если бы не он, то тебе несдобровать.

9. ДОЛЖЕН: глянув в сторону заката, отодвинув свое «Я», пойти за новичком вслед, как за солнцем: скачет с мысли, не следи, рыщет в прошлом, не кручинься. Можешь спросить у него: правда

– какая она?

10. ОБЯЗАН: особенно – не вздуваться, словно гонимая ветром

гордости ткань, и не звучать надуманной музыкой – по недоразуме-нию ли, но ежели содрал уже более одной маски со своего притворства и почуял силу небесную, то подражай одному лишь Господу

Богу твоему и твори малюсенькие человеческие чудеса.

Важнейшее из чудес – спасение новичка – он и есть твой главный шанс. Превратись в него, прыгучими перстами держась за молитву. Ты сможешь так сделать, даже если никогда так не поступал, –

будь вторым «я» новичка. Выползи из густых куп страха, раздвинь

ветви амбиций. Не укоряй его своим глупым духовным ростом, так

46

как подумает, что ты совершенен, и уйдет. Не сверли его мозги пер-форатором советов и поучений типа: ходи на занятия, работай по

программе и т. д. Пусть этот новичок, подредактирует себя сам, как

наволгший ямб, и облегчит душу свою не ущемленным тобой само-любием – в первый день трезвости.

Не забывай, перед тобой не отвердевший прямоугольник с

жесткой окантовкой, но выдвиженец самих небес. Так что у тебя

есть шанс вдруг увидеть в нем себя и сказать себе, а лучше всему

честному народу: да я же сам еще на дереве прозябаю, а все туда же.

В противном случае ты делаешь новичка, что называется, пациен-том, которому сообщаешь: смертельный диагноз, поставленный вам

намедни, – это ошибка!

Исцеление возможно, и выход есть. Пусть не смотрит он жадно

на групповое сознание, как узник через решетку. Не о тебе ли последняя реплика?

НОВЕНЬКАЯ

Брат Иван, согласно нами принятой терминологии, причинно-следственный алкоголик, – открывая очередное собрание А.А., все время обращался к впервые появившейся здесь миловидной

женщине: новички – всегда желанные гости у нас… Несчастная, похоже, желала только одного – сделаться невидимой: дальнейшее

развитие событий казалось ей, лишенной чувства защищенности, сошествием в ад.

Опоздавший к началу собрания, я понял: сегодня у трезвенников великий праздник – на группе присутствует личный представитель небесной канцелярии. По привычке я ревниво оглядел присутствующих: более старших по сроку трезвости не было, и это

радовало. Для полной уверенности я суммировал годы трезвости

всех сидящих вокруг меня братьев и сестер и с удовлетворением

отметил: на всех едва ли наберется четверть века. Так что супротив

моих двадцати семи лет трезвления они дети малые. Удовлетворив

амбиции, я совершенно успокоился.

Тут наконец-то заработало мое крохотное смирение, и я засты-дился своих мыслей. Чувство вины обдало меня с ног до головы: да

47

ведь трезв я только по божьей милости, и от новенькой меня отделяет всего лишь одна рюмка…

А брат Иван разливался соловьем, он пустился вспоминать

скучные истории пьяных времен и не давал новенькой, взявшей

дыхание на целую жизнь, заговорить. Я же распознавал новоиспе-ченную сестру со спины, видя ее страдания и полное отсутствие

чувства защищенности. Что-то подсказывало мне свыше: к нам сни-зошел абсолютный, подлинный алкоголик, дотягивающий почти до

точки невозврата. Вот уж действительно праздник!

Как я определил ее статус, спросите вы. Да проще простого: я

видел свет в темноте. Мне приоткрылось, насколько полным и искренним было в ней созревшее покаяние. Надобно пояснить: как

только брат Иван наконец предоставил новенькой слово, я услышал

себя маленького, беззащитного, только что возникшего на задворках трезвости. Как же весомы были ее слова, как глубок и честен

их смысл! Такую исповедь можно было назвать евангельской. А то, что она прошла, то, что было у нее за спиной, не представлялось

возможным.

К концу выступления она была в полном опустошении. Чувствовалось, что голова у нее шла кругом не то от собственной дерзости, не то от перенапряжения совершенно детской психики. Один

из братьев, назовем его Не Очень Иван, издали подавал ей советы, как правильно жить. Совсем Не Иван, умничал, тонко, по его понятиям, ее направляя. А я умозрительно хохотал, глядя на бессильное

кривляние своих собратьев перед полуторагодовалой девочкой (по

эмоциям), едва поднявшейся на трезвые ножки. И веяло от совет-чиков холодом неживым, пахло царящими тут амбициями. Да и как

они могли понять трезвую странницу, едва не ушедшую в небо по

лестнице, ввинченной в облака?

ДОЛИНА СЧАСТЬЯ И ГОРЯ

Мужчина, представившийся Игорем, с детским интересом смотрел в окно поезда, эмоционально восклицая при виде вспыхиваю-щих красотой пейзажей. В какой-то степени, в общем, напоминал

меня.

48

Поначалу было мы разговорились, но общение прервалось, как

только я спросил, как идет преодоление реальности. Не любит, когда ему задают вопросы, – сделал я вывод. Однако вскоре попутчик

встрепенулся, будто ему вкололи что-то наркотическое, и перестав-ляя дребезжащие стаканы, заговорил, не останавливаясь. Вероятно, он владел искусством впихивать в фабулу сюжета все что можно и

получии при этом своеобразное удовольствие.

Когда вопреки ожиданиям наш монолог раскочегарился, он признался мне в своей болезни – алкоголизме и поведал о таинственном

Сообществе Анонимных Алкоголиков.

Надо сказать, я тоже имел определенную зависимость от веселящих напитков. Припрятанная на дне сумки бутылка с бахусовым

зельем вдруг утратила уместность. И то, что я собирался предложить

случайному попутчику – «по пять капель», – уже казалось полней-шей глупостью. Вот такие странные метаморфозы произошли при

первой встрече с живым трезвенником.

Едва ли я точно смогу объяснить, что случилось со мной, с

моими ощущениями и чувствами, а главное, с моим алкогольным

мышлением, но кайф от предчувствия выпивки улетучился. В голове что-то щелкнуло видимо, произошел сдвиг в сознании, причем

безусловно, в неведомую сторону.

Игорь повествовал о своей жизни с невыгодной для него – от-рицательной точки зрения. Его стихийная исповедь таинственным

образом вызывала во мне желание тоже признаться в своих недостатках.

Чтобы подавить его, я уставился в окно. Я действительно ничего не видел, ибо я был ослеплен образом трезвости, произведшем в

моей душе переворот.

Он же то касался бытовых мелочей, то превращался в благородного судью, оправдывая как будто виновных. Мне припомнился

случай, когда попал в дорожную переделку и испугавшись агрес-сивного виновника аварии – наехавшего на меня бугая, я со страху

начал просить у него прощения, благодарить за понимание, пожимая руку. От этого воспоминания мне стало стыдно за себя, зато я

начал видеть и слышать. В духовном смысле. Вокруг нас в вагоне

громко разговаривали пассажиры, мешая сосредоточиться. Проеха-ли какой-то длинный мост, помолчали. – Вы знаете, мои выступле-49

ния на собраниях не всегда искренни – безуспешно пытаюсь угодить всем присутствующим. Отвечаю на все вопросы наставника и

при этом ненавижу его за разумные требования, чтобы приобщить

меня к спасительной программе 12 Шагов. Короче, я соврал ему, что

не могу писать, потому что у меня немеет рука. В ответ он съязвил: а в пьяной жизни от полного стакана рука не немела?

В свою очередь я неожиданно вспомнил, как продал бабушке

старое одеяло. Острый стыд пронзил мое сердце. Мой слух обо-стрился до того, что я впервые услышал голос совести. Возможно, произошло чудо, во мне возник образ-символ новой жизни, о коей я

не имел ни малейшего представления. Но именно туда мне следовало повернуть, хотя очень не хотелось.

Не могу не признаться: втайне я и сам, полагаясь лишь на свои

ограниченные силы, искал выход из сложившегося положения, хотел избавиться от проклятой тяги к выпивке. Кажется, дело наконец

сдвинулось с места, и явно в сторону таинственной трезвости. Но

чьими молитвами? Думаю, Игоря, которого Бог послал мне в помощь.

Все, баста, – рассуждал я вслух, шагая по вокзалу, совершенно

не представляя, куда мне идти. Тем не менее, увидев бомжа, я решительно подошел к нему и спросил: ты веришь в чудеса? Неопрятный

мужчина неопределенного возраста, подозревая подвох, молча кивнул. Ну тогда получай! – задорно воскликнул я и сунул ему в руки

бутылку водки.

Не могу утверждать, что мой благотворительный жест облегчил

душу, но мне уже не нужно было соотносить душевный и чувственный пейзаж с реальностью. Он состоялся, а я начал подчиняться его

законам. Благодаря тому трезвеннику, выполняющему свою равноа-постольную миссию в великой долине счастья и горя.

В ПОИСКАХ СЕБЯ

К кому я был особо беспощаден, так это к самому себе. Можете

представить себе мое изумление, когда я познакомился с психологи-ей личности. Такой ракурс рассмотрения себя – черта с два возник

бы сам по себе или по моей инициативе. Я до скончания века жил

50

бы чужой жизнью, все силы отдавал бы чужим проблемам – так и

утонул бы в со-зависимости.

Оказывается, на белом свете есть еще один человек, о существовании которого я даже и не подозревал. Когда я вдруг перестал быть

наивным поборником всего человечества, то все, кто меня обожал

за уступчивость, – все без исключения: родные, близкие, приятели

и просто знакомцы, –растерялись: лошадь, извините за сравнение, встала на дыбы!

Так я начал кем-то быть в этом мире. Вначале лишь просматри-вались очертания странного образа. Удивительно притягательного,

– как неожиданно выяснилось. Что же случилось, неужели грядут

духовные перемены?

На самом деле причин для беспокойства не имелось, просто-напросто я начал БЫТЬ! То есть заново родился в личностном плане, возник, нарисовался, материализовался… называйте как хотите – об

этом и многом другом рассказывала мне психолог, в то время как я

поглядывал на нее искоса и с недоверием агрессора. А как бы вы

себя чувствовали, в зрелом возрасте вдруг придя в себя после тысячи лет алкогольного отсутствия?

По правде говоря, я быстро устал от прямых вопросов специалиста по психологии. Так или иначе, но моими ощущениями управля-ла юношеская похоть. Избалованный в благословенные футбольные

времена любовными приключениями, я, естественно, рассматривал

психолога не как специалиста, а как красивую и довольно сексуальную женщину. То и дело поцарапывая изгрызанными ногтями под-брюшье столешницы, почти не слыша ее, я с удовольствием вдыхал

сказочно приятный аромат ее французских духов и силился казаться

эдаким уставшим от жизни волокитой.

Если бы я хоть что-то знал об инфантильности и посмотрел на

себя глазами взрослого самодостаточного человека! Если бы я только мог представить свою детскую, не соответствующую возрасту

внешность, то понял бы, почему меня никто не боится и не принимает всерьез.

Признаться, я не вслушивался в то, что изрекала психологиня

или психологша, а придумывал для нее прозвища поядовитей, похотливо поглядывая на нее. Похоть, как известно, возраста и сраму

не признает. Остановившийся в своем личностном развитии в клас-51

се пятом-шестом, я едва ли догадывался, что пытался соблазнить

ледяные торосы: глаза моей визави были более чем холодны, вид

отстраненно-недоступный – в общем, снежная королева, ни дать ни

взять.

– Все эмоциональные проблемы, о которых вы мне рассказали, можно рассматривать как случаи неверно сориентированных

инстинктов, – неожиданно резанула мой слух ее умная фраза. Она

подперла подбородок ладошкой, тяжело вздохнула, но глаз «про-курорских» своих не отвела. По иронии – я называл встречу с ней

допросом, – из-за ее плеча прямо мне в глаза светило из окна яркое

солнце, ну точно как на допросе в казематах Лаврентия Павловича

Берии. С большим трудом я сдержался, чтобы не съязвить по этому

поводу.

Строгий стиль ее одежды, подчеркнуто сдержанный и консер-вативный – темная юбка закрывала колени, двубортный темный

пиджак до середины бедра, можно было назвать стилем английской

королевы. Какая тут сексуальность?!

И все же я не мог не согласиться с ее рассуждениями: в каждом

фрагменте бытия я придумываю свою сказку, дабы тут же усколь-знуть туда от реальности. Видя мое внимание, психологиня усилила

натиск.

– Что вы сейчас чувствуете, отвечайте четко и ясно, – огороши-ла не столько вопросом, сколько тоном, напомнившим интонации

супруги, догадывающейся об изменах…

Пока я, измученный психологическим давлением, приходил в

себя, она что-то быстро записывала, держа ручку своими длинными

фортепианными пальцами. – Простите, вы не играете на пианино?

– поинтересовался я. – А как же! – Глаза ее загорелись. – Музыка

и психология – это единство! Но не будем отвлекаться! – Всего на

одно мгновение приподняла она маску целительницы душ, и я увидел совершенно незащищенную от жизненных невзгод женщину. В

это время солнце спряталось за ее спину, на ее челе вновь появилась

личина отстраненности и деловитости. И напрасно я пытался выйти

на волну взаимопонимания.

Она сухо перечисляла мои проблемы и все то, что, увидев во

мне, считала – мешающим мне развиваться и жить счастливо. – По-святите себя чему-нибудь, к чему глаза, а потом душа приведут. А то

52

ведь привели себя не туда куда следует, если верить вашему рассказу о себе. Согласно вашей истории, вы ушли в алкоголизм не родив-шись. Так сказать, разминулись с самим собой ровно на жизнь. Давайте, выволакивайте себя поскорей. Чем быстрее вы увидите себя

настоящего, тем быстрее избавитесь от самодовольства. А пока вы

существуете у себя в больном воображении, вам не избежать пе-чальной участи: силы Бахуса пустят вас на завертку.

После таких отповедей я крепко задумался. Дикие противоречия раздирали меня все больше и больше, а я сам чувствовал себя

несомым через чреду перевоплощений – от самого себя к самому

себе. Признаться, это пугало. Неужели новая трезвая жизнь такая

настойчивая и даже прилипчиво-навязчивая?

– Нехитрая это наука – ладить с грехами и развивать в себе темное начало с помощью возлияний винных, – изрекла в мой адрес

мучительница. Это еще как посмотреть – кто кого утолил да измучил: Бахус меня или я Бахуса? Но как сказал один поэт: теперь плати, всему свой срок! И так захотелось крикнуть ей прямо в лицо

вторую строчку: прощай, я каяться помчался!

Мог ли я подумать в той неправедной жизни, что когда-нибудь у

меня раскроются глаза и я начну видеть, слышать и воспринимать? Я

оказался во власти пробудившегося во мне здравомыслия. Нечто не-мыслимое, исходящее из меня, имело место быть и требовало слов и

слушателей, ощущений и честности, любви и чувственности. – Именно так все и происходит при духовном пробуждении, – читала мое

состояние отнюдь не мучительница, но спасительница души моей.

Тогда и отчасти сейчас происходящее со мной казалось непо-стижимым. Необъяснимость благодати лишь подтверждала ее чу-десность, как и существование Творца. Мрачной сказкой казавшая-ся жизнь в одночасье осветилась зарею багряной. Я плакался своей

слушательнице о том и о сем. Меня совершенно не волновало, слушала она меня или нет, я будто бы и не замечал ее – лишь чувствовал присутствие образа в строгом деловом костюме.

Мне так много хотелось сказать, что я захлебывался словами.

Я пытался казаться взрослым и грозным – ничего у меня не выходило. Внутренний семилетний малыш один-одинешенек маячил в

отдалении, иногда со страхом выглядывая из глубины душевной, чтобы оправдаться перед восседающей перед ним мамкой.

53

Делиться тем, что я ощущал на первом откровении, трудно. Извилины в голове двигались неохотно и со скрипом. Непривычная к

свету душа делала попытки вырваться из отвратительной неправды.

Вскоре исповедальный пыл мой начал стихать, а от сидящей напротив послышалось: именно так все происходило и у других, немногие могут легко справляться с таким состоянием.

Ее слова уже не имели значения. Мне было хорошо, я поверил

в свою болезнь и в то, что она дана мне во спасение души, иначе

меня, шествующего в могилу, не остановить. И что я эмоционально

незрел, недоразвит и неполноценен, сущая правда.

Закутанная в облегающие ее солнечные лучи, психологиня

молчала. Она точно не ожидала, работая со мной, что я так быстро

явлюсь на свет, проговорив выползающие из подсознания детские

страхи и погано хохочущие греховные воспоминания. Я любовался

дорожкой пыли в солнечном луче, сравнивая ее с моим пыльным и

горестным путем.

После случайного или задуманного свыше прорыва отрицательных эмоций я неумело устанавливал товарищеские отношения

со смирением. Новое состояние я принимал с трудом, а то, что меня

уже не бросало на ухабах душевного покоя, удивляло. Я, не привыкший быть смиренным, осторожно пробовал на зуб малознакомое

чувство.

Неожиданно психолог остановила меня, предостерегая от глупого детского желания одним махом решить то, что делается в течение всей жизни: – Ну вот, первый слой мы сняли, теперь будет

полегче. Главное, начать и больше не останавливаться. Конечно, инстинкты, то бишь черты вашего характера у вас совсем распуще-ны. Будем постепенно вводить их в определенные рамки, чтобы со

временем переориентировать. Иначе ваша трезвая жизнь покажется

вам унылой, а душевный покой – зыбким.

Ощущение чистоты в душе моей напоминало легкую вечернюю

прохладу. Но вряд ли я повзрослел, потому что, похоже, влюбился в

ненавистного мне психолога.

54

КОЛЯН

Автопортрет? Едва ли… Просто перед вами, во всей своей кра-се, пытающийся молодиться Колян. Лицо у него свеженькое, как от

яблок молодильных. Наверное, генетика…

Обувка, правда, поношенная: скособоченные кроссовки – внук хотел выбросить, так Колян его остановил: буду играть в них в футбол!

Из душевных тайн: соблазнитель женщин, потерявших шансы

выйти замуж. Убежденный трезвенник – выкормыш Сообщества

Анонимных Алкоголиков. Прочее можно опустить, и без слов понятно: как говаривал, блаженной памяти, дядя Женя: тюф-тюф-тюф…

Итак, Колян!

Несмотря на возраст, привлекателен, а в слабоосвещенных местах вызывает интерес у женщин с хорошим вкусом. Так он шутит.

Роста невысокого – в родителей. Правда, благодаря прыжковым

упражнениям немного вытянулся и оказался самым высоким среди

низкорослых сродников.

Судьба повела Коляна пьяной стезей спивающегося шахтерско-го поселка, но Провидение кое-что сдвинуло на Древе Судеб…

И прозябать бы Коляну в самогонном дурмане до скончания

века, но, к счастью, у Провидения есть планы на него…

Коля здравствует. Годков ему чуть более семидесяти, но по

внешнему виду и не определишь: пятьдесят ему, шестьдесят или

же семьдесят пять. Словом, молодой мужчина очень старшего возраста!

Одинокие женщины, приближающиеся к его возрасту, обращают на него особенное внимание. Только сейчас он никак не мог (а

так хотелось!) оказаться в центре внимания.

В городской библиотеке собралось с десяток старушек. Начинался вечер, посвященный юбилею ансамбля «Битлз». Осенний

промозглый уличный ветер, стуча в окна, как Ринго Старр в бараба-ны, напоминал об этом.

Красивая, еще в самом цвете, культуролог Татьяна (длинная

юбка в горошину, на ногах кроссовки такой же расцветки) показывала слайды и рассказывала о легендарном ансамбле.

Старушки слушали, Колян в дальнем угол подстраивал гитару

и зевал.

55

Библиотека, осень, Татьяна, исполняющая популярные песни

«Битлз» на английском языке. И подпевающие ей старушки, погля-дывающие с интересом на загадочного Коляна.

В такой обстановке, где ты не главный, следовало бы за что-то

ухватиться хоть бы и ощущениями, пусть и взглядом. Но куда-то

ускользала полнота и осмысленность бытия, доставляя неудобство

душевному покою.

Смятение разрывало Коляна: вроде бы на сцене, но за спиной у

Татьяны. Вроде бы в центре зала, но на вторых ролях. От этого, как

не напускай важность, и в глазах недовольство полыхает…

Показалось, что эфир колыхнулся, как перед грозой. Это Колян

уронил гитару на фразе «…четверка из Ливерпуля…». У Пола Мак-картни на экране вспыхнули глаза и приподнялись брови…

В том сполохе глаз музыканта почудилось внимание его к привлекательной библиотекарше и даже читалось, что за дамой, если

случится, приударить он не прочь. Ясное дело…

Колян!

Неожиданно разрумянившаяся от возбуждения культуролог повернулась к нему и представила публике: «… поэт, музыкант и настройщик моей гитары, если бы не он, то…»

Как это понимать? – читалось в глазах старушек. Кто поэт? Кто

музыкант? И все смешалось в библиотеке, как в доме Облонских!

Колян, хоть и ненадолго, оказался на первых ролях. От растерянности почудилось, что под ним зашатался стул.

Тем не менее он привстал и поклонился. Старушки скандиро-вали: пусть споет, пусть сыграет! Татьяна в растерянности молчала.

Придя в себя, она взяла инициативу в свои руки: попросим на-стройщика гитары что-нибудь сыграть.

После первых аккордов обнаружилось, что его пальцы легки, а

голос тяжел, как заоконный порыв ветра. Но прежде Колян решил

коротко сказать пару слов, а получилась длинно и не в ту калитку.

Библиотекарша подумала, уж лучше бы просто сыграл…

Колян прожил жизнь сложносочиненно и теперь спотыкался об уха-бы логики. Предложения при многолюдстве переплетались придаточны-ми. И мешали вводные слова: возможно, по-видимому, поневоле…

Старушки приумолкли, и – раздалась мелодия! А чья, Колян то

ли забыл объявить, то ли решил это сделать позже. И оказался прав: получилось загадочней, романтичней, что ли…

56

Все уставились на экран, но «Битлз» был здесь ни при чем. Звучал Фернандо Сор. Безусловно, не сам испанский гитарист-виртуоз

19 века, а его творение – вальс ми-минор. Колян любил это произве-дение за некую спрятанную в нем тайну.

Ему аплодировали, он задыхался от чувства причастности…

Все заметили, что у Коляна пропала сутулость. И тут – неожиданно

для всех и особенно для Татьяны – он запел...

С ума сошел, – читалось в глазах у культуролога: – о том, как

поет Колян, лучше вслух не говорить! Не может так он, не может!

Не должен он петь вообще! Он хороший настройщик гитары.

На краешке неба, где рожь,

Ты медленно валишься набок

И пряник печатный жуешь,

И радуешься в цвете яблонь.

Слова… Откуда только взялись эти слова, ни на кого не похожая

интонация исполнения, из души льющаяся мелодия? Он пел о давно

и безоглядно минувшем детстве, да как! Песня звучала как стих, а

стих казался песней. И все вместе рыдали: Колян, гитара, стихотворение и песня.

Старушки почувствовали то, что он вложил в свои строки: жизнь скоротечна… Неожиданно они оказались в своем радостном

отрочестве. По их глазам угадывалась эта радость – она была сейчас

с ними…

Резкий порыв ветра за окном напомнил об осени, слякоти, уны-нии. Об осени жизни большинства собравшихся.

Колян продолжал:

На краешке неба покой,

Сидишь ты, не вечный, не тленный,

Какой-то уже не такой,

Нездешний, необыкновенный.

Выдохнул, и его охватила оторопь. От узнавания себя, от растерянности, что он сделал это, от чувства вины, наконец. Он даже

нашел в себе силы растянуть непослушные губы в улыбке. Но после

как-то обмяк.

57

Коляну, может, не к месту вспомнились посиделки в отчем дворе: отец выводивший «За туманом…», вторившая отцу младшая сестра, и сам он, жаждущий запеть, но боящийся все испортить.

Тот страх остался в нем навсегда!

Сейчас он раззадорился, осмелел, можно сказать, выпустил

себя на волю. Из первого ряда послышалось: браво! Колян испугался, что не сможет соответствовать ожиданиям слушателей.

С виноватым видом он принялся выдавливать из своего репер-туара недавно разученный менуэт соль-мажор И.С. Баха.

Бах у него звучал так себе. Бах для него был сложен. Колян чувствовал, что проваливается, и что-то непоправимое случится, если

он еще раз собьется.

Но – где и в каком месте?

Пропала музыкальная память? В душе шевельнулся страх? Или

так он среагировал на «браво», или сбился при воспоминании об

отрочестве?

На краешке неба погасло слово «Битлз». Ветер стучался в окна

дождем.

Колян исполнил наиболее отточенный романс Гомеса. Татьяна

предложила перейти к чаепитию, боясь, что Колян опять запоет, –

играл он значительно лучше. Но не божественно, как она оговорилась накануне.

Коляну, несмотря на запрет Татьяны, хотелось поговорить о

трезвом алкоголизме. И растолковать старушкам смысл жизни, по-умничать… То есть сделать то, чего не позволяли в детстве!

Чтобы запомнили! Чтобы ахнули, как от последнего порыва ветра, едва не выдавившегося стекла.

Одна из старушек трясла руку Коляна, приобняла и что-то говорила. Хвалила. Другие отмечали, какой он молодец. От всеобщего

восторга он вконец размяк.

В конце концов, Татьяна сделала несколько объявлений, и началась проза.

Границы будня обозначились от края до края. Нужно было на-водить порядок, мыть чашки, подводить итоги. И расходиться.

Задвигая на место стол, Колян ждал, что и Татьяна скажет, как

он хорошо поет и играет.

Но услышал: ты к следующему разу лучше разучи что-нибудь

простенькое… Для старушек…

58

САМОЕ ВАЖНОЕ

С каждым годом лавина следующих за мной по пятам и запечат-ленных в памяти событий – все ближе. Они пестрят застрявшими и

осевшими навечно в подсознании некогда случившимися со мной

потрясениями.

Теперь уже не имеют никакого значения причинно-следственные связи, будь то житейские невзгоды или избыточные эмоциональные реакции. В то время когда они случились, они явились

причиной встряски и повлияли на душевный покой, а потом благополучно осели на веки вечные в подсознании. И, как сказали бы

господа психологи, жизнь, в целом, ухудшилась.

Когда б я знал раньше, что меня будет преследовать прошлое, беспокоя по таким пустякам, я бы методично и последовательно занимался расчисткой – инвентаризацией, если хотите, – того слежав-шегося и мешающего жить хлама.

В памяти остались некогда услышанные в телепрограмме слова: ваше прошлое всегда с вами! И вот теперь всплыли – как бы не

аукнулись и без того зыбкому душевному покою.

Я не то чтобы инициирую прошлое – оно вспоминается независимо от моей воли – некими странными фрагментами, казалось бы, давно забытыми и незначительными. Будто некто, словно алкоголь, наливает дозированно пьянящих эмоций: опьянеть не опьянеешь, но чувствуешь себя взбалмошным.

Разумеется, временами я многое вспоминаю и не знаю, что в

моих воспоминаниях имеет первостепенное значение. Вот сидело

где-то в глубинах, да и выскочило: обида на соседа моего вдруг объ-явилась не запылилась. Смешно сказать, но ведь разбередил, – гадина, выползла-таки, – пред очи ясные мои предстала.

В те далекие перестроечные – тяжелые во многих отношениях

дни – я еще подрабатывал сподручным Бахуса и по утрам любил

опохмеляться. Помнится, заглянул к соседу на втором этаже с наме-ком: налил бы… Моральное право обращаться с подобными просьбами у меня было, ибо вечерами, как правило, я возвращал долг с

лихвой. Сосед же, жмот, не налил, а накапал в свою микроскопиче-скую рюмку. Готов биться об заклад, таких махоньких видеть вам не

доводилось.

59

Я долго в руке держал ту несуразную мини емкость, не зная, что мне делать: ведь тот, кто оскорбил подданного религии тьмы, обидел самого Бахуса. К тому же я тревожился, не убрал бы он вожделенную бутылку туда, откуда ее выхватил.

И тут я почувствовал, что стал ненавидеть соседа. Тем более, что предчувствие меня не подвело: пока я грел в руке те несколько

капель, бутылка упорхнула в холодильник, а сосед театрально воскликнул: пора на выход! Умен был, талантлив, бестия, – ну что вы

хотите – близнец по гороскопу, – успел я подумать, убежденный в

одном: нашим приятельским отношениям пришел конец. И решил: обязательно напишу о случившемся короткий рассказ, где соседа

сделаю отрицательным героем.

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕНА

С последней гражданской женой сосуществование было подобно езде по ухабам и рытвинах на бричке с расшатанными коле-сами. И слушалось без улыбки. И чувство умиления несказанной

женственностью никак не ощущалось. Сущий глум, если не сказать

язвительней.

Выросшая в нелюбви и будучи, такой же неврастеничкой, как

и ее мать, она раздражала неженской угловатостью, крайней не-честностью и своеволием. Что может быть нелепей в семье несмиренной жены? Совершено неуправляемая, но красивая природной

красотой, не нуждающейся в косметических подпорках, она скорее

тешила мое возрастающее самолюбие и меняющуюся в лучшую

сторону самооценку, нежели была хранительницей очага.

Прохожие задерживали взгляд на странной паре, строя догад-ки: похоже, отец с дочерью на прогулке, однако держатся словно

любовники. Особый интерес проявляли те, кто влачил семейное существование с черно-белой дурнушкой.

Я же рядом с женой, положа руку на сердце, смотрелся не более чем житейски беспомощная придурь, красно льющаяся метафорами чахоточного содержания. Порой у меня не доставало сил

слушать ее пропахшие затхлостью пересказы пережитых за день

событий, отличающихся крайним однообразием, с участием одних

60

и тех же персонажей: мама, сын, директриса, пугающая ее зрелыми

суждениями…

Однажды на собрании А.А трезвый брат, не выдержав ее тыся-чекратное повторение одного и того же по теме «кого что волнует», ляпнул: «заколебала ты своей директрисой», – употребив при этом, конечно, глагол непечатный.

К той поре трезвенники уже проморгались, напитались духом

Божьим и потому спокойно восприняли благим намерением исполненную критику. А вот чело жены вспыхнуло растекающимися пур-пурными пятнами.

А женская половина группы с заметным удовольствием слушала немоту занесшейся и поставленной на место уж больно красивой

сестры по трезвости…

ПОМИЛУЙ БОГ

Грядущее никак не осмысливалось, не проглядывалось, не

предчувствовалось. Приблизить его – и тем более приоткрыть – не

в состоянии даже мои нервные исповеди о былом. Конечно, в каком-то смысле они ослабляют давление прошлого. С их помощью

то, что так долго мучило, оставляет тебя в покое. А как увидеть то, что еще не наступило? Полагаю, никто и никогда не сможет ответить на данный вопрос. Разве что поддавшись больному воображению предсказателей-шарлатанов…

Я же все равно бился головой о стену – нужны гарантии на завтра – в неподсудной и необозримой темноте, которая неизвестно как

и неизвестно для кого наступит. Метафизика приближающего бытия языковому выражению не поддавалась, а если и вычерчивалась, то туманно и нереально. Помилуй бог, – вздыхал здравый смысл,

– зачем тебе это? И тут же, уже разозленный моим упрямством, предупреждал: – Нет, не для христиан такие бредни!

Тут трудно не согласиться: как никак во главу угла я ставил духовное развитие. С другой стороны, это своего рода вручение внутреннему ребенку билетика в комнату своеволия: на, мой капризуля, подарочек тебе от двуликого папы, – потрепли нервы воспитатель-нице.

61

Тем не менее я очень долго выдерживал интонации почти семи-десятилетнего ребенка: колотил эмоциями по мирозданию, восклицал, вопия, дабы привлечь к себе внимание: хочу-хочу-хочу знать, кого завтра пошлет мне Господь в качестве спутницы жизни на

оставшиеся мне лета.

Ну да. Я не забывал о том. Одиночество – уникальный стимул

для подобных волнений и размышлений. Ежевечерне, засыпая, я

пристально всматривался в грядущее семейное счастье. В воображении оно складывалось как нельзя лучше, т.е. по моему капризно-му плану, хотению и велению. По сути, я вглядывался в непрони-цаемую мглу, где сотворение мира только-только начиналось, а сам

миропорядок еще не обозначился.

Поскольку мечтал я, совершенно не учитывая свой почтенный

возраст, физическое состояние и десятка два хронических хворей, целая вереница женщин завтрашнего дня постоянно двигалась в

моем разыгравшемся воображении.

«Вот эта мне, пожалуй, подошла бы в качестве супруги», – останавливал я внимание на изящной, словно выточенной, интеллигентного вида особе. В такие мгновения я не сомневался, что сделаю

свою избранницу счастливой.

Стоит ли напоминать о том, что вторым планом, как духовно

развивающаяся личность, я все про себя помнил: когда и где предавал женщин, изменяя им или же бросая на произвол судьбы в «ин-тересном» положении. Не забывал также изменщиц, надругавших-ся над моей любовью. Особенно бередили память те, перед кем я

был, безусловно, виноват, – кто по воле судеб предназначался мне в

жены. Не говоря уже о внебрачных детях.

В общем, будучи упоенным прошлым и озаренным будущим, избавленный (лишь отчасти) от опеки греховного прошлого, я нисколечко не сомневался: та или иная дама едва ли распознает сия-ющую у меня внутри ложь, напротив – примет ее за духовность и

сочтет за счастье находиться рядом с таким чудесным во всех отношениях мужем, как я.

Периодически я прыгал выше головы и действовал весьма решительно. Даже для инфантильного мужчины очень старшего возраста – это нонсенс! Мог отозваться на вежливый взгляд женщины, сохранившей красоту, броситься за нею вслед, а догнав, увидеть: она же годится тебе во внучки!

62

Как, по-вашему, назвать вот такое обрушение на ничего не по-дозревающую прохожую, вынужденную принять на себя каскад

классических комплиментов эпохи господина Дюма? Покуда она, ошалев от неожиданности, выслушивала дифирамбы о своей привлекательности, я разглядывал ее и, как правило, разочаровывался –

умело пропудренные возрастные морщины почему-то раздражали

мою непомерную гордыню. А когда она открывала рот, все окончательно становилось на свои места: в голосе явственно слышались

властные нотки губернатора семейного очага! Разумеется, я любезно расшаркивался и делал для себя очередной судьбоносный вывод: содержание книги названию не соответствует.

Подобное наличие в моем сознании единства противоположно-стей безусловно свидетельствовало о наличии у меня некоей духовности. Стало быть, – рассуждал я вслух, присев на свободную скамеечку зеленой обочины, – я уже должен видеть мир и себя в мире.

Уставившись на поток машин, я выпадал из привычной реальности, потрясенный и обиженный не желающим покидать меня

одиночеством. В цветущем мае трезвые алкоголики особенно чувствительны – я жалел себя, истекая слезами внутрь.

Между тем, жизнь неумолимо двигалась в непонятное будущее, а грозный паспорт-ный возраст накатывал лавинообразно, пугая гря-дущими потрясениями. Мучило ощущение какой-то личностной

обреченности, еще не наступившей, но зачем-то придуманной бро-шенности и одиночества – еще только забрезжившего.

И я начал осмысливать грядущее – обморочную и неразреши-мую мысль-призрак, хохочущую надо мной, не чувствующую от

меня никакой угрозы. Казалось, все кончено и не верилось в преж-ний романтизм, когда во хмелю я любил всех и вся. Правда, по-ве-сеннему цветастая обочина говорила об ином, позванивая в цветы-колокольцы, завивая остов моей лавчонки вьюнами. В порыве

фальшивого благодушия я щедро отсыпал мелочи просящему мило-стыню больному мужчине. Словно опоенный зельем бессмертным, больной мгновенно расцвел и, кажется, начал быстро выздоравливать. Возможно, благодаря впрыснутому в его карман эликсиру жизни. Его просьбы сделались напевней и сладкозвучней. Ну чем не

знак из будущего?

Майское солнце нежно пригревало таких же бездельников, как

я, тут и там примостившихся на скамейках. Думаю, все они тоже

63

ожидали чего-то вроде манны небесной. Вынырнув из раздумчиво-сти, я вновь испугался, что больше не встречу в ужасном несущемся

многолюдстве – ЕЁ! Беззаботности как и не бывало, безмятежность

стала неуместной.

По мере приближения полдня жара разморила меня, тень моя

почти исчезла, ну, скажем, путалась под ногами. Уж ни тень ли я

от тени –складывалось внутри ощущение. Следом пронзила догадка: как же мог я ждать милости от небес, не испросив высочайшего

позволения на кое-какие изменения в жизни? Я где-то читал, что

нужно долго молиться и просить Бога, чтобы исполнилась Его воля, какой бы она ни была. Размышляя, я периодически взволнованно

вскакивал с лавки, то и дело наступая на горло собственной тени.

Казалось, готов был вывернуться наизнанку, но и там, с изнаночной

стороны, царила глухонемота одиночества.

Неожиданно прояснилось дьявольское противоречие между

моим желанием и волей Создателя. В таком состоянии мне, лидеру

мировой инфантильности, на ровном месте не усидеть – я вскочил с

лавочки, потоптался и снова присел на самый краешек, едва не упав

на землю, – и собственных проблем не решить. И обозначены те

проблемы, разумеется, по-детски.

Теплый майский ветерок овевал меня по-ангельски ласково, этот ветерок был полной противоположностью вечно остужива-ющего мой юношеский порыв северного повелителя бронхитов.

Кстати, недавно и угодил я в очередную бронхитную ловушку, то-мясь в весенне-летнем ожидании грядущего счастья.

Неожиданно раздался резкий скрежет тормозов, стремительный

поток авто застыл, хотя светофора рядом не было. Вместе со всеми я

с интересом наблюдал за переходящим оживленную автомагистраль

пьяным мужчиной, совершенно не обращающим внимания на воз-гласы водителей вокруг него. Сочувствие к нему со стороны пеше-ходов было потрясающе единодушным. Существует мнение, будто

плохое отношение к пьяному лишает человека благодати и гнев небес ему обеспечен. Берегитесь, противники Бахуса!

У меня же складывалось ощущение, что дар нового сознания, о котором твердят духовные источники трезвости, действительно

не простые слова. Да, я его обрел! И чувствовал благость нового

существования.

64

Итак, я шел по иной – трезвой – дороге и знал об этом. И радовался источнику силу, небывалому доныне. Про себя бормотал: в

самом деле, пьяный путь – замечательный путь в тупик, а трезвый

путь подобен целеустремленному энергичному шествию вот в такой майский день.

Предчувствия, подкрепленные духовными знаниями, меня не

подвели. Вдруг (да не вдруг) – зазуммерил телефон! Я вздрогнул –

не столько от неожиданности, сколько от ощущения: звонок не слу-чаен.Голос в трубке показался почти знакомым. На том конце провода моя бывшая сотрудница повествовала о своих горестях. Мы с ней

много общались в дни наши солнечные, играли в веселье и удаль, и я, помнится, ляпнул ей, замужней красавице: выходи за меня замуж! Молва на работе о нас ходила до последних пор, хотя давно

это было, очень давно.

Интонация в ее голосе носила минорный характер. В такой тональности ныне и мне откликалось прошлое легкомыслие. Через

секунду я узнал ее окончательно, но самому факту звонка удивился

несказанно – мы не созванивались уже лет пять. После того, как

увольняясь, она в ответ на мои приставания брякнула: отстань, я

уже холодная, – как вы понимаете, я, романтик крайнего толка, не

находил повода сообщаться с совершенно приземленным человеком. А тут – плохо дело, того и жди, приятель, что вот-вот угодишь

в силки. От нее можно ожидать чего угодно: она была текстом, тре-бующим усложненной строфики. Я же легкомысленной, даже при-зрачной метафорой.

Между тем донжуанская выучка позволяла мне развернуть разговор в любую сторону вплоть до духовного откровения. Но сейчас

был не тот случай. К тому же до меня медленно доходило: Бог откликнулся на мою просьбу, я ведь перепоручил нерешаемую проблему небесам.

Прозвучавшая из ее уст фраза смутила меня до неимоверности: Коля, женись на мне! Я в сотый раз плюхнулся на лавку в полней-шем смятении, хотя кое о чем я уже начал догадываться.

Горе у нас, Коля, угорели мы! Я очнулась в реанимации с ин-сультом, не зная, что мужа уже похоронили. Хожу вот, шатаюсь, пью таблетки от давления. Одна в трехкомнатной квартире с ума

65

схожу. Не знаю, – если что, – кто за престарелой мамой присмотрит.

Мне и самой нужен уход…

Я с напряжением слушал ее печальные монологи и мысленно

обращался за помощью к Богу, стараясь не угодить в ложное сопереживание. По опыту знал, здесь-то, возможно, и поджидает основ-ная засада. Или загвоздка

К чему я пришел? Опять же к мысли: неисповедимы пути Господни. Не сопротивляйся разъедающему свойству времени. Не

спорь с божественной вечностью. Не ищи самонадеянно того, что

дается лишь Богом. Размечтался – вот и получил: женись на мне, – и
смех и грех!..
Взволнованный судьбоносным курьезом, я не заметил, как
прошагал полпроспекта. Поначалу я принял этот звонок за благую
весть, а теперь с трудом приходил в себя. Некая опустошенность
напоминала: не выдохся ли ты подобно художнику Серову после
написания им картины «Девушка, освещенная солнцем»? Ведь тебе
тоже позвонила женщина, когда освещенная солнцем…
К счастью, у меня доставало ума больше не разыгрывать из себя
супермужчину и не ругать этот грешный мир, когда у самого рыльце
в пушку. Уже и так с десяток раз ожегся! Не худо бы запомнить место, где грабли возлежат рядами, и более не оступаться.

Как бы там ни было, слава Богу, что откликнулся, ответил, от-резвил, поставил на место. Напомнил, пороть горячку в деле том
не стоит – мозгами пошевели и приходи в себя, коль ты любви
достоин!

Но в глубине все же попискивало хмельное эхо: как можно верить им, таким-сяким, – женщинам и священным текстам.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

В день рождения вся минувшая жизнь отразилась двумя эмоциями: страхом и смехом. В том отражении таилась доля моей сер-мяжной правды и моего истинного образа, впрочем, всего лишь
двуцветного. Ярко-оранжевого вперемежку с вечным черно-белым
паясничаньем, убеганием от реальности и беспредельным эгоцен-тризмом. Что же вы хотите, как-никак главный шут королевства…
66
А почему бы и нет. Шута жалует всякий, стало быть, и меня
любят и даже обожают во всех слоях населения. А если нужно –
пожалуйте: миг я – мракобес, диктатор, палач! Ежели интеллигент
на жизненном пути станет, то я, обернувшись вкруг себя – против
часовой стрелки и притопнув оземь каблуком, восстаю против него, по меньшей мере, дворянином, если не царственной особой.

Ни война, ни мор нынче, а я христорадничаю. Такая выпала за-бава великому князю: мельтешить между крайностями. Словно плод
недозрелый ветром смело меня с ветки моей неизъяснимой. Ни чета
ей, красавице, ни сосны корабельные, ни березы белоствольные, ни
клены полыхающие.

Будем считать, корни мои скрипучи, крона моя раздумчива, мостки пути моего, слава Богу, не подгнили. Живу. Сегодня, в день
моего рождения, так и подмывает заставить каждого проходящего
мимо сотрудника обратить на меня внимание. С другой стороны, у меня целых три дня рождения. Не с того ли ангел мой нашептывает: имей совесть! Ты уже единожды умер во хмелю – это р-раз –
и народился сызнова. Мановением перста Божия ты отодвинут от
неизлечимого и потенциально смертельного заболевания – это два!
И сейчас, фактически сегодня, рано утром, как сказывала мама, ты
и народился физически.
И после таких чудес ты еще жаждешь каких-то поздравлений?
Побойся Бога! Закрой свой рот и тихонько ставь одну ногу перед

другой, как молитву повторяя: я трезв по милости Божией – это Его
заслуга, а не моя.
Ну что еще сказать по этому поводу? Разве что спросить: не
было ли подобных переживаний в вашей смятенной душе? А, не
было, тогда нечего мне перед вами распинаться. И вполне возможно, все самое страшное и интересное уже позади. Ну, может, хоть
что-нибудь будет напоминать все же о чудесности бытия?
Вот, например, мимоидущая наша красавица вздохнула, как
мне подумалось, мечтательно, и посмотрела на меня, как мне показалось, с нежностью. Ну спроси, спроси же у меня, как мои дела, что
нового, как настроение! Нет, не проявив никакого интереса к моей
семидесятилетней персоне, удаляется. Я вскакиваю, едва слышно
ступая, семеню вслед за ее тенью, за ее – цок-цок-цок – каблучками, словно говорящими: ну куда уж тебе за мной угнаться? Не знаю, 67
мальчишество ли бередит плоть мою неудовлетворенную, но мнится мне – мы с красавицей сблизимся непременно. Вот сколь велико
самомнение, исполненное, даже в семьдесят, отроческих надежд.
Кстати, боюсь, не слетел ли я с катушек слетевшего с катушек, коль некоторые наши дамы вызывают чувство чего-то, не имеющего точного определения, но понятного всем взрослым людям. И тут
дело не только в ускользающей похоти. Но в чем? Уж не в обидном
ли ощущении, что мои устаревшие позывные не рождают ожидаемого трепета у визави? Зато (могу с уверенность сказать) образы
сии не из документа иного, но из воображаемого мифа. Или просто-напросто элементарная эмоциональная несдержанность. Ах, как жаль, что сдержанность входит в число моих добродетелей!
В итоге получилось нечто несуразное – я забросил свое ремесло соблазнителя и при этом пребываю в ровном расположении духа, хотя бы внешне, – неслыханное дело! И меня такое положение дел
ничуть не смущает.
За спиной моей пролетали столетья, уходили в мир иной сродники, кривлялись отглагольные рифмы. Но как взглянуть туда, где
зияла дыра, словно на ветхом чердаке заброшенного отчего дома, и
лишь ветры высвистывали некогда звучавшие в нем песни.
Красивая женщина – я запомнил ее слова навсегда – в ответ на
мои возрастные ухаживания изрекла: менять на этого?.. Присутствующие посмеялись и забыли все, кроме меня. Со злом и мстительностью отныне взираю на красавицу. Ну, вы уже поняли: во
влюбленности я становился всегда подобен небу и торчал в центре
земли, как ржавый гвоздь, полагая, что осчастливливаю прекрасную
половину человечества.
Вот совсем недавно, пробегая в сторону моря, красавица душевно улыбнулась, пропев речитативом: ах Николай, Николай, –
словно уловила в моих глазах немой вопрос (а он и в самом деле
там маячил) немой вопрос и поспешила его предупредить. Вмиг
мое семидесятилетнее сознание расплавилось в умилении, и моя не
сильно потасканная физиономия растянулась в улыбке. И вспыхнул
костерок безнадежной надежды, задымил, словно в него подброси-ли сырое поленце, и мои глаза заслезились от его дыма.

Тогда, подобно Гете, я испытал счастье поздней влюбленности.

Смею предположить, что германский старина, едва ли был в такой

68

физической форме, упорядоченной упражнениями тибетских мона-хов, так называемыми «Тибетскими жемчужинами». В придачу еще

поигрываю на футбольных ветеранских турнирах! Приятная мысль

подняла настрой, а идиотизм некоторых аспектов нынешней жизни

уже не казался мне несносным.

Перезагрузив себя с помощью медитации и молитвы, я все-та-ки принял зрелое решение: достаточно банальных поздравлений, нечего обманывать себя и выпрашивать у Господа премиальные.

В жизни моей все и так поэтично, – рассуждал я, перелистывая

страницы так скоро промелькнувших семидесяти лет. В эту минуту

я жаждал одного – не предать бы себя, не изменить личному кодексу

чести. Только ничто не помешало бы мне быть самим собой.

Я заметил на шторках окна, освещенного солнцем, чью-то

мелькнувшую тень и счел себя вправе приуменьшить значение вы-шесказанного и даже свести его к шутке, коль уж – как я был уверен

– сама Муза прилетела меня поздравить.

А в целом, устал я с дурашливым видом изрекать нечто столь

мудреное, что все диву давались: как это наш Николай может и на

Конфуция сослаться, и по Книге перемен погадать.

После чего я выдохнул, осознав, что вся тяжесть жизни лишь

начинает ложиться на плечи…

МОИ НЕЛЮБИМЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Что это, метафорическое изложение чувств в едином образе?

Высочайший образец зависания над моментом? И ни то и ни другое, –

подумал я, изнывая от бессонницы и от нахлынувшей жалости к

себе.Духота вынуждала едва ли не каждые полчаса тянуться к при-кроватной тумбочке за бутылкой с водой. Дышалось так трудно, что, в общем, можно было бы и сказать: не дышалось совсем.

Поминутно ворочаясь, я превратил постель в гордиеву скрутку. При этом с завидной удалью мыслил: какую пыль многоженцу

предстоит поднять! Здравый смысл говорил об обратном: не мельтеши, что прошло, то прошло. Нет ничего более неблагодарного, нежели жалеть себя в сослагательном наклонении.

69

Итак, чтобы не копаться в прошлых отношениях, мне следовало

приложить немалое усилие, и прежде всего попытаться приподнять-ся над проблемой. Т.е. стать чуточку объективней, – тут я потянулся

за водой и свалил на пол лампу. Конечно, соседи снизу услышали

грохот голосистого ламината. Точно мое чувство вины громыхнуло, будь оно неладно вместе с этой лампой. Вздыхая и кряхтя от досады, скатился на пол, нащупывал ее под кроватью. С надеждой уснуть окончательно распрощался. На светящемся циферблате третий

час ночи. Шторы переливались нездешними тонами полнолуния.

Примостившись на краешке матраса, я думал о важной роли

мифов, впитанных с детства. Подобные размышления давались

легче, нежели попытки примириться со сложностью бытия. Чем не

точка отсчета? Прошагал я через жизнь, словно через проходной

двор. Как так можно было проспешить, объяснить не мог. Уж не

перевоплощался ли я, прожив три судьбы?

Предположение пришлось по душе, и я разволновался от нахлынувших чувств. Сам того не замечая, вскочил и принялся расха-живать по полутемной комнате, защищенной шторами от лунного

света.

Короче, – бормотал я вслух, – унаследованные мною с обеих

родительских сторон принципы семьи как ячейки общества можно

назвать старомодными. Стоп! Разве может устареть закон: вступать

в брак единожды, раз и навсегда – и жить до скончания века, разде-ляя горе и радость? В юдоли, взрастившей моих предков, супруги

никогда не разводились. Во всяком случае, в детстве ничего подобного я никогда не слыхал.

Посему и женился по первости с таким же настроем. Жену

свою первую, если вспомнить с юмором, не убил, а рассуждая шире

– в тюремные ризы не облачался. Как только почувствовал непризнание моего главенства в семейном отечестве – жена попалась без-башенная детдомовка, – начал мстить за непослушание. К тому же

был я настолько хорош, пригож, интеллигентен, что обида душила

за горло: почему я, такой сладкий, как хурма, муж, (так она сама

говорила), достался сей особе?

Погоди, погоди! – остановил я себя, въехав коленом в угол кресла и не ощутив при этом боли, – я, как носитель семейной легенды, безусловно, прав! Не вспоминать моего пристрастия к алкоголю.

70

Так что, – рассуждал я с самим собой, – мне нужна была только

такая толстокожая жена – хваткая, дюжая бабенка без особенных

принципов, – признавался я себе, давясь горечью правды. Ведь в

собственном воображении я представал идеальным супругом, не-состоявшейся звездой футбола. Печальные судьбы у таких бедолаг, как я, выброшенных, нет, вышвырнутых в реальность за ненужно-стью. Все они стали никем, ничем, а лично меня в таком ракурсе

можно считать – никчемнущим!

Я остановился перед пюпитром, будто в три часа ночи собирался исполнить сложный этюд Фернандо Сора, находя в нем созвучие

собственной душевной тональности.

В двух словах я характеризовался так: выдумывал бог знает что, при этом замахивался на вечность духа. Двигался быстро, все схватывал на лету. Будучи инфантильным, искал опору в любви, чувство

защищенности – в спиртном. Своего пристрастия к спиртному будто и не замечал.

Посновав по комнатам, я снова прилег. В горизонтальном положении мыслилось ясней, пронзительней, острее. Внешне ситуация

напоминала подготовку к докладу. Одна только мигающая в облаках

луна меня поддерживала и понимала. И не возражала, как моя не-воспитанная жена, вечно критикующая меня в присутствии дочери.

В таком ракурсе – в последующей жизни – и возникали проблемы в

отношениях с нею.

А если серьезно, то в сложный период формирования личностного алкоголизма рядом находилась мужественная женщина, кстати, тоже любительница хлебнуть спиртосодержащего вещества.

Сопьешься к чертовой матери, – незлобно визжала она, похрю-кивая из кухонного беспорядка. Теперь понимаю, ругалась она не от

бессилия – просто матерински журила, периодически изменяя мне

с нашим общим знакомым – Леней. Если жива и обретается у черта

на куличках, – то дай Бог ей здоровья. И низкий поклон за то, что

оставила мне дочь. Тем самым помогла алкоголизму привести меня

к Анонимным Алкоголикам, где я и узнал, насколько безнадежен, и сделался восприимчивым к силе убеждения настолько, насколько

способны только умирающие… Ну, какой я муж, – вертелся я на

жаркой простыне (под нее на матрас я сдуру постелил пуховое одеяло, да и забыл о том).

71

Вторая жена, старая дева, доченьку мою не приняла. Хорошо, что в то время мой духовный рост был незначительный и двигался я скорее в обратном направлении. Иллюзия семьи с женой вы-ходного дня как-никак ощущалась. Слава небесам, что я не захотел

заводить с нею ребенка. Так и жили. Свобода моя не ущемлялась.

Дон-жуанская активность позволяла иметь не одну любовницу. Возможно, я просто-напросто родился волокитой по призванию. Психолог утверждал, что такой образ жизни – способ самоутверждения.

К счастью, алкоголь привел меня в Анонимные Алкоголики, где мне

и сообщили: безнадежен!

Вторая жена, как и предыдущая, давала мне очень зыбкое чувство причастности и иллюзию любви. У нас не было общего хозяйства. Я был одиноким отцом без профессии и перспективы социального развития. Разве что алкоголиком оказался выдающимся, да кто

же это способен оценить!

В общем, довели-таки меня, бедолагу, женщины: я был согласен

на любую жену, лишь бы рядом маячило существо женского пола.

С другой стороны, я считался себя бесценным подарком для семейной жизни: в пище неприхотлив, к роскоши не приучен, собственного мнения супротив мнения жены не имел.

Но тут, как снег на голову, грянула трезвость! В новом качественном состоянии, т.е. протрезвев, я одновременно и прозрел, ощутив новую самооценку. Хорошенько разглядев вторую жену, а

также перебрав по косточкам первую, я пожалел себя, но и не обманул: им, бедненьким, выпала нелегкая миссия – сохранить меня от

житейских невзгод как будущего наставника трезвенников.

Я рассуждал сам с собой, как будто вторая супружница располагалась в кресле напротив. С хитрым видом я тер усы, хмыкал и едва

не произнес вслух заученный накануне текст. О том, как я целую

неделю скучал без нее. Если не считать ежедневных измен, то это

было почти правдой.

Наконец, закончил свои упражнения и почувствовал усталость.

Еще бы, такую работу провел – двух жен из подсознания на свет

божий выпроводил! От радости дыхание перехватило: избавился от

периодически возникающего ощущения, вернее, неощущения самого себя.

72

С третьей женой – гражданской (юридически она продолжала

оставаться в предыдущем браке) – я проваландался треть жизни.

Близость была без любви, но наша обоюдная многоопытность в

этом смысле помогала достичь полной сексуальной удовлетворенности.

Когда мой духовный рост сделался умеренно-континенталь-ным, когда я стал взрослее ее, она возвратилась к мужу. К тому времени развивался я быстро, все схватывал на лету, настоящее занимало меня все больше и больше. Тогда как прошлое – высказанное, еще раз пережитое и осознанное – практически душу не бередило.

По прошествии семидесяти лет мне сейчас, в три часа ночи, хочется спросить себя: каково прожить вот так, без любви – лишь бы

существо женского пола рядом мельтешило – каково? Сочувствуй

мне, читатель! В пределах человеческой жизни – это трагедия, рав-ной которой нет. Рядом оказывались либо зрелые тетки, которых

никто и в грош не ставил, либо склонные к предательству и весьма

хитрые приспособленки. Неужели это мой удел – весь век ожидать

огнистого фейерверка, бредя по коридору между стенами болотного

цвета.

Что ожидало меня в будущем, изменяющегося, как ветер, мяту-щегося, как водопад, несущегося с огромной скоростью неизвестно куда? Безусловно, иллюзия семейного счастья, где замирали бы

мифы, и я жил бы безмятежно, без тревоги перед неумолимо насту-пающим завтра. К чему, благодаря трезвости, я и пришел.

Странная компания неудачниц, которым повезло встретиться со

мной? Нет и еще раз нет! Если начать разговор об этом, в любом

случае он получается долгим, если не бесконечным. Но ответ, по-вторяюсь, один: нет! И подтверждение тому, в частности, то, что я

счастлив, потому что ни одну из моих бывших спутниц я не сделал

несчастной.

И я говорю искренние слова признания и благодарности всем

женам, как и тем, в кого попутно был влюблен, за их роль в моей

судьбе и особенно в моем трезвлении. Я посвящаю всем им это маленькое эссе, надеюсь, не лишенное трезвомыслия, а также выра-жающее мою сегодняшнюю позицию: я все помню и не боюсь об

этом говорить.

73

КЛАССИФИКАЦИЯ

Быть безупречно точным в таком темном искусстве, как алкоголизм, мало у кого полу-чится. Так, знания наркологов, к сожалению, лежат в ограниченной плоскости –психика алко-голика. Достаточно

посетить с десяток собраний А.А., чтобы убедиться в этом.

В свою очередь священники, безусловно, указывают верный

путь – они, как правило, ссылаются на нераскаянные грехи, что, в

общем, верно, но слишком общё., и направляют в сторону покаяния.

Именно по этой причине Анонимные Алкоголики относятся к

мнениям первых и вторых с некоей иронией и снисходительностью

и при встрече с ними держатся сдержанно – все-таки люди автори-тетные. Хотя главному не научают.

Можно бесконечно рассуждать, как делают сами адепты алкоголизма, – и они ничуть не приблизились к истине. Рассуждают верно, добавить к сказанному нечего, а алкоголизм их полнозвучно и мно-гозначно явлен. Но, говоря языком футбола, прозябает в безударной

позиции. Да еще настойчиво тянут с собой соглашаться, настраивая

на лживую волну рассуждения под анестезией. Сам рассуждающий

уверен, слушатель выбит из метрической инерции.

И ты, священник-психолог-человече, с нами о вечном посу-дачь, маски свои сними – у-ух сколько! Рассужденьице твое ни о

чем, век тебе трезвости не видать. А что и как – безвременью разве

что можно ответить? Потому что алкоголики – трезвые – вечны, то

бишь бессмертны. Возможно, еще и потому, что их трагедия всегда

с ними и пребудет в душе во веки веков. Без аминь.

Медленно, но верно перебираемся в Товарищество А.А. Вот уж

истинно утоление жажды, нахлынувшей однажды. Речь ныне про

эндорфины, про эти гормоны счастья и хорошего настроения, о том, что у тебя все хорошо, но тебе почему-то плохо. Форма трезвости

вроде бы заряжается высочайшим напряжением, а толку никакого.

Открой глаза пошире, оглядись вокруг: господи, сколько же неалкоголиков в Сообществе! В первую очередь проявляются те, кто

ищет жену, кто мужа. Каковы! У этих такая низкая самооценка, что

каждому – хлебом не корми – дай самоутвердиться. Плюс возможность умненько выступить, скрыв правду поглубже.

И на очередном рабочем собрании до хрипоты поспорить, вступить в полемику, покритиковать чужое мнение, не подозревая, что

74

так ведет себя обыкновенное быдло. Но разве не счастье сделать

замечание человеку с большим сроком трезвости, обрушив несогласие на тайну исповеди! Быдло оно есть быдло! Это не шутка и не

оговорка автора, но жесткий практический опыт.

В А. А. все держится на исповедальной чувственной откровенности. Неалкоголик, проникший сюда через Третью Традицию, естественно, не интересуется этикой поведения при слушании исповедей и ведет себя как пьяный матрос в Смольном институте благородных девиц. Если речь выступающего о муках клептомании, то

быдло хватает исповедующегося за горло и дает советы, поучает, проводит моральную инвентаризацию его тайны. Своим вторжени-ем он больно ранит как бедного трезвенника, так и его откровение.

Если речь о сексуальной проблеме, то быдло назидает – не изменяй

жене (при этом через неделю жена застает назидающего в постели с

соседкой). Как говорится, на поле холмистом поэзии русской поэтов

пока не видать.

Уж истинно, не сосчитать там неалкоголиков: с годами трезвости облики их видятся все явственней и монологи читаются все легче. Прокалываются прежде всего на том, что придумывают для себя

и другим новое евангелие трезвости, испещренное пустомыслием, отягощенное выдержками из психологии и густо затуманенное за-тейливыми философскими ученьями. Инфантильный алкоголик, считай, ребенок, не в состоянии начать целенаправленную жизнь с

начала и тем паче воспринять усложненные азы трезвости. Лишь за

счет одной только трезвости он возвращается к нулевой точке, об-ращается в новорожденного трезвенника и становится благодатной

почвой для проращивания любых семян.

Не очень алкоголики. Стародавним летом, помню, после исповедального выступления на собрании А.А в маленьком российском

городке члены группы засыпали меня вопросами: ты что, пьян? Почему ты воруешь, зачем изменяешь жене, людей готов поубивать? И, в

общем, по откровениям моим – как ножом, как по сердцу. Я был предельно честен, – они же грязными сапожищами по честности моей

исповедальной топ да топ! Один лишь трезвый брат заметил: при

выступлении глаза твои лучились светом радости жизни и действия.

Не слишком алкоголики. Почти не отличаются от предыдущих, но въедливы до жути как едва хлебнувшие огня из моря веществ, 75

изменяющих сознание. Их существенная особенность – отсвет уны-ния на челе. Скорее всего, они представляют алкоголизированную

эпоху в усредненном понимании мрачного алкогольного лицедейства. И те и другие не слишком печалятся о невозвратности времени, цвета и запахи у них пока без мертвечины, но чувства слегка

охлаждены.

Чуть-чуть алкоголики – самые многочисленные в Товариществе. Заполонили отечество, явны, узнаваемы, громко эмоциональны. Полное отсутствие присущей алкоголику интеллигентности

заменяют винегретом из философско-религиозных учений, густо

просоленным устойчивым собственным мнением. В их выступлениях все правильно, все разложено по полочкам, и все очевиднее

подражают они дурному тону, впрочем, основательно привирая, когда речь заходит о чувствах. Для мастера алкогольного искусства

интереса не представляют.

Совсем не алкоголики – тоже братья, куда от них денешься! От

света их тусклого прячусь. Брат Максим (имя условное) один раз

выпил и к нам прибежал. Представился, признал проблему: я алкоголик, – приняли в Сообщество. А как огляделся, ахнул: взрослые дети, женщины беспомощные в отношениях, никого бояться не

нужно. Смутен блик от него, однако же и он отыскан Господом для

чего-то. Издымился скорбный брат быстро, по группам покочевал и

исчез, давно его не вижу. Стало быть, заилило брата, закорежило –

безвылазен ныне из запоев. И ни в какую иную религию, кроме как

к нам, его не загонишь.

Околоалкоголики. Перефразирую поэтессу Беллу Ахмадулину:

«им доводилось около стоять…» Они словно темные пятна, выну-тые из мути зарослей приречных, пытающие по-ангельски маль-чишествовать. Ангелы тоже порой не ведают что творят. Прости, Господи! Околотошные братья по трезвости в какой-то степени

тоже осветляют трезвость: нет да и притащат сыроватого пьяницу из знакомцев в Сообщество. Какое-никакое, а духовное усилие.

В определенной степени и они темноту преображают. Узелок заблудшего алкоголика, конечно, не развяжут, но ослабят – это уж

точно. В подмогу общему служению сгодятся. Случись нехватка

трезвенников на ином форуме – они под рукой. Констатирую как

наблюдатель, стороннему взгляду всегда видней.

76

Пусть же они, самосеянные в трезвости, цветут по обочинам.

Вред от них, если и есть какой, ускользает от понимания и внятен

лишь выходцам из алкогольной могилы. Скажем, приводит Бог желающего выбраться из пьянства истинного алкоголика, может быть, любимца самого Спиритуса. Так вот, квалифицировать его и пере-дать начальный импульс, не напугав советами и назиданиями, и тем

самым вывести на орбиту пугающей и непонятной ему трезвости,о-колоалкоголикне сможет. Скорее отпугнет, оттолкнет умничаньем, не похвалит выступление (это самое важное) человека, пребывающего в иных ракурсах трезвомыслия. Сам того не ведая, превра-тится в убийцу молодого трезвенника. Больно уж деликатное это

дело – принимать роды трезвости, подбирать пелены, вворачивать

осторожные глаголы и уместные метафоры медленного поднятия

самооценки.

Алкоголики срединного пути – братья, глубоко затаившие самообман и сладкое желание выпить. Разглядеть их можно с большим

трудом – мешают маски. Выступают красиво, говорят правильно, выглядят важно. Поди, потом спроси, о чем? Говорят о чем угодно, но только не о чувствах. И цитату из Библии ввернут, и несколько

исторических примеров приведут, и поэтической строкой приукра-сят. Правда, ни к селу ни к городу сия говорильня. Новичок, прита-ившийся в углу, глазом не моргнул. Значит, пустой прозвучал монолог – поучающий, вновь пришедшего в трезвость отталкивающий.

Здесь как нигде опасно назидать, тут же отправишься во второй дивизион трезвости, коли запамятовал: перед тобой собрание

страдающих манией величия наполеонов. Уместно ли пытаться пер-венствовать при таких условиях? На фальшивой ноте алкоголики

срединного пути и теряют свой авторитет.

Алкоголики, узревшие издали вершину алкогольного искусства, – это зачастую музыканты, поэты, художники, как правило, хорошо воспитанные и образованные люди. Найти для них точное

вразумляющее слово ох как нелегко.

К тому же на их сгорбленные плечи, словно огромный кредит, давит тщательно скрываемый комплекс неполноценности. Они

просто обязаны во всем быть первыми, чтобы как можно глубже

спрятать дефекты. Чем больше этих самых дефектов, тем лучше для

них. Ибо их вера по жизни разбита в щепки и тлеет у ног дымным

77

разочарованием. Они думают ямбом, выражаются верлибром, пуститься вслед за трезвостью, кажется, запросто. Но их главный враг

– логика, блокируя смирение, она затуманивает сознание, а превратившаяся в инстинкт алкогольная тяга рулит им и вертит, как только

пожелает.

От такого брата, которого я с большим трудом вел по терни-стому пути трезвости, услышал поэтическое: и скоро стану я как

ты, совсем как ты, наставник мой почтенный. Возможно, мне не по-стичь священной трезвой тайны. Я, право же, не помню, о чем мы

тогда говорили, но репликами он впечатлял. Так или иначе, поддавшись вдохновению, я на стихи массу бумаги перевел, конечно, напрасно. Благо в запасниках у меня на такой случай пылились вполне подходящие истины, которые в пух и прах разносили бредовые

алкогольные идеи. Возможно, по некоторым представлениям, в них

кроется таинственная сила.

Где-то, я чувствую, где-то все-таки есть трезвое волшебство.

Может, в заговорах предков или же в оберегах невиданной формы?

Такой околовершинный гордец постоянно оборачивается на неот-ступные – служки Бахуса крадутся – шаги. да нет же никого, сколько ни верти головой, сколько ни прислушивайся. Но он каким-то

необъяснимым чутьем ощущает присутствие этих оборотней, обда-ющих потусторонним холодком и нездешней тревогой. И хотя ему

чуждо пустословие и сквернословие – такие вот милые люди о трех

ликах, но как же с ними тяжело работать наставнику!

Нужно признаться, А. А. густо пересыпано теми, о ком собрат

буркнул вполголоса: ну какие они алкоголики? Безусловно, в Сообществе они оказались волею Промысла, но толику света свою сюда

привносят. Тут нужно смириться. Маски их, из-под которых доносится не крик боли, а скорее стон, навеки вечные приросли к коже.

Вместо исповеди из уст звучат нескончаемые случаи из книг или

из чужой жизни. А именно: у имярек родился сын! Это в ответ на

предложение секретаря поделиться тем, что сегодня волнует.

Однажды я попытался вступить в беседу с консультантом ре-абилитационного центра, да вовремя вспомнил: эта ревнивая женщина в свое время появилась в А.А. для того, чтобы контролировать

мужа. Увидев перед собой красивых трезвых мужчин, сразу же назвалась алкоголиком, чтобы стать членом А.А. Подобных примеров

78

я помню немало. А та дама благополучно крутила романы, якобы

«трезвела» и, в конце концов, вщемилась в святая святых Сообщества, став консультантом. Да разве такой человек сможет донести

новичку идеи трезвости.

Вот и ольшаник густой, вот выползающий из него на ограду

погоста алкоголик очень серьезного пошиба и масштабный адепт

веселящих напитков. Срастается у него буквально все, потому что

он под анестезией – между делами прослойка бесстрашия. Не про-сыхает веками. О том, что это Бахус его пригвождает, он и слыхом

не слыхал. Да и от кого бы услышать, когда окружают его такие же, как и он. О таком красавце некогда Валентин Иванович обронил: ну ты и фрукт! Фрукт, не имеющий названия. Живет припеваючи, держится мест приличных, хотя не воспитан и не видит себя со стороны. Потаскан – еще немного, ни один доктор не залатает (так и

просится рифма «золотая»). Сыплются из него слоганы, речевки, чисто хвоинки в сосновом лесу. Мнится ему – скрижали истории

надобно переписать. Госпожа тревожность сбивает его с истинного

пути. Пророк я, – чудится ему, блаженному.

Когда на горизонте воздвигаются околомогильные алкоголики, создается ощущение, что воздух наэлектризован темным замыслом

измены. Они все почти без исключения похожи на могильщиков или

палачей самого себя. От реального мира, словно монашеский обет, отделяет их могильный холм, а несведущий принимает их за бесов-ское наваждение. Порой от их присутствия у нормального человека складывается впечатление материализации сна с беснующимися

там человеко-кошмарами, ведь иные их них в физическом смысле

напоминают живых мертвецов.

Бахусовы службы уже обложили их присосками, словно в кар-диоцентре: измеряют замороженные ощущения и фиксируют усы-хание, если не омертвление чувств. Грезы у алкоголиков-могильщиков целиком состоят из мертвой хмари, при этом бесцветны и

льдисты. Вдруг они восстают рваным ужасом прозрений и вопиют: ну сколько лет еще скитаться?!В сущности, их еще можно спасти, пока они сами не опустили себя в могилу.

Правда, по утрам – только забрезжит за окном, – в их душах

смятенных, усыхающие святыньки, вытесняемые другими ценно-стями веселящего типа, меленько дребезжат – при этом могильные

79

кресты будто сдвигаются, самообман укрепляет свои позиции, алкогольное инобытие пускает корни в сознании. Соответственно проходя все этапы оглупления: тяга, аллергия, традиция, инстинкт.

Можно, еще можно их спасти, их отчаянье пока еще не за гранью, здравомыслие еще тлеет. Покайся, – нашептывает светлый дух

– поспеши на луга росные, припади к водам чистым… Но чаще всего в ответ на этот призыв могильщик-алкоголик отшагивает назад и

бросается наутек.

Однако в своем могильном покое он слышит непристойные звуки и восклицания, идущие прямо из-под земли. Там, в запределье, царствуют обитатели точки невозврата, так сказать, цвет алкогольно

действующей нации. Там родилось выражение: когда я опустился

на дно, мне оттуда постучали и напомнили, где я! Произнесший, скорее всего, не догадывался или просто не знал о существовании

тех, кто еще ниже – под могилой. Те, как правило, не возвращают-ся. Если случаются исключения и они выползают с божьей помощью в реальность, то не приведи Господи их увидеть: страшны, аки

смерть, безлики.

Иногда, из божественных соображений, Творец выдергивает из

небытия – их, свыкшихся с могильной сыростью и безнадегой. Тогда они с необыкновенным рвением творят чудеса равноапостоль-ные, а их дар перевоплощения не поддается оценке. Такой алкоголик, безусловно, эстет.

К сожалению, их единицы в мире. Воззирают они духовно-про-видчески, к новичкам в трезвости относятся многозаботливо, дух

божий привносят, простите за сию метафору, искусительно. И хотя

рядом «яко лев ходит, иский кого поглотити…», тех, из могилы, он

не трогает – Бога страшится. И вот он восстает, трезвый по милости

Божией и благодати. Вот запостился до изнеможденія. Вот бросился во бдение молитвенное – у него теперь все по причине невзросло-сти в крайностях видится и получается. Ребенок он и есть ребенок.

Огоньки свечки в очах мятутся, то ангелы, то демоны мелькают, ощущения в душе бликуют. Он идет, движется к Богу, расшатывая

по стенкам пугающие его тени. Он идет. Каково же нерожденному

еще малышу в непроглядности реальной?

Пахнет оплывшим воском и ладаном в придачу. Помыслы су-дачат о своем противу чувствам. Страшно, ох как страшно брести

80

ему, ничем не защищенному. Глаза на лоб лезут, душа в пятки прячется, дыхание сбивается. Дыбом волосы у него, непривычно трезвого, стоят. Мистические оклики то и дело огорошивают: куда тебе

к Богу, не по чину! Что ни день – туман черноты и отчаяния то ли

в очах, то ли в сердце. В здравомыслие лучше бы не заглядывать –

одно недовольство и уныние. За каждой проблемой темная дымка

таится и с головой накрывает. И не содрать того покрывала, и не к

кому ему бедному обратиться. Разве что к Богу?

Но Бог молчит. Путь к нему крутенек, порог высок – не пере-шагнуть. Сквозь шумы вселенские голос пробивается: ты в тайны

Царствия неба посвящен, – дух на мгновение делает его свободным

от плена материи, темница плоти рассыпается в прах. Так вот что такое счастье! – восклицает удивленно он. Внутри возгорается огонек

служения, впереди маячит зазывный жертвенный подвиг. Отравлен-ное алкоголем сознание пытается охватить предназначенное. Ангел

подшептывает: спасая мир от пьянства, не погуби душу. И стирает

невыносимую мысль о том, что мир не спасешь, ничего не изме-нишь, в аду потерпишь полагающиеся тебе муки. Но запредельный

алкоголик независим, его не сбить с пути. Противоречий муками

источен, он подчиняется интуиции, предчувствуя: будет знак, будет.

В исступлении до рассвета ворочается он в постели, обливаясь

липким потом. Одеяло на полу, простынь – в скрутку. Сомнения нынче, как при рукоположении – в сон лезут, длани дух святой, глядишь, и возложит. Мания величия тут как тут – сознание в ошметки рвет.

Где же его душа, неужели затеряна среди мерзлых бесчувственных

пустот? Не безоблачна встреча с самим собой, – поддерживает его

ангел, – примирение, разве не бой между тобой прошлым и тем, кто

ты отныне?

Тяжела поклажа минувшего, неосознанного, нераскаянного, мог ли он такое предположить: исчезновение времен, потеря ощущения пространства? Кто даст пищу уснувшему сознанию, кто, от-зовитесь! Что далее последует засим? Прошлое глыбами нависает, горьки там грязи, не подняться. Эй, кто там хлещет его по щекам?

Не бейте лежачего, – кричит в пустоту безглагольную, наслушавшись хоров хмельных, миражей алкогольных насмотревшись. Где

воздуха бездымного набрать, в каком краю еще раз родиться?

Постепенно он становится иным и поет, как грач-одиночка.

В хор не залетает – глуховат. Ан нет, и его песня уже доносится изда-81

лека – из несусветного непроглядья. Первенец трезвости оперился.

Сознанье – странно – не запотевает, к дали холмистой, оказывается, неравнодушен. Листву заметил – треплет пальцами непослушными, едва касаясь. Рядом с ним неразлучно – страсть и ненависть. Подро-сток. Деточка. В начале второй – царский подарок от Господа – жизни. Побережнее с ним, ведь он кроток запредельно, последней трети

века прошлого пришлец. Разбавьте пробелы его сознания полевой

тишиной, чтоб шумы, пугающие его, стихли. Гляди-ка, растягивает-ся, как гармонь, у которой надорвались меха.

Он же привычный к жару-пылу алкогольному, запутался в тенё-тах тишины, куда ему податься? И не то его беспокоит, что нужно.

И полоски на носках у него не парны.

А знаешь, что в прошлой жизни ты был царем? – врет ему воображение, грядущее с минувшим сшивая ниткой суровой. – Тавро

поставлено на тебе, бессмертном, – усиливает воображение самообман. Ты только посмотри, он еще и командует, а ну-ка в пустоту

перебежками – марш! Худо-бедно, болезный, ползи и не бойся, пока

не призовет тебя Господь. Просто двигайся шаг за шагом, отвесные

времена трезвости разглядывая, певчие страсти бредущих впереди

трезвенников подслушивая. И песню свою исполни, ужом змеящу-юся, гадюкой жалящую, пока камень надгробный печаль над тобой

не источает. И повествуй о трезвости идущим за тобой. О пьянстве

своем повальном расскажи.

Не пытайся жизнь разгадать: смысл ее предельно отчетлив, радости ее крохотны, и не сложить в бездонную мошну накопленной

вины.

Таков он, истинный алкоголик, возвращенный Богом из точки

невозврата,

ХОЧУ В ТРЕЗВЫЕ АЛКОГОЛИКИ

Рассказывали, будто там, в Сообществе А.А., происходят чудеса: старики молодеют, хворые выздоравливают, бедные смиряются

с бедностью, но становятся духовно богатыми.

Носителям сиих небылиц я страсть как хотел посмотреть в глаза и задать каверзный вопрос: где и кому посчастливилось обрести

82

вечную молодость и неслыханное богатство? Неужели в трезвом

Сообществе с таким необычным названием?

Поначалу я опросил десятка три граждан, ткнув каждому в

лицо аббревиатуру А.А. с последующей расшифровкой. Высказанные мнения были на удивление схожи: странное словосочетание

задерживает внимание и рождает желание познакомиться поближе.

Я бросился было проводить что-то вроде журналистского рас-следования, да люди мудрые остановили: ишь ты какой быстрый, там, брат, наука специальная – божественная! Мне и в голову не

приходило так подумать о трезвости.

Казалось бы, ну что здесь непонятного – бросил пить и живи

себе, радуйся. На всякий случай соответствующую информацию в

интернете решил подобрать. И что бы вы подумали: устал до полус-мерти, натер подушечки пальцев клавиатурой и ничего полезного

не нашел.

Включив по привычке телевизор, я увидел на экране трезвых

алкоголиков. Лица их были затемнены согласно какой-то соблюда-емой ими традиции. Говорили они о спонсорстве – разумеется, я

решил, что речь идет о материальной помощи. Но вникнув, смутился: оказывается, так у них именуют духовных наставников. Заинтригованный, я начал внимательно слушать, надеясь разобраться в

перипетиях непонятного трезвого алкоголизма.

После телепередачи, я долго раздумывал, пока не признался

себе: братец, так у тебя ведь проблемы с употреблением спиртных

напитков, – нашел-таки в себе силы посмотреть правде в глаза, и, вы не поверите, мне полегчало. По какой причине меня отпустила

так легко и свободно какая-то темная зацепка, ответить я не мог, так

как с трудом представлял причинно-следственные связи учения, о

котором несколько выступающих по телевизору обронили уже известную мне метафору – божественное!

Будучи весьма и весьма целеустремленным, я тщательно оберегал свою задумку, взял дыхание на предполагаемую духовную

дистанцию и решил идти до конца. Для начала мне следовало посетить несколько собраний, вникнуть в происходящее и воочию убедиться в тамошней чудесности. Помня – из теле-

передачи – об условии вступления в члены А.А., в один из дней я пришел на собрание, назвавшись алкоголиком.

83

То есть я признал проблему, все меня поприветствовали, но

смерили и оценили многозначительными взглядами: женщины

по-женски, мужчины по-своему, в общем, амбициозно. Один нетрезво выглядевший мужчина, казалось, сдерживал гнев, намереваясь сорвать с меня маску притворства. Так мне от страха пригрези-лось. Тут, словно по заказу, один из присутствующих предложил

весьма интересующую меня тему – о наставничестве. И как только

слово спонсор снова крепко резануло мне слух, я окончательно сро-бел, но узнав, что выступали здесь по желанию, решил отмолчаться, просто представился и добавил: я сегодня помолчу. Проблему «я

алкоголик» на закрытом собрании озвучивать обязательно. Что я и

сделал, переадресовав свою очередь сидящему рядом парню, который вместо ощущений перечислял достоинства и недостатки своего, как он называл, учителя.

Секретарь счел вмешательство лучшим средством для того, чтобы направить выступающего в русло, предусмотренное традициями А.А., –

говорить только о себе и своих чувствах, не акцентировать внимание на употреблении, дабы не будоражить тягу у новичков. Вы-ступавшему замечание пришлось не по душе и он насупился, как

маленький ребенок, у которого из рук вырвали игрушку, и начал со

злостью разглядывать разводы на потолке, возможно, ища вход в

обитель блаженных.

Заданная тематическая инерция не спеша раскручивалась, вы-черчивая контур светящейся истины, так как исповеди сами по себе

источают свет нездешний, и вообще – здесь сам Господь присутствует, по мнению одного священника, однажды посетившего собрание А.А. Я же, как человек мирской, сделал вывод: А.А. – еще

одно доказательство существования Бога. Мысль мне чрезвычайно

понравилась, и я, вроде бы беспричинно, разулыбался во всю физиономию. Возможно, потому, что меня разрывало желание выкрикнуть свою догадку, вклиниться в течение собрания, отринуть царящие здесь традиции к чертовой матери и стать главным!

Поскольку, как я уже оговорился, здесь присутствует сам Бог, то меня осенило трезвостью, да и могло ли быть иначе: а я-то чем

отличаюсь от алкоголиков, ведь веду себя точно пьяный. Чтобы ни-84

кто не разглядел моего эмоционального пьянства, на всякий случай

зевнул, будто собрание навеяло мне скуку, и принялся теребить-пе-релистывать лежащую передо мной брошюрку «О наставничестве».

Вторым планом я ощущал присутствие вины, и третьим – жалел, что

не владею искусством даосского свиста, от которого гнутся деревья, сдвигаются с места предметы и гаснут фонари вечернего города.

Секретарь прозвенел колокольчиком и объявил перерыв. Во

время пятнадцатиминутной паузы я понял: пряники здесь бесплат-ные и общие, так как куплены на общие деньги – вскладчину. Как

видите, коммунизм возможен и ближе всех к нему А.А. И вокруг

них, как земля вокруг солнца, крутился я, пьяный от эмоций или

полоумный от их избытка, – в поисках острова бессмертия, если

хотите.

Между тем трезвенники разбились на маленькие группы и общались особенным – не информационным, а духовным образом, рассуждая о том, как жить в мире с собой, с другими и с Богом.

Именно в такой строгой последовательности. А также разглаголь-ствовали о понимании своего места в мире.

Один трезвенник приобнял красивую девушку, не успевшую

испортить красоту перманентным употреблением, и терпеливо выслушивал ее повесть о проблемах с наставницей. Я, как человек

легкомысленный, мог бы предположить: любовники! Однако среди

этого благообразия не хотелось опускаться до предметов низменных. И я превратился в трезвого безмолвного участника духовного развития, наблюдая, как мужчина пальцами изображал перед

девушкой человечка, бегущего по столу. Человечек у него изменял

направление, перебежками и рывками подбираясь, как я понял, к

образной символической алкогольной могиле. Выглядело это очень

убедительно, и почудилось, что сейчас и мне приоткроется истина.

К тому же я был не прочь под шумок напитаться духовностью, пребывая в ней, так сказать, изнутри.

Красавица продолжала жаловаться на наставницу. Она уверяла

будто наставница – так делали на заре трезвости богобоязненные

американцы, давшие миру Программу А.А., требовала от нее стать

на колени и просить Бога о помощи, а ей этого делать не хотелось.

Признаться, меня поразила смиренная реакция мужчины. Он

словно превратился в дух девушки, в ее второе «я», как бы продол-85

жая ее мысли и чувства, не переча, не советуя и не поучая, но периодически подчеркивая: ты принцесса, твои действия не обсуждаются.

При этом он так мягко, вдумчиво и незаметно направлял ее атеисти-ческую гордость в нужное русло, что и я, безбожник по сути, попал

под его обаяние. Он озвучивал слова с наигранной беспечностью и

шутливым вызовом. Прямо на моих глазах они, словно позабыв о

разногласиях, в обнимку побрели в прозрачные дали новой жизни.

Удивительно, но даже я догадался: спонсор в А.А. должен быть

деликатней самого деликатного священника и проницательней самого опытного психолога. Такие наставники рождаются – как при

сотворении мира – только в алкогольной могиле и не чаще чем раз

в сто лет.

Возвращаясь домой, я, кажется, пожалел, что не родился алкоголиком и не получил возможность духовно развиваться, а потом

– уже в качестве наставника – приостанавливать шествующих в могилу несчастных мужчин и женщин.

И еще, наслушавшись исповедей, я решил было, что стану ис-поведоваться перед женой, но мне пояснили: по традиции близкому

человеку открываться не рекомендуется. Немного подумав, я с этим

согласился: едва ли жене будет понятно, что я тускнею без чувства

причастности, без служения идее. И что смятение убирается глубинной радостью – когда в развалинах поросшего бурьянами духа

запоют птицы, знаменуя начало вечности личностной.

Происшедшие во мне после посещения всего лишь одного

собрания перемены, были удивительными. Пропало ощущение ту-пика жизни, появился источник духовной силы. И то властвующее

доныне надо мной уныние как будто рассеялось. Более всего меня

порадовало то, что я нашел путь к себе. Но как – какими словами –

убедить жену в том, что мне нужно назваться алкоголиком?

За ужином я ломал голову над тем, как растопить недоверие

жены убедительным повествованием о трезвых алкоголиках. Приступить к нему я так и не решился. Ведь жена обязательно – я знал

это точно – начнет умничать и все испортит.

86

ЧУДОДЕЙ

Повесть

Человек падал на асфальт. Вернее, не падал, а валился точно сноп.

Как будто внутри у него не было позвоночника. Когда он в очередной

раз врезался лицом в гудрон, в голове мелькнул проблеск сознания.

Он увидел дома, людей, с осуждением качающих головой, обнаружил на себе костюм, покрытый пятнами грязи. После зимы стояла

прохладная погода. Но человек этого не замечал. Только что он начал

приходить в себя. Во всяком случае, так показалось женщине, которая вышла из бытовки охраны посмотреть, что же случилось.

Человек пытался определить, где он находится. Он спросил об

этом женщину в униформе. Та разъяснила, завела его в бытовку, подала было полотенце и половинку хозяйственного мыла, но взглянув на окровавленную физиономию, убрала полотенце и сунула в

руки какую-то тряпку.

Этот момент своей жизни человек по имени Николай позже

оценит как переломный и кульминационный. Как апогей безумных

пьяных приключений, ведущих, безусловно, к смерти.

В тот мартовский вечер он, несомненно, взобрался на бугорок земли собственной могилы. Безусловно, он увидел зев алкогольной пропасти. И едва не шагнул туда. К счастью, его пьянство завершилось за

миг до катастрофы. Многолетнему употреблению веществ, изменяющих сознание, наступил конец. Он еще не догадывался об этом.

И трясся в такси, и совсем не думал о водке. Впервые в жизни.

Ему казалось, что его душу, надломленную, искривленную, опусто-шенную, увозят куда-то на дыбу, отрывая от старой жизни с прон-зительной болью. Что-то неведомое, непознанное доселе, ослепило

сознание и обдало чудовищным страхом посмотреть правде в глаза.

Первые признаки пробуждения рисовали некую дорогу, и он

узнавал ее – это была тропинка детства, петляющая за гущиной ака-ции и паслена, прячущих от пьяного отца.

* * *

Такси стремительно неслось по дороге. Не на шутку разыгравшееся волшебство превращения устремило на Николая всю свою

силу. Небеса выбрали его и перенесли в область действия и веры.

87

И там оставили осмотреться. Он открыл глаза и замер. До самого

горизонта простиралась дорога. Она упиралась в ступени двенадца-тиэтажного дома. Таксист молча ожидал расчета за проезд.

Впоследствии Николай часто возвращался на тот самый приго-рок, превратившийся в точку отсчета, присаживался на скамеечку

и вспоминал события пятнадцатилетней давности, разукрасившие

лицо «асфальтной болезнью».

Анонимные Алкоголики оценив глубину его алкоголизма, пока-чали головой: как можно оттуда выкарабкаться? Он шагнул из могилы в чудесный временной отрезок – сколько бы он не продлился, –

в потрясающие контрасты эмоциональных качелей – какими бы

крайностями они ни грешили. Взглянув на два полюса своей жизни –

пьяной и трезвой, он даже присел от неожиданности, словно услышав

вопль матушки-смерти, ждущей его с распростертыми объятьями.

* * *

Жизнь человека началась с нового абзаца. А вот на месте пьянства появилось многоточие: то ли алкоголизм взял паузу, то ли рас-ширил от удивления глаза.

Вначале многоточие сильно затянулось. Болезнь при этом хохотала, понимая тщетность его усилий. Она знала, что у него скоро

произойдет срыв. Алкогольная тяга редко кого отпускала без по-следствий. Остальное было делом времени. Смертельная болезнь

верила – этот парень, с его инфантильностью и эмоциональной

незрелостью, обречен. И она не ошибалась. Сильнее был только

Бог. Бог был всюду и всем. Бога не было только в нем. Он боялся

Бога как огня. Но Бог был.

Там, во время чаепития в бытовке, он и очнулся. Его взыска-тельный мозг отыскал ресурсы и удивительным образом включил

работу здравомыслия. Причинно-следственные связи едва держались на нелогичном честном слове небесной канцелярии. А безумная логика разрушенного здравомыслия стала позитивным моментом его спасения.

У него полностью отсутствовало собственное мнение, спасшее

его от отрицательных эмоций. Разрушение человеческого образа, ввергнувшее его в без-временье, неожиданно и беспрепятственно

впустило программу исцеления от алкоголизма. Он как бы стал

88

Шагом программы. Пожалуй, ее абзацем, может быть, одной-един-ственной строчкой. Не контролируя окружающий мир, смирившись

с тем, что произошло. Представ перед самим собой и совладав с

лавиной чувства вины и прочими ужасами покаяния.

Поэтому, когда наступило время душевной боли, у него уже

существовала защита. Его извилины мягко впитали сто двадцать

шесть страниц психологии трезвого алкоголизма. Разжиженные

водкой мозги приняли форму Двенадцати Шагов. Та боль, которую

невозможно было терпеть без алкоголя, благодаря этому оказалась

менее терпимой. Он сделал первый вывод: самый короткий путь к

смирению – не иметь собственного мнения.

Комок ужасной боли, разбавленный страхами, видениями, бредом отношений, размяг-чился настолько, что весь ад трезвого безобразия можно было вынести один день. Без порции алкоголя. Без

самоубийства. И он, сама ходячая инфантильность, как полоумный

шатался по городу и всем подряд пояснял, что он больше не пьет.

Что он трезвый алкоголик. А дальше следовало типичное для начинающих трезвенников приглашение на собрание Анонимных Алкоголиков. Он ощущал себя мессией. Он думал, что спасает мир от

водки.

Он трезвел точно так, как и пил, отметил достаточно компетент-ный психолог: «Николай развивается так удивительно, что я даже

не представляю, как много он пил». Сделав маленькое отступление, отметим следующее. При непрерывном употреблении алкоголя ви-доизменяется структура клетки. Организм, не способный существовать без «топлива», ощущает его как зов инстинкта. И болезнь превращается в инстинкт, который, как известно, изначально сильнее

осознания. Ликбез для мастеров алкогольного безумия.

* * *

Тогда, во время «асфальтной болезни», он вызвал милицию, полагая, что за деньги его довезут его домой. Увидев окровавленного

незнакомца, «менты» замялись: «На хрена он нам нужен!» Газанули

и были таковы. Неизвестно, чем бы завершилась его сдача в плен

стражам порядка.

И теперь Николай не может объяснить логику того дня. В водоч-ном отделе он попросил литр сока, бросил пакет в сумку. Не раз он

89

рассматривал тот момент в сослагательном наклонении. Что было

бы, если бы он купил не сок, а бутылку? Про то никому не ведомо.

Кроме Анонимных Алкоголиков, которые имеют возможность видеть прошлое, общаясь с новичками.

Помните, как Николай, лишенный опоры, очутился на краю могилы? То-то и оно! Пока алкоголик не признает поражение перед

водкой, сила для ухода от могилы не появится. И Николай неожиданно осознал свою ужасающую слабость, – принцип, на котором

расцвело Сообщество трезвости, стал его корнем.

По дороге он обошел стороной знакомцев, испытывая чувство

вины перед нетрезвыми единомышленниками. Жертвы сильного и

коварного пристрастия, как всегда, но уже напрасно, ожидали его

возле арки дома.

* * *

Словно иноземное иго, обрушилась на них тяга. Обрекая на нескончаемые выпивки, она плавно перетекала в аллергию организма.

Глядя на собутыльниках, он думал о них сочувственно.

Позже, проходя программу 12 Шагов, он с удивлением найдет

подтверждение тому, что почувствовал в начале трезвого пути, сделав один из принципиальных выводов: отчаянье делает алкоголика

смиренным. Он более точно очертит 1 Шаг: алкоголизм из болезни

превращается в инстинкт. Против того, что дается свыше, бороться

практически невозможно.

Через годы наставничества он расколдует тех, кто еще хочет

пить: у них нет искренности в соблюдении принципов программы.

Отсутствие отчаянья лишает возможности осознания, требующей

новой точки зрения, поступков, честности, покаяния, возмещения, жертвенности.

Но обычный алкоголик не думает об этом. Он занят своими переживаниями. Только какая-нибудь крайность заставит его думать.

Чаще всего это желание выжить. Желание возвратить недавнее чувство защищенности, ускользающее благополучие, доверие семьи, людей. И Николай сделал еще одно открытие: на упрямых новичков

действует только один аргумент: алкоголизм – заболевание смертельное. Любое другое словесное выражение он отвергает.

90

* * *

Услышав входящего в квартиру Николая, в переднюю одновременно выглянули жена и дочь. Их радостное оживление сменилось

недоумением: на челе мужа и папы ссадинами и царапинами словно

была подписана капитуляция перед алкоголем.

Дочь насупилась, жена собралась уходить. Настроение у Николая испортилось. Остатки обиды грязными ругательствами изрыга-лись в спину супруге. Дочери он буркнул: «Скоро буду…» – и бросился в заведение по излечению от алкоголизма.

Жена поставила ультиматум: «Или я или водка…» Водка, конечно, была дороже, но долгое прозябание в одиночестве создавало

неудобства для больной души. Да и сексуальные проблемы не хотелось решать старым методом.

* * *

Нарколог окинул его внимательным взором, слегка улыбнулся, терпеливо выслушал краткую историческую неправду: «Алкоголизм высшей степени, признаки полного психического и эмоционального расстройства, деградация личности и личностное разру-шение…» При отсутствии здравомыслия это не так страшно и не

так больно. «Брошу пить ради жены…» – думал Николай, слушая

заключение врача: «Начнем платное лечение, сегодня сходите-ка вы

на собрание к Анонимным Алкоголикам…»

Посещение занятий существенно изменило образ мыслей, он

становился выпуклым, честным и реальным. Способ введения в

трезвость по «Синей книге», предлагаемый основателями, был при-близительным. На собраниях непрестанно рассказывали о пьянстве, уставая друг от друга, уходя навсегда. Нужна была новая идея.

* * *

Те, кто преодолели этот трудный путь, рассказывали, не поучая.

Они отвечали тем, кто шел следом, спрашивающим, что вы сделали в первом Шаге, чтобы остаться трезвым? «Мы признали бессилие…» Так начинался 1 Шаг. Он был всего лишь аллегорическим

названием книги, а книга рассказывала о пути. Она говорила словами сердца, строчками страдания и абзацами неизреченной душевной боли. Она глубоко хранила тайны выздоровления для тех, кто

не отказался от собственного мнения.

91

Программа 12 Шагов как бы шептала тем, кто смирился: «Мы

сделали так и остались трезвыми. Попробуйте и вы…» А между

строк слышалось: все остальное уже опробовано, смиритесь и не

ищите новых путей. Любое своеволие, малейшее проявление собственного мнения увлекает в сторону от выздоровления и ведет никуда. Поздно ночью умолкал глас совести, бессонница удалялась, эмоции мгновенно успокаивались. Наступали короткие минуты душевного покоя.

2 Шаг, как и 1, уверял, что программа требует только размышлений, а также дает аванс: «Каждое собрание А.А. есть гарантия того, что Бог вернет меня к здравомыслию, если я найду правильный способ общения с ним».

«Стало быть, Бог обязательно поспособствует возвращению к

жизни», – Николай раздумчиво смотрел в окно троллейбуса, пытаясь в сознании нарисовать силу более могущественную, чем он

сам, – вот если бы увидеть руку Божью своими глазами, тогда бы он

точно поверил! «Ваш билет!» – возвратил его на землю контролер.

Осенью вместе за листопадом наступала депрессия. Жена раздражала, дочь пугала зрелостью, новая работа ужасала ответственностью. Великан-алкоголизм независимо от личностного роста развивался и требовал новых жертв. Оказывается, в странном и зага-дочном алкоголизме имелось мифическое свойство саморазвития, мешающее духовному движению личности с крайне тяжелой формой заболевания. Задача выздоравливающего – не дать смертельному недугу шанса.

Для этого следовало безостановочно двигаться по этапам программы. Обманчивая легкость предложенных принципов сгубила

не одну сотню тысяч самонадеянных алкоголиков. Что видел он, наблюдая сотворение мира отдельных личностей? То же самое, что

было и у него в начале трезвого пути.

Мстительно помнил о том, как ненавистный доктор Иванов

беспардонно втолкнул его в горнило трезвости. Ночами слышал

чью-то исповедальную фразу, сказанную с обидным подтекстом –

будто бы специально для него. Чистое наваждение – эти трезвые

алкоголики.

92

* * *

Признать свое бессилие перед алкоголем значит унять гордыню, что само по себе невозможно. Поэтому силы потустороннего мира

властно диктуют свои условия. И являют алкоголику ее величество

смерть, предоставляя ему периодические свидания со старухой с

косой. В таких условиях поневоле сделаешь попытку смириться.

Трудность следующего акта действия была вот в чем. Прина-родное признание своей слабости для гордеца-алкоголика равно

мировому стрессу: «Я оказал вам честь, что пришел сюда. И за это

скажите спасибо!»

Он ревел внутрь. От его рева дрожали дома и гасли огоньки

в сигаретах. Он хватал чужую жену и унимал необузданную энергию. Бушующие эмоции мешали правильно воспринимать изменения. Смирение никак не приживалось на первом месте. Вместо

утверждения все отрицалось. Вызов Богу бросался шестьдесят раз

в минуту.

Камни своеволия скатывались в долину взаимоотношений, це-пляли за собой чужие реакции, и огромная лавина беспокойства

и недовольства неслась впереди, сметая все на своем пути. Он не

предполагал трудности задачи, стоящей перед ним. Сила, желания

и страсти покинули его. Инстинкты громоздили неодолимые пре-пятствия. А интеллект – опора несчастного алкоголика – не отодви-гался на второе место. Через годы Коле стало ясно, почему умные

алкоголики, прозябающие на двух шагах, Первом и Двенадцатом, не

желающие ничего менять в себе, так плохо выглядят.

На собраниях он слышал: «Надо стать лучше! Нужно прекратить обманывать себя! Чтобы позволить божьей милости снизойти

и восстановить душевное здоровье. Чтобы позволить божьей благодати избавить тебя от губительного пристрастия…» Как человек, побывавший в близости от смерти, он слышал главное. И методично посещал собрания семь раз в неделю, помня, что каждое собрание гарантия…

* * *

Один умный (поэтому обреченный на муки вечные) новичок

определил: «Вы, алкоголики, собираетесь здесь для того, чтобы

стать не алкоголиками!»

93

Обрывки прослушанных на собраниях выступлений крутились

в голове. Просыпаясь, Николай испытывал избыток отрицательных

эмоций. Жизнь усложнялась быстрее, чем он успевал выздоравливать. Жена мелькала перед глазами, раздражая. Он тупо смотрел в

одну точку и никого не желал видеть. «Ты погляди, – восклицала

супруга, – совсем на меня не реагирует…»

Ему не давала покоя фраза, сказанная одним братом по несчастью: «Все гении лежали в больнице для душевнобольных». И он

считал себя таковым, и нисколечко не сомневался в диагнозе. Как

отметила одна сестра: «Я делаю неимоверные усилия, чтобы жить в

трезвости. Вот, кажется, выздоравливаю, появляется интерес к жизни… Часам к двум я понимаю, что сегодня не выпью и останусь

физически трезвой. И всего лишь».

Время поглотил нескончаемый духовный рост. Хождение пешком обрело новый – целительный – смысл. Вместе с мышечной мас-сой организм частично покидала разрушительная отрицательная

энергия. Книга «Двенадцать Шагов и Двенадцать Традиций» заме-нила мировую литературу, газеты и телевидение. Психология трезвости со скрипом впихивалась в скрипучие закостеневшие извилины способом нудного переписывания текста. 115 страниц. Самый

короткий путь к себе. На собрании кто-то обронил, что двенадца-тишаговая программа используется для психологической подготовки агентов во всех разведках мира, кроме, естественно, стран СНГ.

Каково!

Научившись отличать красивые и честные выступления, он под

пологом программы выздоровления обрел первое чувство защищенности. На самом деле совместились интеллект и смирение, и

смирению отдалось первенство. Он так внимательно всех выслушивал, что вскоре начал слышать. Отказавшись от борьбы, Коля начал

воспринимать и взялся за ручку.

* * *

Неожиданно он открыл для себя, что переводчики программы

не учли славянскую безбожность. Детьми социализма, десятки лет

впитывавшими атеизм, все связанное с Богом подсознательно от-торгалось. Т.е. не слышалось, не виделось, не ощущалось, если хотите. Поэтому формулировку 3 Шага «Приняли решение препору-94

чить нашу жизнь и волю Богу, как мы Его понимали» Николай счел

недейственной, несовместимой, требующей иной формулировки.

Он не имел в виду упрощение или вульгаризацию данного этапа программы. Любители давать советы, слушая его откровения, подходили к нему в перерыве. «Николай, включи 3 Шаг, отдай все

проблемы Богу…» Дальше, как эхо, звучало: «И ничего больше не

нужно делать…» Николай с раздражением относился к сектантам от

анонимных алкоголиков, считая их клубом трезвости, но, как профессионал трезвости, в полемику не вступал.

3 Шаг приоткрывал дверь в учебное заведение под названием «Трезвость». Здесь не ставили отметок, не требовали никаких

конспектов и даже посещений. Если ты понял, что у тебя смертельное заболевание, принимай решение и делай, что тебе велят. Другими словами, это первое трезвое в жизни решение, послушание, смирение. Взрослое решение.

И, конечно, главное открытие не заставит себя долго ждать.

Создатели программы 12 Шагов с участием самого Создателя (простите за каламбур), безусловно, учли патологическое отсутствие

смирения алкоголиков. Они ввели образ Бога между строк. Где-то в

необозримых просторах текста 3 Шага находим: «Все 12 Шагов требуют непрерывного личного усилия для осуществления заложенных

в них принципов и, как мы полагаем, Божьей воли». Выходит, что в

каждом принципе таится воля Бога. Осуществляя эти принципы, мы

следуем воле Творца. Тщательно выполняя требования (программа

требует отличной учебы, заболевание-то смертельное), не уклоня-ясь, мы самым коротким путем приближаемся к образу Спасителя.

* * *

Чтобы ни делал Николай, его преследовала тревога. Эйфория

улетучилась. Потянулись бесконечные, унылые будни. Без чувства

тревоги не обходились ни одна минута, ни одно действие. А бес-сонными ночами вспоминалась всякая чертовщина. Не снилась, а

мельтешила перед глазами забытыми фрагментами. Выходит, что не

забытыми.

Минувшей ночью Николаю вдруг вспомнились женщины, некогда понесшие от него. Обычно будучи поставленным перед этим

фактом, он убегал. В итоге стал бояться ходить по улицам. Голова

95

придумывала цветные иллюзии, и Коля в них прозябал. Его «хочу»

дико хотело выпить.

После полуночи самообман неистовствовал: «Если я уходил в

запой, это не отражалось на делах и взаимоотношениях». Трезвые

будни изгоняли эйфорию, не оставляя камня на камне от короткой

радости. Неустойчивая трезвость, так называемая сухость, не имела очевидной грани накануне алкогольного срыва. Эмоциональные

качели взметались выше облаков, а их, как предостерегали опытные

товарищи, лучше не раскачивать.

Давно известно, что алкоголик – это человек, у которого вместо

души вторая голова. Следовало смиряться, об этом говорили все и

повсеместно, а Коля так ненавидел смирение. Даже чувствуя собственную неправоту, он не мог сдержать противоречий. В прошлом

мире жить больше не хотелось, а в трезвом мире ему не нравилось.

От первой рюмки удерживало увиденное во сне – Господь сказал

ему: бросай пить или умрешь. Николай свято верил любым снам, а тут приснился сам Бог… Кто-то более авторитетный, чем жена и

остальные, пусть и во сне, но произнес правду. Николай ждал такого

знака, чтобы без борьбы, клятв, зароков, зарубок – р-раз и пошел!

И чтобы за трезвость не платить. И чтобы не отдавать Богу жизнь и

волю. Ведь нужно шагать дальше по Шагам программы, а Коля сам

ощущал себя Богом.

В глубине души он считал себя сказочно красивой личностью.

Ему думалось, что он поражал окружающих многозначительными

фразами и оригинальными мыслями. Ему хотелось крикнуть: оста-новитесь на минуту и в еле уловимом моем шепоте вы обретете истину и научитесь правильно жить.

* * *

Какому алкоголику взбредет в голову оценивать себя? Какому

освободившемуся от пьянства охота находить точку собственного

нравственного отсчета? Достаточно того, что он больше не пьет.

«Что вы хотите от меня? – кричал маленький внутренний ребенок. –

Вам что, мало моей трезвости? Если убрать алкоголь и шизофрению, то я неплохой человек». Николай уже рассуждал более объективно, соглашаясь на любые условия, лишь бы не пересматривать

прошлую жизнь.

96

Полвека назад маленький мальчик впервые обманул родителей

и врача, имитируя приступ аппендицита. Он включил свет в былой

непроглядности, где за каждым эпизодом растекался желтый свет

фонарей. Под его желтизной мальчик трепетно врал отцу правду о

разбитом окне. Вблизи возвышался один из терриконов. У выемки

живописно густел желто-серый бурьян, скрывающий малолетнего

курильщика, делающего первые затяжки тошнотворных папирос.

Переоценка прожитых лет держала его за столом до полуночи, захватывала его целиком и полностью. Чувствуя, что середина

жизни за спиной, он ухватился за новую идею: создать правдивую

историю своей жизни. Но какая-то сила невидимо препятствовала

душевному порыву. Словно он, смертный, восстал против рока.

Течение жизни бросало его на собственную гордость. В душе

преобладало ощущение приближающейся беды. Он лихорадочно искал вход в 4 Шаг. Наконец, собрав остатки смирения, закрыв глаза, Николай ринулся вперед. Надо сказать, он сделал это весьма своевре-менно. Пришельцы алкоголизма давно присматривались к нему.

Он начал записывать честные выступления:

В отношениях с людьми я хочу быть в центре и немного выше

центра.

Мой мужчина реагирует на меня хорошо, а я на него плохо.

Я хоть и мужик, но легко схожусь только с женским полом.

Я от страха вооружился, как американский спецназ, и пошел

выносить мусор.

Какой длинный путь от ненависти к себе до уважения к себе!

* * *

Однажды Николая осенило – а ведь он девственник в отношениях с самим собой. Этих отношений никогда не существовало.

Поэтому внутри и должна греметь война. Поэтому у него вечно

обиженное выражение лица. И злость неизвестно на что, как у той

одинокой женщины, что, услышав скандальный диалог супругов, воскликнула: «Хорошо, что я не замужем!»

В минуты сомнений он рассуждал: каким бы я ни был плохим, от этой программы я хуже не сделаюсь. В конце концов, без желания бросить пить в А.А. не попадают. Иначе что здесь делать? Тут

единственное место на земле, где не принято никого критиковать, 97

оценивать, опровергать. Выслушал выступление, нужное запомнил, остальное забыл. Коля уныло глядел в окно и вспоминал: как только

он попадал в христианскую церковь, нутро его кричало. В католи-ческом храме ему между тем нравилось. А без посещения группы

через два дня начиналось легкое расстройство психики, потом депрессия средней степени и ощущение, что жизнь прошла мимо.

Но после занятий, после основательного высказывания негативных чувств наступала радость, как будто начальники в отпуске.

Как будто существенно усилилось действие иллюзий. Вообще-то от

иллюзий было много боли в душе. Хотя и от реальности не меньше. Он просил у Бога более ровного состояния. И вот относительное равновесие наступило, но настроение падало. Точно в отделе

кадров, где Николаю когда-то сказали, что пропал его больничный

лист. Он невзлюбил все человечество. Нелюбовь, как и любовь, трудно выразить словами.

Иногда в группе появлялись мужи с большим сроком трезвости. Николай их не переносил на дух. Строят из себя нечто! Точно

корона у них на голове. Ему страсть как хотелось их унизить. Еще

лучше, если бы они напились и с треском провалили свою духовную работу.

Своим внешним видом Коля говорил: мой внутренний ребенок

уже повзрослел, а взрослый мужчина может не заботиться о том, какое производит впечатление. В ответ на вопрос, почему я такой

серьезный, хотелось ответить: это ваше выздоровление, козлы, идет

неправильно, а я нормальный.

* * *

Николаю казалось, что жена ему изменяет. Он давал волю больному воображению, начинал в нем жить. Выдуманное, как и питие, нельзя бросить, когда пожелаешь. Все гораздо сложнее. У нормального алкоголика должны быть ненормальное мышление, пустой

кошелек, отвратительный престиж и пропитая собственность. Но

обязательно верная жена.

Как только заговорила очень честная сестра с красивым именем, Коля понял, что не зря пришел на группу. Он согласился с нею, что дружить надо с кем-то, а не против кого-то. И что действительно

утром в голове одна мысль: жизнь закончена. И что обиды у алко-98

голика безосновательные. И хочется, чтобы дети, на удивление спо-койные, переживали так же как и ты. Но главное красивая женщина

отметила: пробовала не пить – не получилось. Точно как и Коле, ей

оставалось либо умереть, либо отправляться в космос вместо Гагарина.И Кристине нужен сухой был запой, без него плохо. Пока мы

выступали, Кристина боролась с тем, что мы говорили. Хотела всех

поучить, как нужно жить. Желание выступить в роли бога оказалось

таким сильным, что она заговорила об этом вслух. В прошлой жизни Кристину, верно, казнили во время репрессий. Конечно, согласно

легенде.

Несмотря на реальное положение дел, здесь царили богатые

мистикой нравы. В пылу выздоровления не всякий трезвый алкоголик способен подумать.

Николай не подумал бы, что эмоциональная трезвость начинается с четвертого этапа, что эмоциональные проблемы – следствие

неверно сориентированных инстинктов. И что Четвертый Шаг лишь

«появлялся и маячил в отдаленье…» Одни кричали: не лезь в этот

Четвертый Шаг, иначе запьешь; другие говорили обратное; третьи

выжидали; четвертые пытались перехитрить себя и выдергивали

Четвертый Шаг из программы. У Коли голова шла кругом.

* * *

В отсутствие Отца небесного Коля спешно занимал высочайшее

место. Коле не хотелось петь псалмы под пытками, изображая при

этом благополучного человека. И делать вид, что в душе нет боли.

Нравственные пытки между тем делались все ощутимее. Срочно

требовалась хоть капля веры. Инстинкты привели к психическим и

физическим отклонениям.

«Нужно сделать решительную и мучительную попытку обнару-жить в себе те отклонения, которые были у нас в прошлом и которые

есть сегодня, – шептали тени ушедших из жизни алкоголиков. – Без

усердных и настойчивых попыток исправиться вы не сможете вернуться к трезвости и быть довольными своей жизнью». Их шепот

убеждал, что без такой работы недостижима та самая вера, которая

приводит к результатам в повседневной жизни человека. Пересмо-трев свое «хочу», Коля обнаружил, что находится в конфликте не

только с собой, но и с другими.

99

Он, взбешенный беспомощностью, метался между возможно-стью мучительного выздоровления и желанием губительного бездействия. Он взял ручку и бумагу, ему страшно захотелось сказать

себе правду. Включая те моменты, о которых не хотелось бы вспоминать.

Поначалу Николай считал, что трезвея он возрождает свой чудесный характер. «Зачем оценивать себя с нравственной точки зрения, если я больше не пью, – вертелось в голове, – другим людям

тоже не мешало бы измениться. Во многом виноваты они». Следом

накапливалось недовольство, накопленный гнев оборачивался против Николая, и он вновь становился жертвой собственной эмоциональной неустойчивости.

В трезвости лучше ему не стало, чувство вины не ушло, осталось много боли. А когда больно, возникает губительная мысль о

выпивке. Питейные места манили в прошлую жизнь. Желание выпить начинало превышать желание не пить.

* * *

Голос науськивал: «Признай свои недостатки! Не обвиняй ни в

чем других!» – «Нет, когда все вокруг виноваты, жить намного легче», – не соглашался он. «Коля, ты где?» – окликала отсутствующего мужа супруга. Он глядел на жену, не понимая, чего же она хочет.

Коля не простил жене ее ультиматум: или я, или водка. Желание отомстить жгло изнутри и требовало выхода. Он, раздираемый

внутренним хаосом, собирался с силами и выдыхал: «Отойди, пожалуйста…» И устремлял усталый взор за горизонт.

Прогуливаясь с женой по проспекту, Николай, точно ребенок, беззастенчиво разглядывал встречных. Но никто не проявлял ответ-ного внимания. Взрослые вели себя иначе. Всем своим видом он

пытался показать взрослым людям, что они ему не нравятся.

В суждениях о жизни жена была намного старше его. Концеп-ция его развития, так или иначе, упиралась в смутное значение

Четвертого Шага. Едва слушая женщину, он недоумевал: где взять

силы, чтобы приступить к работе над собой?

Гордыня вела к оправданию себя и подстегивалась всякого рода

страхами. Она превращалась в источник трудностей и в основное

препятствие к развитию личности. Гордыня заставляла предъявлять

100

немыслимые требования, например, к жене. Такие требования были

неосуществимы без извращения инстинктов или злоупотребления

ими. Получался замкнутый круг. Гордыня опять же была его лучшим адвокатом.

Чтобы добраться до золотого зародыша новой жизни, следовало преодолеть страх как вид душевного заболевания. Николай страшился всего на свете. Он боялся, что его инстинкты не будут удовлетворены. И без конца домогался других женщин, стремился хоть

к какой-нибудь власти, раздражался, когда создавалась угроза его

материальному положению, боялся, что ему чего-то не достанется.

И при этом бездействовал.

* * *

Жена куда-то вела Николая, и он не сопротивлялся, ему было

все равно, лишь бы поставить галочку в графе «внимание к супруге». Жена пыталась заинтересовать его экспонатами художествен-ного музея. Он же комфортно чувствовал себя только в пустыне, вспоминая слова брата: «Я думал, что моей жене хорошо рядом со

мной, она же на другой день повесилась…»

Объяснить своей половине, что его походы налево – издержки

похоти, он не мог. И копил злое чувство к этой женщине. Впрочем, до конца понять свои действия Коля пока не мог. Возле театра су-пругам встретились знакомые, явно удивленные: сантехник возле

театра, да еще с женой? Сидя в партере, Коля запомнил аплодисменты и женщину, сидящую сбоку.

Программа исцеления от алкоголизма пробиралась прямо в

сердце: «Если не избавишься от изъянов, не будешь стабильно трезвым и не обретешь душевный покой». Он должен был терпеть женщину по имени «жена», зовущую разделить с нею какую-то радость.

* * *

Не забывались советы старшего брата по трезвости, которого, впрочем, Коля ненавидел именно за привычку советовать. Он ре-зонно решил обратиться к тем недостаткам личности, которые при-чиняют особенно много неприятностей и, вместе с тем, совершенно

очевидны. Основываясь на своем понимании того, что хорошо, а

что плохо. Жена между делом намекала на вечернюю близость, трогая мужа за колено.

101

На первых порах Коля пытался скрыть комплекс с помощью

лжи и попыток избежать ответственности, жалуясь, что другие

не признают его выдающихся способностей, переоценивая себя и

представляясь выдающейся личностью. Жена с вибрирующей в голосе сексуальной ноткой трещала под ухом о продуктах.

В последнее время Коля обнаружил в себе характерные сим-птомы эмоционального расстройства – беспокойство, гнев, жалость

к себе и депрессию. Захотелось сию минуту тщательно обдумать

все те отношения с людьми, которые постоянно или периодически

доставляют ему неприятности. В частности с супругой, которой он

изменял ежедневно. И это была чистая правда.

На собрании кто-то говорил: отрицательные чувства возника-ют там, где есть угроза действию инстинктов. Опять калейдоско-пом завертелись сексуальные ситуации из прошлой жизни. Опять

из темных глубин выплыли беспокойство, разочарование и горечь.

Глядя на разволнованную жену, Коля прижал к себе хрупкую фигур-ку, успокаивая и ее, и себя самого.

Его страдания в основном проистекали от тех же испорченных

отношений в семье, с друзьями, да и вообще с окружающими. Он

ясно увидел свое упрямство и неспособность устанавливать и поддерживать с другими людьми товарищеские связи, основанные на

сотрудничестве. Свое мнение он считал главным и незыблемым и

обычно либо подавлял других, либо слишком зависел от них. Либо

пытался забраться на самый верх, либо скрывался на самом низу.

То, о чем ему думалось, предстояло доверить бумаге – кто-то из

трезвых алкоголиков уверял: записанные вопросы и ответы помогают здраво мыслить и давать себе честную оценку. Коля неожиданно

чмокнул жену в щеку. Под ее удивленным взором он с восторгом

принял решение: возыметь первое осязаемое свидетельство личной

готовности двигаться дальше по пути излечения – написать книгу.

* * *

Трезвость нагрянула неожиданно. Жил себе толстый мужик

сорока лет с красной физиономией. Выглядел серым стареющим

обывателем, медленно убивающим себя алкоголем, никотином и

обжорством. Ему нравилось выделяться среди других. Он любил

опохмелку, чужих жен и общее внимание, не подозревая, что вскоре

102

духовное пробуждение разнесет в прах его пьяное мировоззрение, а

его философия расползется, как ржавая кольчуга.

Небеса велели ангелам окатить грешника благодатью. Потянулись долгие века трезвости (при выздоровлении день идет за год).

О том он безостановочно строчил воспоминания, изнуренный страхом, больным воображением и бредом отношений. Супруга роптала: «Ты посмотри на него, совсем не обращает на меня внимания…»

Коля испытывал боль и одиночество.

Убивая невероятно медленное время, Коля был согласен на

любую зависимость, кроме алкоголя, чтобы не тронуться умом.

Он молился без веры, но это отвлекало от сумбура в голове. Он вел

дневник эмоций, тридцать раз в день звонил по телефону, сутками

боролся с помыслами. И не было с ними сладу, а сердце донимала

тревога. И помимо внутренней тревоги его тревожила жена.

В эпоху невысказанных обид Коля подумал: отказаться от обиды – то же самое, что отречься от себя. И обижался на домашних, на

сослуживцев, на соседей. От борьбы с миром случались истерики, гордыня бушевала, события разворачивались не по его сценарию, умножая в душе неистребимое недовольство. Когда жена полезла

обниматься, он раздражением процедил: лезла бы ко мне во время

запоев.

* * *

Пытающейся приласкаться к нему жене, он мстительно ронял: дай мне спокойно жить. И погружался в губительное состояние грусти, скуки и одиночества. От боли рождались новые страхи и возникали мысли о выпивке, отодвигаемые выражением: «Не суй пальцы

в розетку – убьет, не бери первую рюмку – не напьешься». И тогда

он просил жену оставить его в покое, если не хочет, что он вышел

из себя.

Оставалось научиться претерпевать немощи и плохие состояния. Предстояло посетить 3360 собраний за десять лет, после чего

наступала более или менее устойчивая трезвость, - разумеется, при

условии обращения к Богу, дающему силу и возможность развиваться по программе.

Увлекшись рассказами о себе, он еще раз всерьез подумал о

книге исповедей. Может быть, в тот же миг он окончательно уве-103

ровал в свою будущую книгу. Практически сочинение, состоящее

из одной только правды, ожидало своего часа. Но раньше, согласно Пятому Шагу, ее, эту правду, следовало доверить третьему лицу.

Страх мешал Николаю.

На рассвете жена сонно сопела в Колино правое плечо, а программа грозно предупреждала: не обходи этот Шаг, страх и нежелание – всего лишь огородные пугала. Ангел из первого абзаца успокаивал: все Шаги вступают в противоречие с тобой, но для последующей – трезвой – жизни это очень важный этап.

* * *

По ночам, когда месяц рассеивал прохладу, на страдальца нава-ливались терзающие его мысли: «Ты не можешь жить с гнетущими

тебя проблемами и дефектами характера, которые вызвали или усу-губили эти проблемы. Если ты осветил свое прошлое, которое тебе

не хотелось бы вспоминать, ты не должен жить дальше с его призраками. Побеседуй о них с кем-нибудь. Скажи о них вслух».

Вспоминать о многих вещах не хотелось. По-прежнему тревожил и манил образ алкоголизма. Страшной болезни присущи были

несомненно женские черты. До самых колен струились мифические

косы. Блестящие огромные глаза зазывно чернели вдали. Яркие

губы рдели, точно южные украинские вишни, а нежные щеки румя-нились, словно винные яблоко. Все мужчины любовались прелест-ным образом алкоголизма и льнули к его ядовитым устам.

На занятиях Николай узнавал, что самые большие неприятности сулит невыполнение Пятого Шага. Именно по этой причине

многие не могли бросить пить, другие периодически ударялись в запои, пока не решались шагнуть дальше. Даже ветеран Сообщества

дорого расплатился за отказ от 5 Шага: долго и безуспешно пытался нести бремя в одиночку, страдал от раздражительности, тревоги, раскаяния и депрессии и в конце концов сорвался – взял рюмку.

Николай проникся одной из главных тайн выздоровления: без
бесстрашного признания собственных дефектов перед другими
людьми нельзя сохранить трезвость. По-видимому, Божья благодать
не войдет в трезвеющего алкоголика и не избавит от пристрастия, пока он не захочет выполнить этот Шаг. И Николай решился: на
групповых занятиях – до последнего грешка – рассказал о своем
прошлом. И все, удивляясь, любовались его прозрачным безумием.
104
* * *

Время шло, жена недоуменно качала головой, теряясь в догад-ках: с виду нормальный мужчина, а ведет себя неподобающим образом. Не зная, чем заняться, Коля бродил по квартире в поисках
какой-нибудь крайности. Супруга границы крайности сужала и требовала внимания, ласки, любви, наконец.

Тогда у Коли случался приступ бешенства, хотя ситуация считалась пустяковой, – чистая химия. Как мудро заметил брат, если
бы у тебя в тот момент было больше серотонина в крови, все шло
по-другому. Коля не имел ни малейшего представления, что за вещество «серотонин», но проникся научной важностью объяснения
и загадочное слово вставлял, где только мог.

После дневных разборок с самим собой Коле не спалось. Он
слушал гудение супруги, мечтая заснуть, но сон долго не брал его
в свои объятья. Иногда у него появлялась не духовная мстительная
радость – жену мучила бессонница. Он прислушивался к ее вер-чению и вздохам. Ему казалось, что он проживает не свою жизнь.

Вспышка похоти, завершившаяся изменой жене, подтвердила – инстинкты по-прежнему управляют им.

На заре в голове вертелась всякая дребедень. Вспоминались, как трезвые алкоголики на форуме в три часа ночи мыли голову с
мылом в роднике. Как страшно менять себя в зрелом возрасте! На
старые грабли наступать не хотелось. Коля вспомнил о молитве и
провалился в тревожный сон.

Утром жена тараторила о своих педагогических успехах. «Мои
достижения – это борьба с самим собой», – подумал Коля. Подтекстом звучало: «Я тут трезвый хожу, а вы сидите и не цените меня…»
* * *

Все равно чего-то не доставало. «Наверное, эпилепсии…» –
продолжил мысль один брат. Обязательно нужно было залезть во
что-то очень грязное, липкое, мерзкое и так жить. «Коленька, идем
завтракать…» – доносился голос. Приходилось терпеть процедуру
приема пищи, глядя, как жена размешивает разноцветный сахар, пе-реливающийся в зеленом чае.

Отрицательные чувства сжигали немало энергии, ослабляли
дух. Две вещи занимали его – как научиться быть наедине с собой
105
и как сохранить романтику жизни. Он постоянно ловил себя на отрицательном мышлении, особенно в отношении жены. Такого удара

от трезвости он, конечно, не ожидал. Отношения вроде бы и про-сматривались, но в реальности их не было – куда-то испарилась любовь. В комнате зазвонил телефон, дочь передала ему трубку: книга

исповедей увидела свет!

Переживание повысило самооценку. Резко выросло самоуваже-ние. Ушло чувства изоляции, которое всегда угнетало его. В трезвости Николай, как и прежде, стеснялся людей или же вел себя шумно, требуя внимания, – всегда был мистический барьер в общении. Для

его преодоления требовалась выпивка. Она же первая обернулась

против Николая, едва ли не сразив его насмерть.

Оказавшись среди людей, которые его понимали, он решил, что

проблема изоляции решена. В каком-то смысле он уже не считал

себя одиноким, хотя с ним, как и раньше, случались приступы отчуждения, однако не похожие на бесконечные тревоги и страдания

первых дней трезвости. Пятый Шаг, может быть, частично установил близость с людьми. И ощущение, что он может быть прощен, какими бы ни были его мысли и чтобы он ни совершил в прошлом.

Как бы сильно его ни обидели. Внутреннее осознание того, что он

будет прощен, приятно согревало сердце. Как и вновь обретенная –

собственная способность даровать прощение.

Николай складывал бутерброды в сумку, рассеянно слушал

жену, думал о смирении. О том, как удивительно узнавать о важнейшей духовной категории в сорок с лишним лет, как горько осознавать, кто ты на самом деле и что ты из себя представляешь. Жена по

обыкновению пыталась поцеловать мужа. Коля в этот миг занимался тем, что обретал способность овладеть реализмом и честностью

по отношению к себе самому, и поэтому не ответил на нежный порыв супруги.

* * *

Выйдя на путь разумных суждений, укоренившейся честности

и подлинного смирения, Николай стал честнее в отношениях с другими, а значит, и с Богом. Отвратительные эмоции прорвали прегра-ду и с болью ушли. Наступал исцеляющий покой. Смирение и умиротворение соединились вместе и родили в душе чувство единения

с Богом и людьми. Можно было немного отдохнуть.

106

Одно печалило романтическое сердце скромного мастера трезвости одного дня: ему не нравилось взрослеть, подымаясь по ступеням программы. Коля никак не мог обрести достаточно желания и

честности, чтобы использовать духовные принципы по отношению

к своим недостаткам. Возможно, здесь он поверил в Бога, освобо-дившись от пристрастия к алкоголю.

На любимый город спустились сумерки. В парке играл оркестр

народных инструментов. Аромат весенней листвы сопровождал

одиноко шагающего Николая. Со скамейки поднялась девушка и

попросила закурить, приглашая в свое сердце. Коля пока еще сторо-нился случайных знакомств. Ему всего лишь хотелось повидаться с

местами своей молодости.

Сейчас Коля не вливал в себя алкоголь, не работал на самораз-рушение, не боролся с глубочайшим из заложенных в нем инстинктов. Алкоголь больше не притягивал его – милость Господня вошла

в него, избавив от губительного пристрастия. Он больше не требовал, чтобы инстинкты доставляли ему больше удовлетворения, чем

это возможно. Он согласился с тем, что несовершенен, но и вместе с

тем узнал меру своей грешности, а главное – захотел совершенство-вать характер по собственному разумению.

* * *

В знак благодарности Богу Коля старался изо всех сил. Особенно трудно искоренимым оказалось желание осуждать. Сплетня –

вежливая форма убийства путем подрыва репутации – приносила

удовлетворение так же, как и зависть, одаривая ложным удовольствием. Гуляя по парку, кивая хорошеньким девушкам, Коля признавался себе, что предпочитает не расставаться с некоторыми из

дефектов. Он слышал, что немногие всерьез готовы поставить перед собой цель духовного и морального совершенствования. Причислить себя к тем мужественным людям он пока не решался.

Ему нужна была иная степень совершенства, и Коля не знал, какая именно. Зато обозначилась разница между стремлением к своей

цели и стремлением к цели, установленной Богом. Подняв с земли

упавший листик, Коля ощутил романтический всплеск души и начал спускаться к оживленному проспекту. Как он устал от духовных

поисков! На скамейке несколько молодых людей погружались в пья-107

ное безумие. Алкоголизм напоминал о том, что бессилие перед ним

нужно признать на сто процентов.

Только Первый Шаг требовал от нормального трезвого алкоголика абсолютного совершенства. Остальные – были целями и мерой

успеха в процессе исцеления. Даже с такой точки зрения 6 этап казался трудным. Коле ничего не оставалось, как повернуть голову в

сторону совершенства и двигаться вперед, впрочем, сохраняя те недостатки, с которыми ему не хотелось расставаться. Он решительно

обходился с опасной недоговоренностью, помня, что в таком случае

сознание становится недоступно для Божьей благодати: «Промед-ление опасно, а протест может оказаться гибельным…» Он медленно отходил от ограниченных целей и двигался к принятию Божьей

воли.

* * *

От умственной работы к вечеру накатывала тошнота. Правила

духовного развития обескураживали. Почему человек должен жить

по правилам? Его вновь путала нечистая сила. Сойдя на своей остановке, поднял пьяного мужчину, рассуждая: «Если он меня ударит, я

его бить не стану…» Облик новой жизни виделся неясно.

Возникала зависть к тем, кто пил. Такая позиция означала: Коля

«не добухал». Точно так, как сестра, с которой Коля встречался после

запоя, радуясь, что ей плохо, что у нее зыбкая трезвость и смутная

точка зрения на выздоровление: «На тот свет не попала, но попала

сюда. Дожила до того, что к алкоголикам иду с удовольствием…»

Коле следовало бы помолиться и попросить у Бога трезвости

ясного и светлого мышления. Коля же считал себя настоящим алкоголиком мировой элиты, к Высшей Силе он обращался в редких случаях, вспоминая Творца в моменты душевной тревоги. Его мысль

странно привязалась к пяти признакам алкоголизма. Вполне в духе
тех, кто научился пить без проблем, завершив путь на погосте.
Коля сам три раза делал 1 Шаг, трижды он забывал о потере
контроля над жизнью. Дальше события развивались еще хуже. Он
думал, что не выпьет, но напивался. Когда он отчаялся, Бог дал ему
третье пришествие в А.А. Во имя осознания того, что болезнь на
всю жизнь и до скончания века. «Брат, – обратился к Николаю один
из трезвых алкоголиков, – алкоголизм не проклятье – болезнь…»
108

Жена металась между удобным образом пьющего мужа и новым трезвым мужчиной, который не поддавался ее контролю. О нем
думалось неоднозначно. Коля тем временем изгонял злую волю.

Сама ее чрезмерность поражала мощью и силой. Чтобы добраться до благословений, Коля поддался зловредной похоти, скользнул
мимо подъезда, полагая, что жена его не приметила.

Он отправился бродить по свету, потому что к дому не лежала душа. С душой он не спорил. И не важно, что он казался себе
волшебником. Пусть самым заурядным. Все же не просто трезвым
алкоголиком. Для него большое значение имела декоративная пустота. И вот ему доверили место секретаря на собраниях трезвых
алкоголиков, и он изменился. Они видели его насквозь и всегда говорили о том, что его волнует. Как они об этом узнавали, Коля не
мог представить.

* * *

Священники теперь казались ему менее загадочными, а мнение
православного священника о том, что А.А. секта, он мстительно запомнил: внутренний диалог с православием надолго превратился в
принципиальный спор. Ум неопытного чада, неискушенный в духовных беседах, изнемогал от праведного гнева. Не находя в храме
икону «Неупиваемая чаша», он чуть ли не по центральному теле-видению объявлял храм неполноценным. Хитроумные отговорки
служителей церкви его не устраивали. Бог думал о нем чаще, чем
он о Боге.

Николай наивно донимал Творца детскими просьбами: «Уйми, Господи, бессонницу, я же прошу не миллион долларов». Молитвы
он неплохо отрабатывал на адреналине. В награду небеса давали
силы на один день. Иногда накатывал такой душевный покой, что у
Коли от удивления широко открывались глаза.

Но чаще беспокойство гоняло Колю по микрорайону взад и
вперед. Коля чувствовал, что его медленно сносит к старому мышлению. Сердце наполнилось страхом. Он упорно продолжал опла-кивать прежнюю жизнь, былые привычки, ложную систему ценностей, которой по-прежнему исподволь служил. Что-то грозное, страшное, смертельное и невидимое надвигалось чувственным образом. Это «что-то» могли остановить молитва и смирение.
109

Жена всматривалась в его утомленное лицо. Он чмокнул ее в
щеку, схватил тетрадку, начал писать Седьмой Шаг. Жена ходила
кругами, боясь встревожить супруга. Впрочем, трудно помешать
находящемуся где-то в области смирения, где денно и нощно басил

глас Создателя: «Если ты не разовьешь в себе смирение в большей
степени, нежели это нужно для трезвости, то никогда не будешь
счастлив. Ты не сможешь поставить перед собой полезную цель, а
в трудную минуту опереться на веру, чтобы устоять перед испыта-ниями».

Возможно, по этой причине ему не спалось. Голос свыше укорял: «Ты всегда требовал большую, чем тебе причитается, долю

обеспеченности, престижа и любви. Твоя забота о моральном облике всегда разрывалась между нравственностью и удобством. Ты

полагался только на свои силы, пренебрегая основным элементом
смирения – желанием познать Божью волю и следовать ей». Коля

заерзал под одеялом, перевернулся на другой бок. Процесс обретения новой перспективы был невероятно болезненным.

* * *

И все же он торжествовал. Многократные унижения заставили его понять кое-что о смирении. Сейчас, прошагав долгий и му-чительный трезвый путь, отмеченный поражениями, унижением и

крахом самонадеянности, он ощутил разницу между приниженным
отчаяньем и подлинным смирением. Коля бросил раздраженный
бросил взгляд на жену, испытывая навязчивое желание помахать
ей рукой и крикнуть: «Ищи меня в глухом лесу!», но, связанный
обетом супружества, не произнес ни слова. Промолчала и супруга.
Возможно, шестым чувством она ощущала – мужу нужно собрать
всю волю для этого шага.

А Коля тем временем, заложив руки за голову, бесцельно смотрел в потолок. Безусловно, под давлением надвигающегося алкоголизма только глупец откажется от смирения. Коля почувствовал, что его представление о смирении приобретает все более широкий

смысл.

После длительной депрессии этот приобретенный покой казался Коле бесценным даром. В его душе появилось что-то трудно

объяснимое. Новое отношение к смирению привело к революции
110
и в мировоззрении. Болезненный процесс умаления собственного
«Я» неожиданно привел к новому смирению. Коля понял, что ему
не нужно бежать от страданий и проблем. Ему нужно смириться с

их неизбежностью. И решать собственные проблемы только в трезвости и только через личностное развитие.

* * *

Озирая пламенеющий восток, жена слушала, как смирение

превратило неудачи Николая в неоценимые достоинства. Коле хотелось, чтобы жена зарыдала от счастья и кухня огласилась воплями

восторга. Чтобы она тосковала о нем каждую минуту, а не в те дни, когда пришло время «случки», как едко отметила соседка Галя. И

чтобы жена чувствовала себя несчастной каждый миг, проведенный
без него.

Но ничего подобного он, конечно же, не дождался. Иссякал его
душевный трепет при виде усталой женщины, не способной отдать

ему страсть души. Сделать его крылатым могло трогательное существо, витающее в небесах. Его нынешняя супруга твердо стояла на

земле и находилась в особой связи с реальным временем. То есть по

эмоциональному состоянию она была вдвое старше мужа. И Коля, который прежде журчал и вихрился радужными струями водочных

страстей, стал терять к жене интерес.

Спасительная интуиция подсказывала Коле: наблюдай и слушай. И всюду Коля сталкивался со случаями, когда смирение превращало несчастья в достоинства, преобразуя слабость в силу. Каждый раз боль была ценой за вступление в новую жизнь. А смирение – наградой и лекарством, которое исцеляло боль. Николай стал

стремиться к смирению сознательно. Как никогда раньше. В его

отношении к Богу появился смысл, в отношении Бога к нему – обещание помощи.

Жена как обычно готовила бутерброды. Коля в поте лица трудился – стремился к смирению с такой же силой, с какой он старался избежать страдания. Супруга раскладывала зелень, а Николай

рассматривал смирение как нечто желательное для себя. Наступил

поворотный момент в его жизни. Он пригубливал горячий чай и

спрашивал себя, каковы его настоящие цели? То, о чем он думал, удивляло его. Само по себе такое размышление говорило о многом.

111

* * *

Коля мечтал жить в мире с собой, но у него ничего не получалось. Он хотел любить жену, а сердце его противилось. Он искал

гарантии того, что милосердие Божье поможет ему. Он равнодушно

смотрел на супругу и соглашался с тем, что недостатки, основанные

на недостойных желаниях, мешают ему. Сейчас, когда он собирался заглянуть к любовнице, программа роптала: ты предъявляешь

неразумные требования к себе. Эгоистический страх хохотал: ты

утратишь то, что имеешь, или не получишь то, что хочешь иметь.

Накатывало недовольство собой и зрело беспокойство, создавая

ощущение неудовлетворенного желания.

Брат по трезвости уверял: ты не обретешь покой, пока не уме-ришь притязания. Не путай просьбы и претензии. Обращение зави-сало в воздухе. Удача, казалось, оставляла Колю, но вмешивался 7

Шаг. Он позволял изменить жизненную позицию, взять смирение в

поводыри и выйти за пределы своего «я» навстречу людям и Богу.

Но это уже другая история.

Жена не могла возвратить его к реальности, – муж находился

на волне духовного пробуждения. «Если я нашел в себе достаточно

смирения, чтобы обрести благодать и спастись от алкоголя, – мучился он поисками здравомыслия и устойчивой позиции, – то есть

надежда, что я с помощью Бога стану верным супругом». Мысль о

супружеской верности претила его сути. Не успел он вывести себя

на чистую воду, как жена удалилась на работу. Коля, уже наполовину верный муж, нашел ее недостойной себя и решил исполниться

верностью с завтрашнего дня.

Душа Николая не находила себе места в грешном теле. Его нежность к чужой жене таяла с каждым часом. Как и его жена, любовница ничего не могла понять. Изумительное по своему содержанию

таинство не приносило облегчения сердцу с того самого дня, когда

он бросился в пучину духовного роста.

* * *

В комнатке, где обитали анонимные алкоголики, царил психо-терапевтический хаос. Трезвые алкоголики жили очень дружно и во

всем подчинялись традициям программы. Все братья и сестры были

в масках, о которых сами не подозревали. Они боготворили свою

112

группу, которая за короткий срок превратилась в замечательную духовную единицу. В группе звучали меткие высказывания, истинные

откровения и существовали элементы и принципы Пятого Шага, без

которых недостижима трезвость. Когда здесь откровенничали, даже

Господь на миг отрывался от своих дел и с любопытством вслушивался в их жалкий лепет.

Здесь говорили о врачах, претендующих на звание здорового

человека. Здесь формировали свой характер те, кто долгие годы со-жительствовал с алкоголизмом, кто легко находил повод для печали, но с трудом выискивал причины для радости. Николай мечтал

управлять всеми, проникнувшись историей брата о муках в реанимации, о смирении, рожденном под принуждением и давлением обстоятельств. Не только Коля жил этим.

«Не хочу остаться в памяти потомков алкоголиком!» – выкрикивал новичок, удивляясь переменам, произошедшим внутри. Бла-годатное действие честности мгновенно ощущалось в сердце Николая. Он обнаруживал в душе душевное здоровье, а в мыслях –

здравомыслие. Хотелось забросить ноги на стол по-американски.

Элементы жизни – отсутствие желаний – больше не будоражили

своей безысходностью.

В монологах звучала щемящая нотка, известная только истинным алкоголикам: «В алкоголизме все так прекрасно, что страшно

сказать правду – это обман!» Высокие умствования Коля фиксировал

на бумаге. Неслышно вздыхали трезвые люди, мечтая о душевном

покое. Из алкогольной реальности не всем хотелось возвращаться.

Коля прислушивался к другим, спрашивая, как у них получилось.

Обычные фразы помогали ему выжить.

Как-то он ощутил, что жизненные силы шевельнулись внутри, что сил в нем еще лет на тридцать. Неизвестно откуда стало приходить душевное тепло.

* * *

За ужином Коля среагировал на попытку жены понять его и

комментировать текущий момент. На кончике языка вертелось:

«Дура!» Раздражение возникло после требования кондуктора еще

раз показать проездной: «Вот люди пошли…» Чуть раньше было

недовольство по поводу замечания дочери, язвительно высмеиваю-щей его отношение к внуку.

113

Побочные переживания уводили его от истока благодати. Глу-пое чувство привязанности к постороннему монологу длилось

дольше обычного. Ковыряясь в тарелке, Коля чувствовал на себе

вопросительный взгляд жены. Беседа не клеилась. Ему нужно было

на кого-то производить впечатление. Подобный обман давал ему

возможность быть в хорошем расположении духа. Как и грех осуждения.

Глядя на царапину у края плинтуса, он согласился с мнением

брата: «Царапина на полу беспокоит меня больше, нежели огромная

рана в душе. Я делаю все, чтобы испортить настроение жене, но она

все равно довольна собой».

Переполненный мочевой пузырь лишал Колю душевного покоя. Николай проводил моральную оценку брата, выстраивая логическую цепочку отрицательного содержания. «Помнить о своей

исключительности, о том, что я не такой, как все, – это загадка выздоровления…» Во взоре супруги читалось: «Достал ты меня своим

душевным покоем…»

Порой жена задевала его какой-нибудь фразой, – данная граж-данка вызывала все больше недовольства. Чем правильней он становился, тем дотошнее выискивал негативные моменты в отношениях, отбрасывая все хорошее. Он никак не мог научиться принимать близкого человека с любовью. Жизнь катилась так, будто все

последующие пути перепахали лемехом. Он ощупывал свое тело, души не было.

* * *

Те, кто прошли восьмой этап развития, составили список лиц, которым они причинили зло, и преисполнились желанием загладить

свою вину перед ними. Коля часами плутал между строк, ведущих

к тайне личностных взаимоотношений. Выясняя, где он вел себя неверно. Восьмой Шаг осторожно наводил на пересмотр и восстановление отношений.

В руинах прошлой деятельности Николаю было что расчищать.

Новые знания о себе давали определенное преимущество. Оно заключалось в возможности установить контакт практически с любым человеком на основе доброты, вежливости, справедливости и

любви. Конечно, не за один день. Поскольку Коля, как и все алко-114

голики, страдал от испорченных отношений с людьми, он решил не

откладывать вопрос в дальний ящик.

В трезвой жизни отношения с женой были отвратительными.

Видеть ее не хотелось. Коля испытывал перед ней, как и перед дочерью, один лишь страх. Как жить в постоянном мире, сотрудничестве и братстве со всеми людьми? Хорошенькое приключение под-бросила трезвость. Назад пути не было.

Оставалась сделать немного: оценить ущерб людям. Казалось

бы, анализируя свои моральные качества, он провел достаточную

работу. Рекомендация удвоить усилия привела в ужас. Страхи вор-чали: зачем тебе это надо? Попытка бередить старые раны, частично уже забытые, а частично терзающие болью, не поддавалась объяснению. Члены сообщества требовали: не останавливаться! «Неужели боль начнет стихать?» – спрашивал Коля себя.

* * *

Размышляя об испорченных отношениях с людьми, он столкнулся с необходимостью прощения других. С мамой не ладилось

после того, как ему передали ее реплику: «Надоел частыми приезда-ми, пьет и пьет…» Коля обиделся, даже отказался от предложенных

сестрой ста граммов водки, рассматривая из окошка маму, собираю-щую жуков-вредителей. Бушующие эмоции ослепляли, и он не видел зла, причиненного другому человеку. Он с радостью ухватился

за факт, услышанный в разговоре, как за прекрасное оправдание, чтобы преуменьшить или вообще не заметить свою вину.

Вот тут-то ему следовало бы одернуть себя: «Нет смысла находить недостатки в других…» Ничего этого Коля пока еще не знал. И

того, что алкоголики наделены болезненными эмоциями. И того, что

пьянство усиливает недостатки окружающих его людей. И того, что

своим поведением алкоголик до предела истощает терпение родных

и близких. На мамин вопрос: «Кушать будешь?» Коля промолчал, забыв, что имеет дело с такой же страдалицей, как и сам, только ее

страдания многократно умножил алкоголизм папы.

Шальная идея собрать вещи, не прощаясь уехать и оставшуюся

жизнь не подавать о себе весточки не покидала его. Коля елозил

чемоданом по крашеному полу, оставляя заметные царапины. Неожиданная мысль: а не простить ли всех и каждого в отдельности –

115

слабо забрезжила и тут же погасла. Коля испытал шок от того, что

в своем ужасном поведении придется виниться перед людьми. Особенно перед мамой.

Вдруг он споткнулся на ошибочном представлении, что пьянство вредило только ему одному. Необходимость еще раз поговорить

с мамой сильно угнетала его. Страх вступал в заговор с гордыней и

не позволял действовать. Коля, сидя на корточках, перебирал в че-модане вещи. Царапины на темно-красном полу сильно бросались в

глаза. Чтобы не видеть этого безобразия, задвинул чемодан обратно

под кровать. В коридоре послышались шаги.

* * *

Коля пытался проанализировать мотивы и действия, всесторонне рассмотреть прошлое с точки зрения взаимоотношений. Такие

духовные категории, как эмоциональный ущерб, нанесенный самому себе, оставались для него пока невидимыми. Тревожащие его

конфликты оказались погребенными в подсознании настолько глубоко, что он постепенно забыл о них. Когда-то они встряхнули его, сделав его эмоциональный мир более блеклым.

Николай трудно анализировал всю выявленную информацию о

себе и о своих трудностях в общении с людьми. Поскольку испорченные отношения были причиной всех несчастий, включая алкоголизм, он уделил проблеме отношений особенное внимание. Начав с

пустяков, он добрался до фундаментальных изъянов, определивших

весь дальнейший ход жизни.

Он вычитал, что понятие «обида» можно определить как результат столкновения инстинктов, наносящий физический, психи-ческий, эмоциональный и духовный ущерб людям. Другими словами, пока Коля исчерпал перечень несчастий, в которых он виноват

перед другими людьми, прошло пять лет трезвости. К счастью, он

выявил более тонкие вещи, которые могут ранить очень глубоко.

В семейной жизни он был холоден и бессердечен. Он страдал

от чувства вины перед дочерью за раздражение и нетерпеливость, за то, что пытался жестко править семьей. Слушая о непрерывной

депрессии, угнетающей семью, он начал вспоминать, как пытался

навязать свое состояние жене и ребенку. А вывод, что жить с алкоголиком невозможно, подвиг Колю тщательно проанализировать

116

сферу личностных взаимоотношений. Черты характера, которые ранили людей, стали очевидными.

* * *

Коля возвращался на родину, сбросив вес, поменяв почерк, создав историю своей жизни и опубликовав ее отдельной книгой.

Купив квартиру, перейдя на другую работу, еще раз женившись, из-брав новую религию, он спешил к родным, чтобы успеть при жизни

поблагодарить маму, чтобы сказать о чувствах сестре. Ему предсто-яла встреча с посельчанами, запомнившими его нетрезвым шутом, паяцем и клоуном. Соседка долго вглядывалась в знакомое лицо:

«Коля?!»

Похудение наложило печать усталости, встревожив мамоч-ку: «Ты не заболел?» С большим трудом он выдавил из себя: «Все

нормально…» Разговор не заладился. Заветные слова «мама, я тебя

люблю» не выговорились. Попытка сделаться лучше, измениться в

положительную сторону давалась с трудом.

Коля повидал знакомых, одноклассников. Слоняясь заброшен-ным школьным двором, он тосковал по дням былым. Абрикосы, ра-стущие на каждом шагу, опротивели. Груши в большом количестве

представляли определенную опасность. Бесцельно бороздя марево

Донбасса, он ощущал распирающие его бродильные процессы духовного роста и смутных предчувствий.

* * *

Православный священник поучал алкоголиков. Это выглядело

смешно. Видя его недоумение, алкоголики подсказывали: «Батюшка, бесы забегали?» Давили интеллектом: «Романтизм сострадания

и безнадега – вот что нужно трезвому алкоголику!» Сетовали: «Святой отец, когда тебе плохо, когда жалко себя, вспомни свой последний запой…»

В конце концов, батюшка прошествовал в свою обитель, какая-то дамочка послала ему вслед несколько недуховных фраз.

Брат, обычно предпочитающий на собраниях молчать, обрел дар

речи: «Я контролеру проездной под нос: на тебе! Он мне: взрослый

мужчина, а так ведет себя. Я ему: пошел вон. Но про себя, чтобы

никто не услышал…» Братья ошалели от удивления: молчаливый

117

друг заговорил – это означало, что у него появился реальный шанс

выжить. Коля загадочно улыбался.

* * *

Коля любил слушать высказывания трезвых алкоголиков, напоминающие о том времени, когда он, исполненный праведным

гневом, готов был обрушить его на каждого, кто думает не так, как

он. Новички, рассказывающие о своем прошлом, переносили его в

эпоху одиночества. И чувство вины после запоя казалось ужасней

самого запоя, и страшно не хотелось жить. И до наступления состояния «плохо» нужно было скорее напиться, чтобы всем таким образом отомстить. Наставник пояснил: «Помни, ты алкоголик, ходи на

собрания, другого пути нет…»

* * *

Коля думал о словах брата. «Алкоголизм высасывает силу, как

паук, и остается только тело». Нечто подобное он ощущал в первые

дни трезвости. А в состоянии «хорошо» возникало навязчивое желание выпить и продлить эйфорию. Души как будто не существовало. Программа самоуничтожения продолжала творить свое дьявольское действо. Любить себя не получалось, о Боге вспоминалось

в минуты крайнего отчаяния. Тревожное мышление редко покидало

его. Трезвый алкоголизм валил наповал.

Хотя поезд прибывал в удобное для встречающих время, Ко-лина романтическая жена, по своему обыкновению, не встречала

мужа. Коля не злился, но ставил еще одну галочку в перспективной

графе «супружеская неверность». Какой-то пьяный, неловко разво-рачиваясь, потерял равновесие и растянулся прямо у него под ногами. «Водка пить – земля валяться» – мелькнуло в Колиной голове.

Незнакомая женщина попросила Колю купить две бутылки вина.

«Девять миллионов человек в государстве, а без меня ничего сделать не могут…» – Коля вслух рассмеялся.

* * *

Тяга отбрасывала его к старому мышлению. Он молился и размышлял о бессилии перед жизнью. О том, что Бог все может и надо

надеяться на его помощь. Что нужно продолжать работу по освеще-118

нию своего прошлого, чтобы оно не властвовало над его сердцем, душой и разумом. Нужно открываться людям, чтобы окончательно

выйти из изоляции. И немедленно избавляться от очевидных недостатков, смиренно просить об этом Бога. Чтобы встать на путь

развития взаимоотношений. Чтобы лично возместить причиненный

людям ущерб, загладив вину перед ними.

«Нужно лично возместить причиненный людям ущерб, и ни

в коем случае не следует совершать покаянные акты по телефону

или по почте. Надо обязательно увидеться с людьми и попросить

у них прощения, признав свою вину. Кроме тех случаев, когда это

могло бы повредить им или кому-либо другому», – нудил над ухом

наставник. В таких делах необходимы здравость суждений, умение

тщательно выбирать время, определенная смелость и благоразумие.

Коля вытащил из кармана список людей, которым он причинил

зло. Он тщательно продумывал каждый случай. Он проникался правильным отношением к тому, что ему предстояло выполнить. Какие-то подростки просили у него закурить. Мужчина выпрашивал

мелкую купюру, уверяя, что не может купить хлеба. Хозяйка дома

застыла в огороде с граблями, наблюдая за странным незнакомцем.

Отрешенный от мира, Коля разделял список на части.

* * *

Галочками он отметил тех, с кем нужно незамедлительно установить контакт. Согласно программе, он обрел некую уверенность, что в состоянии поддерживать трезвость, и получил моральное право на этот шаг. В списке Николая смутили те лица, перед которыми

можно было лишь частично возместить ущерб, поскольку полная

открытость принесет им скорее вред, чем пользу. Например, можно

отдать долг другу сегодня же, но ведь Коля многие годы спал с его

женой. Слезами обливалось сердце раскаявшегося грешника, когда

он видел в списке тех, кого уже нет в живых.

Конечно, он не собирался откладывать дело в долгий ящик. Он

распахнул двери и возвестил миру о своем перерождении. Придя с

первого собрания, он признался жене, что понимает, какой ущерб

семье нанесло его пьянство. Прочитав книгу «Анонимные алкоголики», он решился на раскаяние. Слава богу, во время первого разговора произошло самое общее признание вины. На первоначаль-119

ном этапе неразумно возвращаться к мелким эпизодам прошлого.

Благоразумие напоминало об осторожности. Как мудро подсказывал опытный наставник, не покупай душевный покой за счет страдания других.

Человеку, у которого он украл джинсы, Коля изготовился возместить ущерб по почте. Только уступив требованию наставника, он предстал перед обиженным им приятелем. Еще Коля запомнил

окрыляющую атмосферу похвалы на книжном складе, возвращая

пятьдесят долларов за кражу книг. Его хвалили, поднимая до не-виданных высот. В последующем Коля мечтал еще раз испытать то

чувство.

Сделав несколько шагов на пути возмещения ущерба людям, он

почувствовал облегчение, сравнимое разве что с выходом из изоляции на 5 этапе. Соблазн отказаться от более унизительных контактов заставил его придумывать благовидные предлоги, чтобы отло-жить встречи. А эпизоды чрезмерного раскаяния, например, перед

женой, он считал излишними. Просто во время компенсации нужны

открытость и щедрость. И ни в коем случае нельзя взваливать бремя

внебрачных связей на чужие плечи.

* * *

«Едва ли моя ноша станет легче, если я переложу ее на кого-то, –

Николай прошелся туда-сюда, – наверное, я проявляю прямолиней-ность, возмещая ущерб людям. Нужно еще и еще обсудить вопрос

со спонсором и попросить у Бога помощи и руководства. Все равно

ведь сделаю по- своему, чего бы мне это не стоило». Он тут же набрал номер телефона наставника и узнал от него, что не существует

способа действий, который был бы правильным во всех ситуациях.

Важна внутренняя готовность возместить ущерб как можно скорее

и в той мере, в какой это возможно в данных обстоятельствах.

Однажды доктор по фамилии Иванов, спасающий человечество

от смертельного заболевания, не слишком деликатно направил нере-шительного новичка к трезвеющим алкоголикам. Толчок в затылок

показался Коле обидным и оскорбительным. Обида запомнилась.

Коля слушал, как брат учил племянников уму-разуму: «Пьете!» –

«А ты, дядя?» Крыть было нечем. Коля бросал пить каждое первое число, каждый поне-дельник. Смысл пьянства не прояснялся. Но

120

рассуждение брата врезались в память: «Если блага убрать, то оста-нешься трезвым, а если убрать трезвость, то благ не будет».

* * *

Как только он совершал оплошность, он сразу исправлял ошибку или же старался не откладывать самоанализ на завтра. И так изо

дня в день, в хорошую и плохую погоду. Постоянное внимание к

собственным достоинствам и недостаткам, искреннее желание

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.